

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра китайской филологии

ЛИСОВИК

Татьяна Викторовна

ОБРАЗ «НОВОЙ ЖЕНЩИНЫ» В КИТАЙСКОЙ ПРОЗЕ XX-XXI ВВ.

Дипломная работа

Научный руководитель:

старший преподаватель

С. И. Крылова

Допущена к защите

«___» _____ 2019 г.

Зав. кафедрой китайской филологии

кандидат филологических наук, доцент Н. Н. Хмельницкий

Минск, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1 НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	10
1.1 Образ женщины в традиционной китайской литературе.....	10
1.2 Своеобразие формирования «женской литературы» в период становления «новой китайской литературы»	21
ГЛАВА 2 ОБРАЗ «НОВОЙ ЖЕНЩИНЫ» КИТАЯ В ПРОЗЕ XX ВЕКА.....	31
2.1 Социальная тема в творчестве Бин Синь и Дин Лин.....	31
2.2 Образ современной женщины в творчестве Чжан Цзе.....	36
2.3 Исследование внутреннего мира женщины в прозе Лу Вэньфу и Би Фэйюя....	40
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	54
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	57
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	62
ПРИЛОЖЕНИЕ Б	82
ПРИЛОЖЕНИЕ В	82

РЕФЕРАТ

Лисовик Татьяна Викторовна

Образ «новой женщины» в китайской прозе XX-XXI вв.

Структура и объем работы: работа состоит из введения, 2-х глав, заключения, списка использованных источников и 3-х приложений.

Объем: 56 с., список использованных источников – 61 позиций.

Ключевые слова: КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ЖЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ, ЖЕНСКИЙ ВОПРОС, БИН СИНЬ, ДИН ЛИН, ЧЖАН ЦЗЕ, ЛУ ВЭНЬФУ, БИ ФЭЙЮЙ, ОБРАЗ «НОВОЙ ЖЕНЩИНЫ».

Цель работы: изучить эволюцию создания женских образов в китайской литературе, проанализировать их характерологическое описание в китайской литературе XX в., апеллируя к художественному опыту современных писателей.

Объект исследования: цикл эссе Бин Синь «О женщинах» («关于女人»); рассказ Дин Лин «Дневник Софьи» («沙菲女士的日记»); повесть Чжан Цзе «Изумруд» («祖母绿»); повесть Лу Вэньфу «Колодец» («井»); сборник новелл Би Фэйюя «Лунная опера» («青衣»).

Методы исследования: культурно-исторический, биографический, метод компаративного анализа, метод целостного литературоведческого анализа.

Полученные результаты и их новизна: в данной работе был проанализирован ряд произведений китайских авторов, творивших в различные исторические эпохи, начиная с древнейших времён и до наших дней; исследовано своеобразие создания женского образа и специфика изменения роли женщины в китайском социуме с учётом исторического развития.

Актуальность работы заключается в том, что были переведены некоторые произведения с языка оригинала (рассказ Дин Лин «Дневник Софьи», повесть Чжан Цзе «Изумруд»), проанализированы образы женщин в произведениях современных китайских писателей, которые в настоящее время мало изучены в белорусской синологии и литературоведении (Чжан Цзе, Лу Вэньфу, Би Фэйюй).

Рекомендации по использованию результатов: материалы и результаты исследования могут применяться при изучении китайской литературы XX-XXI вв., творчества Бин Синь, Дин Лин, Чжан Цзе, Лу Вэньфу, Би Фэйюя.

Область применения: материалы исследования могут быть использованы в практике преподавания литературоведческих дисциплин, а также в области синологии, культурологии.

РЭФЕРАТ

Лісавік Таццяна Віктараўна

Вобраз «новай жанчыны» ў кітайскай прозе XX-XXI стст.

Структура і аб'ём працы: праца складаецца з уводзінаў, 2 раздзелаў, заключэння, спіса выкарыстаных крыніц і 3 дадаткаў.

Аб'ём: 56 стар., спіс выкарыстаных крыніц – 61 пазіцыя.

Ключавыя словы: КІТАЙСКАЯ ЛІТАРАТУРА, ЖАНОЧАЯ ЛІТАРАТУРА, ЖАНОЧЫ ВОБРАЗ, ЖАНОЧАЕ ПЫТАННЕ, БІН СІНЬ, ДЗІН ЛІН, ЧЖАН ЦЗЕ, ЛУ ВЭНЬФУ, БІ ФЭЙЮЙ, ВОБРАЗ «НОВАЙ ЖАНЧЫНЫ».

Мэта работы: вывучыць эвалюцыю стварэння жаночых вобразаў у кітайскай літаратуры, прааналізаваць іх характаралагічнае апісанне ў кітайскай літаратуры XX ст., апеллюючы да мастацкага вопыту сучасных пісьменнікаў.

Аб'ект даследавання: цыкл эсэ Бін Сінь «Пра жанчын» («关于女人»); апавяданне Дзін Лін «Дзённік Соф'і» («沙菲女士的日记»); аповесць Чжан Цзе «Смарагд» («祖母绿»); аповесць Лу Вэньфу «Калодзеж» («井»); зборнік навел Бі Фэйюя «Месяцовая опера» («青衣»).

Метады даследавання: культурна-гістарычны, біяграфічны, метады кампаратывнага аналізу, метады цэласнага літаратуразнаўчага аналізу.

Атрыманыя вынікі і іх навізна: у дадзенай працы быў прааналізаваны шэраг твораў кітайскіх аўтараў, якія тварылі ў розныя гістарычныя эпохі, пачынаючы са старажытных часоў і да нашых дзён; даследавана своеасаблівасць стварэння жаночага вобраза і спецыфіка змянення ролі жанчыны ў кітайскім сацыюме з улікам гістарычнага развіцця.

Актуальнасць працы заключаецца ў тым, што былі перакладзены некаторыя творы з мовы арыгінала (апавяданне Дзін Лін «Дзённік Соф'і», аповесць Чжан Цзе «Смарагд»), прааналізаваны вобразы жанчын у творах сучасных кітайскіх пісьменнікаў, якія ў цяперашні час мала вывучаны ў беларускай сіналогіі і літаратуразнаўстве (Чжан Цзе, Лу Вэньфу, Бі Фэйюя).

Рэкамендацыі па выкарыстанні вынікаў: матэрыялы і вынікі даследавання могуць прымяняцца пры вывучэнні кітайскай літаратуры XX-XXI стст., творчасці Бін Сінь, Дзін Лін, Чжан Цзе, Лу Вэньфу, Бі Фэйюя.

Галіна прымянення: матэрыялы даследавання могуць быць выкарыстаны ў практыцы выкладання літаратуразнаўчых дысцыплін, а таксама ў галіне сіналогіі, культуралогіі.

ABSTRACT

Lisovik Tatiana Viktorovna

The image of «a new female» in the Chinese prose of XX-XXI centuries

The structure of the thesis: the thesis consists of an introduction, 2 chapters, a conclusion, list of references and 3 annexes.

The volume: 56 p., list of references – 61 source.

Key words: CHINESE LITERATURE, WOMEN'S LITERATURE, WOMAN'S IMAGE, FEMALE'S QUESTION, BING XIN, DING LING, ZHANG JIE, LU WENFU, BI FEIYU, THE IMAGE OF «A NEW FEMALE».

The objective of the research: to study the evolution of the creation of female images in Chinese literature, to analyze a typological description of females characters in Chinese literature of the XX century, appealing to the artistic experience of modern writers.

The subject of the research: series of Bing Xin essay «About Females» («关于女人»); Ding Ling's short story «Miss Sophia's Diary» («沙菲女士的日记»); Zhang Jie's novella «Emerald» («祖母绿»); Lu Wenfu's novella «Well» («井»); collection of Bi Feiyu novellas «The Moon Opera» («青衣»).

Methods of the research: the method of biographical analysis, cultural and historical analysis, comparative analysis, holistic literary analysis.

The results and their novelty: in this paper, we have analyzed a number of works of different Chinese authors, created in different historical eras from ancient times to the present day; investigated the singularity of the creation of the female image and the specificity of changes in the female's role in Chinese society considering the historical development.

The relevance of the work lies in the fact that there were translated some works from the original (Ding Ling's short story «Miss Sophia's Diary», Zhang Jie's novella «Emerald») into Russian, have analyzed females' images in the works of modern Chinese writers who are currently poorly studied in Belarusian synology and literary studies (Zhang Jie, Lu Wenfu, Bi Feiyu).

Recommendations for the use of the results: the research materials and results can be used in the field of studying Chinese literature of the XX-XXI centuries, in the field of studying Bing Xin, Ding Ling, Zhang Jie, Lu Wenfu, Bi Feiyu and their creative work.

Application area: the research materials can be used in the practice of teaching literary disciplines, as well as in the field of sinology, cultural studies.

ВВЕДЕНИЕ

Образ женщины в литературе всегда был объектом пристального внимания исследователей. Её внутренний мир, мир чувств и переживаний, не просто вызывает интерес благодаря своему богатству и разнообразию, но и поражает загадочностью и, зачастую, противоречивостью и непредсказуемостью. Стремление разгадать таинственную и прекрасную женскую душу и породило то огромное количество посвящённых женщине произведений, череда которых тянется с глубокой древности.

Китай со своей многотысячелетней историей в этом плане не стал исключением. И даже, несмотря на отсутствие вплоть до XX века китайской женской литературы как таковой ввиду социального положения женщины, при внимательном изучении данного вопроса мы обнаруживаем, что в богатейшей китайской литературе изображению женских образов отведено далеко не последнее место, благодаря чему, собственно, мы и можем составить представление о китайской женщине и её положении в обществе. В китайской литературе женская тематика, включающая характеристику женских образов, представлена достаточно ярко и разнообразно. Это касается как современных литературных произведений, так и древних памятников китайской литературы, среди которых мы находим довольно богато представленный пласт произведений, где так или иначе вырисовываются образы женщины.

Литература, как известно, наилучшим образом реагирует на малейшие изменения в социокультурном и политическом пространстве общественной жизни, на связанное с этим мировоззрение народа. Литература формируется в тесном единстве с развитием общества. Каждый новый этап в историческом развитии страны находит специфическое отражение в литературе, фиксирует в художественных образах. Таким образом, и отражение женщины в китайской литературе менялось вслед за изменением их положения в обществе.

Изучением положения женщины в обществе занимаются различные гуманитарные науки – история, культурология, литературоведение, социология, этнография, психология. Не менее важным аспектом в исследовании данного вопроса являются вопросы национальной психологии и проблемы изучения этнического самосознания как основополагающие той или иной цивилизации, национального характера, который выявляет также и понимание сущности женского вопроса.

В традиционном китайском обществе женщина была подчинена мужчине. Её место на социальной лестнице в Китае было окончательно закреплено с распространением учения Конфуция. В системе конфуцианских ценностей ей отводилась роль жены и матери. Эти функции становились смыслом и целью её жизни. Основной долг женщины – родить мужу наследника. В средневековом

Китае неспособность стать матерью была одним из самых частых поводов для развода с женой, однако рождение сыновей гарантировало женщине бессмертие в ряду предков рода. Свою жизнь она проводила, подчиняясь мужу, была лишена каких-либо финансовых или социальных прав. В такой ситуации образование для женщины считалось бессмысленным, а обучалась она лишь тому, что могло бы пригодиться для выполнения её основных функций в качестве дочери, жены, матери.

О таком положении китайской женщины нам сообщает, если говорить о древности, в первую очередь, «Шицзин» («诗经») – выдающийся литературный памятник Китая. Женские образы в нём представлены довольно развёрнуто и разносторонне, что позволяет нам представить образ как реальной, так и идеальной женщины. Следует отметить, что в китайской культуре традиционно в образе идеальной женщины «воплощаются универсальные аксиологические ценности: добродетель, твёрдость в следовании морально-нравственным принципам, великодушие, сдержанность чувств, строгость в воспитании детей, доброта и покорность. Женщина почитается как опора внутреннего, душевного благополучия человека, источник жизненной мудрости и знания о чувствах и отношениях, гарант справедливости в семейных вопросах» [26].

В процессе исторического развития ценностная ориентация образа женщины расширяется, и общественное положение китайской женщины от относительно высокого, сопровождаемого рядом прав и свобод в период с эпохи Чжоу и до эпохи ранних империй, значительно снижается до исполнения семейных функций в XVI веке. Но уже во второй половине XVI века наиболее прогрессивно настроенные представители китайского общества начинают обращать своё внимание на положение женщины в обществе, пусть неуверенно, но признавать тот факт, что женщина по своим способностям и моральным качествам может ничуть не уступать мужчинам. Если мы обратимся к драматургии данного периода, то увидим, что в произведениях большое внимание уделяется прославлению ума, таланта и мужества героинь, и это притом, что в Китае в данный период сохраняет свои позиции конфуцианская этика, не рассматривавшая данные женские качества как добродетельные.

К концу XVIII века, после политики изоляции, которую проводила маньчжурская династия Цин, в связи с расширением связей с внешним миром, новые идеи стали проникать в страну. XIX век, век активных отношений с Западом, также приносит свои изменения в жизнь Поднебесной, что нашло отражение как в социальном изменении положения женщины, так и в отношении к ней.

XX век стал переломным для статуса женщины в Китае, во время революций и войн женщине вернулось более высокое положение в семье и социуме, она обрела собственный голос и ряд прав. Меняется женщина,

меняется и отношение к ней в обществе, меняется её взгляд на мир. За одно столетие женщина переживает такие огромные изменения во всех аспектах жизни, каких не произошло за несколько предыдущих столетий. Она борется за свои права, стремится к самоопределению, занимает равное положение с мужчиной.

С проникновением западных либеральных идей, западной философской мысли стали возникать различные общественные движения. Наиболее влиятельными среди них стали «Движение за новую культуру» (新文化运动) и «Движение 4 мая» (五四运动).

Одним из основных направлений деятельности «Движения за новую культуру» стало «Движение за женскую эмансипацию» (妇女解放). По мнению ряда китайских, русских и зарубежных исследователей таких, как Дороти Ко [42], Хань Юйфэн [33], И Чжунтянь [46], Ю. А. Куприяновой [17], Швейгер-Лерхенфельда [37], наиболее активным периодом выступлений китайской интеллигенции в защиту прав женщины стали годы Первой мировой войны. В данный период литература активно реагирует на социальные, политические, исторические, культурные изменения в стране. Героини выходят на первый план, их изображение становилось всё более детализированным, речевые характеристики приобретают индивидуальную окраску. К XXI веку усиливается психологизм в изображении женских персонажей, в литературе появляются сложные женские характеры.

Проблема изучения женских образов в литературе Китая является важной темой исследования для литературоведов, поэтому в настоящий момент существует большое количество материалов по этому вопросу. Вопросы изображения женских характеров в китайской литературе, психологизма, связь с социумом, материнство и брачные связи можно найти в работах В. Н. Усова [32], Л. С. Васильева [9], В. Я. Сидихменова [29], К. М. Тертицкого [31], Н. А. Спешнева [30], Д. Ю. Буранок [51], Е. О. Олиховой [26], М. Е. Кравцовой [16], С. М. Георгиевского [10], Э. А. Синецкой [53], Ли Иньхэ [50], Янь Хайпин [44], Лю Хаомина [43], Гао Мэнтао [40].

В качестве **объекта** нашего исследования был взят ряд произведений авторов, творивших в различные исторические эпохи, начиная с древнейших времён и до наших дней.

Предметом исследования является своеобразие создания образа «новой женщины» и специфика изменения роли женщины в китайском социуме с учётом исторического развития, начиная с древности и заканчивая современностью.

Цель работы – изучить эволюцию создания женских образов в китайской литературе, проанализировать их характерологическое описание в китайской литературе XX в., апеллируя к художественному опыту современных писателей.

Анализ образа «новой женщины» будет проводиться на основе древнего памятника «Шицзин» («诗经») и традиционных литературных произведений эпох Тан, Сун, Юань, Мин, Цин, а также на произведениях литераторов XX - XXI вв.: Лу Синь (鲁迅): «О волосах» («学灯»), «Скорбь по ушедшей» («伤逝»), «Развод» («离婚»); Ба Цзинь (巴金): «Холодная ночь» («寒夜»), «Гибель» («灭亡»), «Семья» («家»); Ван Мэн (王蒙): «Пурпурная шёлковая кофта из деревянного сундучка» («木箱深处的紫绸花服»), «Воздушный змей и лента» («风筝飘带»); Бин Син (冰心): «О женщинах» («关于女人»); Дин Лин (丁玲): «Дневник Софьи» («沙菲女士的日记»); Чжан Цзе (张洁): «Изумруд» («祖母绿»); Лу Вэньфу (陆文夫): «Колодец» («井»); Би Фэйюй (毕飞宇): «Лунная опера» («青衣»).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) Изучить научную литературу, посвящённую исследованию особенностей китайского женского стереотипа в рамках этнопсихологии;
- 2) Исследовать изображение образа женщины в обществе в литературных произведениях, начиная с XI - VI вв. до н. э. (сборник стихов «Шицзин») и до начала XXI вв. («О женщинах», «Дневник Софьи», «Изумруд», «Колодец», «Лунная опера»);
- 3) Выявить тип «новой женщины» и рассмотреть его репрезентацию в произведениях писателей конца XX – начала XXI вв.;
- 4) Проанализировать психологию поведения и социального статуса «новой женщины» в произведениях Бин Синь «О женщинах», Дин Лин «Дневник Софьи», Чжан Цзе «Изумруд», Лу Вэньфу «Колодец», Би Фэйюй «Лунная опера».

Актуальность данной работы заключается в том, что нами было рассмотрено творчество Бин Синь, Дин Лин, Чжан Цзе, Лу Вэньфу, Би Фэйюй с точки зрения создания в них образа «новой женщины», а также предпринята попытка перевода некоторых произведений с языка оригинала (рассказ Дин Лин «Дневник Софьи», повесть Чжан Цзе «Изумруд»).

При написании данной работы были использованы такие **методы** как культурно-исторический, биографический, метод компаративного анализа, метод целостного литературоведческого анализа.

ГЛАВА 1

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1.1 Образ женщины в традиционной китайской литературе

Образ женщины в китайской литературе один из самых древних. Это квинтэссенция многовековых традиций, норм, устоев, что, в свою очередь, стало базой для формирования и становления образа современной женщины.

Изучив теоретический материал и проанализировав мнения и высказывания специалистов различных научных областей (истории, психологии, социологии и др.) о женщинах и их роли в обществе, можно говорить о том, что, начиная с древнейших времён, предназначением женщины было материнство и ведение домашнего хозяйства. Определяющая роль для женщины – хранительница семейного очага. Её жизнь заключалась также и в воспитании будущего поколения: частная жизнь важнее, чем профессиональная или политическая сфера деятельности.

Осознание женщиной себя как полноценной личности не происходило в полной мере. У представительниц женского пола зачастую была невысокая самооценка, неуверенность в себе, интеллектуальная и физическая ограниченность; прослеживалось беспрекословное подчинение авторитету родителей, их излишнее почитание; завистливость, трусость, узкий круг интересов, излишняя угодливость и др.

Все изменения в жизни, положении, статусе женщины всегда находили отражение в литературе определённого периода. Литературные женские образы в процессе эволюции приобретали новые черты, и к XXI в. стали уникальным явлением в китайской литературе. Данное утверждение хорошо иллюстрирует творчество многих современных китайских писателей: Юй Хуа, Сань Мяо, Вэй Хой, Лу Вэньфу, Би Фэйюя, Чжан Цзе и других.

Для всестороннего изучения вопроса о формировании типа «новой женщины» в китайской литературе, необходимо обратиться к литературным первоисточникам. Начальной точкой в нашем исследовании является «Шицзин» («诗经», «Книга песен») – один из древнейших литературных памятников в Китае. Данный канон содержит уникальную информацию, отражающую традиции, язык, культуру, духовные и социальные стороны китайского общества, и включает триста пять народных песен и гимнов. В XI - VI вв. до н.э. в Китае уже практически ничего не осталось от матриархата, тем не менее, многие любовные, бытовые, обрядовые произведения посвящаются

женщине. На примере этого литературного памятника можно представить образ женщины, его роль в обществе того времени.

Как отмечает исследователь Д. Ю. Буранок, «большое количество „женских“ стихов в «Шицзине» объясняется желанием Конфуция использовать их для духовно-нравственного совершенствования своих учеников. Отсюда высокая насыщенность памятника стихами по женской тематике» [51].

В „женских“ произведениях «Шицзина» лирические героини обладают высокими нравственными идеалами и моралью, наделены внешней красотой и богатым внутренним миром. Женскую красоту сравнивают с чем-то неземным, возвышенным, нереальным:

*И вижу я, как твой прекрасен лоб,
Округлены виски и ясен взгляд.
О, эта женщина! Подобной ей
Красы в стране нет больше, говорят* [38, с. 52-53].

В поэтических текстах отражены и внутренние переживания героинь:

*Уйду ль собирать чернобыльник лесной,
Лишь день мы в разлуке, а кажется мне:
Три года ты не был со мной!* [38, с. 70].

Ввиду формы самих произведений, этот внутренний мир проработан поверхностно. Героиня рассматривается в большей степени с внешней стороны (манера поведения, поступки), чем изнутри: женщина ставится в пример, является своего рода эталоном нравственности и порядочности.

Однако в «Шицзине» присутствует ряд произведений, в которых изображены негативные стороны характера женщины в целом, а также указано на невозможность женщины управлять страной, семьёй, так как все попытки приводят её к неудачам:

*Мужчина град возвёл – умён,
Да женщиной разрушен он!
В жене прекрасной есть, увы,
Коварство злобное совы.
Коль с длинным языком жена,
Все беды к нам влечёт она.
Не в небесах источник смут,
А в женщине причина тут.
Ни поучений, ни бесед
Для евнухов и женицин нет...* [38, с. 275-277].

Последние строчки иллюстрируют одно из положений конфуцианской морально-этической системы: женщина занимает равное положение с ничтожным человеком – евнухом. Тем не менее, в «Книге песен» встречаются

противоположные по характеру и содержанию стихи, где женщина выступает и как объект восхищения:

*Тихая девушка так хороша и нежна!
Там, под стеною, меня ожидает она.
Крепко люблю я, но к ней подойти не могу;
Чешешь затылок, а робость, как прежде, сильна.
Тихая девушка так хороша и мила!
Красный гуань в подарок она принесла.
Красный гуань сверкает, как будто в огне;
Как полюбилась краса этой девушки мне.
С пастбища свежие травы она принесла.
Как хороши и красивы побеги травы!
Только вы, травы, красивы не сами собой –
Тем, что красавицей милой подарены вы! [38, с. 49].*

Если говорить о значимости данной книги, то «Шицзин» является основой классической китайской поэзии, поэтому представленные женские образы в данном сборнике, повлияли на образы в поэзии и в прозе последующих эпох Тан и Сун, а также на их дальнейшее развитие и преобразование.

Традиционно период правления династии Тан (唐朝时期, 618-907 гг.) считается «золотым веком» классической китайской литературы, в частности поэзии и искусства. Если говорить о направленности и тематике произведений, то в своей книге советский учёный В. М. Алексеев составил список обязательных тем, на которые писали поэты и прозаики в эпоху Тан с древнейших времён. Среди них присутствует и женская тематика [1, с. 103-114].

В произведениях данного периода часто встречается тема воспевания женской красоты, внешности неземного происхождения: «У приоткрытой двери, опираясь на молоденькую служанку, стояла девушка необычайной красоты; подобной, пожалуй, никогда в мире не бывало. <...> Юноша был околдован, – блестящие глаза, белоснежные руки, походка – само очарование!» [6, с. 174-175].

Героини обладают благородством души, готовы на всё ради любимого человека, вплоть до самопожертвования: «Сяоэ была пряма, искренна, умна и чиста, наставляла заблуждающихся и сумела сдержать свою клятву. Став буддийской монахиней, она не носила шелков, не ела ничего острого и жирного, не говорила того, что не отвечало бы правилам образцового поведения и законам буддийской веры. <...> По поводу этого благородный муж сказал бы: „Не изменить своей клятве отомстить убийцам отца и мужа – вот пример верности. Служить в людях как мужчина, но не показать, что ты женщина, – вот пример целомудрия. С начала до конца во всем быть верной и чистой –

так ведут себя только истинно добродетельные. Примера Сяоэ достаточно, чтобы наставить тех, кто идёт по ложному пути и нарушает порядок в Поднебесной; Сяоэ может служить образцом супружеской верности и дочерней почтительности“» [20, с. 151-152].

Женская тематика присутствует и в творчестве таких знаменитых и почитаемых поэтов, как Ли Бо и Ду Фу.

У Ли Бо (李白, 701-762/763 гг.) мы находим цикл стихов «Стихи о женской доле», который состоит из следующих произведений: «Осенние мысли», «Печаль», «Тоска о муже», «Ветка ивы», «Думы о муже, ушедшем воевать далеко за границу», «Горечь» [27, с. 140-147]. Ли Бо восхваляет женскую красоту, преданность, жертвенность, храбрость:

<i>Уехал мой муж далеко, далеко</i>	<i>И тихо плывёт луна.</i>
<i>На белом своём коне,</i>	<i>Последние листья роняет утун</i>
<i>И тучи песка обвывают его</i>	<i>Совсем обнажился сад.</i>
<i>В холодной чужой стране.</i>	<i>и ветви под резким ветром в</i>
<i>Как вынесу тяжкие времена?..</i>	<i>ночи</i>
<i>Мысли мои о нём,</i>	<i>Качаются и трещат.</i>
<i>Они всё печальнее, всё грустней</i>	<i>А я, одинокая, только о нём</i>
<i>И горестней с каждым днём.</i>	<i>Думаю ночи и дни.</i>
<i>Летят осенние светлячки</i>	<i>и слёзы льются из глаз моих –</i>
<i>У моего окна,</i>	<i>Напрасно льются они [19, с. 141].</i>
<i>и терем от инея заблестел,</i>	

У Ду Фу (杜甫, 712-770 гг.) женский образ весьма трагичен. В своих стихотворениях он описывает тяжёлую судьбу обычных крестьянских женщин, через призму судьбы которых показывает бедственное положение в государстве. Ярким примером является стихотворение «Стихи о женщинах, собирающих хворост», в котором нелёгкий физический труд быстро превращает привлекательных и жизнерадостных женщин в седых старух:

<i>Здесь, в Куйчжоу,</i>	<i>Девушки не думают</i>
<i>Девушкам не сладко,</i>	<i>О счастье,</i>
<i>Волосы у них</i>	<i>А о том,</i>
<i>Седеют рано.</i>	<i>Как сытыми прожить бы.</i>
<i>Ни семьи, ни мужа,</i>	<i>Да к тому ж –</i>
<i>Ни порядка,</i>	<i>Таков обычай местный –</i>
<i>В сорок лет –</i>	<i>Мужикам</i>
<i>Лишь горе, без обмана!</i>	<i>Трудиться нет охоты, -</i>
<i>В дни войны</i>	<i>А на плечи жёницин,</i>
<i>И грозного ненастья</i>	<i>Как известно,</i>
<i>Большинству мужчин</i>	<i>Все труды ложатся</i>
<i>Не до женитьбы.</i>	<i>И заботы.</i>

*Две косы девических
Уныло
Падают
На сгорбленные плечи,*

*И цветы
Украсить их не в силах –
О красе
Здесь не идёт и речи [52, с. 181].*

Танские писатели и поэты не стремились прорисовать глубокие психологические портреты героинь, описать их внутренний мир и переживания. Здесь мы так же не найдём и самоанализа, внутреннего диалога героинь. И если в танскую новеллу уже постепенно начинает проникать авторское начало, то писатели всё же стараются избегать резкой критики или оценки действий персонажа. Поэтому характеры героев не проработаны детально. Но вместе с тем, мастерство поэтов и прозаиков заключалось в том, что, указав на какую-то одну определённую деталь, читатель мог понять, какие отношения между героями и что их связывает, какой у них взгляд на те или иные вещи: «...ведь дочь моя настоящая деревенщина, стоит ли она того, чтобы служить вам, сударь, у вашей подушки и циновки?» [6, с. 177]; «Говорила она умно и красиво, но всё же по облику это была обезьяна» [24, с. 119].

Следующим важным общественно-политическим и историческим этапом является период правления династии Сун (宋朝时期, 960-1279 гг.), который можно охарактеризовать как период нового культурного подъёма. Взаимодействие поэзии и прозы становится гораздо сильнее. Нередко в канву прозаических произведений вплетались поэтические вставки, в которых прославлялась женская красота: «Одна из жениц с нарочитою пристальностью посмотрела на Ян Сывэня. Судя по платью, она тоже была из Восточной столицы. Вот что увидел Ян Сывэнь:

*Она изящна и легка,
Как воды осени, покойна,
Блестят в причёске жемчуга,
Одежда зал дворца достойна.
Наряд знаком по „Сюаньхэ“ годам,
Манеры – как у всех придворных дам» [25, с. 115].*

Часто внешние достоинства героинь подтверждались и положительными чертами характера. Прославлялись женская добродетель, целомудренность, верность мужу и семье: «Я пожертвовала жизнью ради того, чтобы сохранить верность мужу, и не раскаиваюсь» [25, с. 132]; «Муж сейчас служит в Цзиньлине, а я не пожелала изменить долгу супружеской верности и покончила с собой» [25, с. 128].

Примечательным является и тот факт, что в данный период творила одна из самых известных поэтесс Китая Ли Цинчжао (李清照, 1084-1155 гг.), которая в своих стихотворениях делилась собственными ощущениями, переживаниями,

чувствами. Детализация в описании окружающей реальности играла важную роль в изображении переживаний лирической героини, её настроения:

*Слабый луч. Ветерок несмелый.
То вступает весна на порог.
Я весеннее платье надела,
На душе ни забот, ни тревог.
Я с постели только что встала,
Охватил меня холодок.
В волосах запутался алый
Мэйхуа опавший цветок.
Где ты, край, мне навеки милый?..
Нам в разлуке жить суждено.
Нет, забыть я тебя не в силах,
Не поможет тут и вино!
Свет курильницы тускло мерцает,
Словно омут, манит постель...
Догорает свеча и тает,
Но ещё не проходит хмель [15, с. 353].*

Стоит отметить, что внутренний мир и психология чувств женских персонажей всё так же остаётся непроработанной. Как правило, характер героинь описывается несколькими чертами, отсутствует его наполненность:

*Я слышал: она очень робкая
И быстро приходит в смущенье.
Едва вас завидит, как личико
Зальётся под пудрою краской.
На вас разве только украдкой
Задержит свой взгляд на мгновенье [15, с. 493-494].*

Как и в произведениях эпохи Тан, отсутствует индивидуализация образа. Женский персонаж – шаблон, служащий примером для подражания многим представительницам прекрасного пола, поведение которых должно соответствовать существующей морали того времени.

Последующие изменения в литературной и культурной жизни Китая происходят в период правления династии Юань (元代, 1271-1368 гг.) – первой иностранной (монгольской) династии на всей территории Поднебесной. Эти изменения наблюдались, главным образом, в жанровой структуре. На новую ступень развития выходит драматическое искусство. Это становится возможным благодаря смене религиозных воззрений (конфуцианцы в корне не воспринимали этот жанр). Ввиду ослабления позиций неоконфуцианства и установления тибетского буддизма (ламаизма), очевидным становится тот факт,

что во многих пьесах на первый план выходят именно женские образы. Героинями пьес были представительницы всех сословий.

Таким примером может послужить образ героини пьесы одного из основателей драматургического жанра, известного китайского писателя Гуань Ханьцина (关汉卿, 1210-1280 гг.) «Обида Доу Э» («窦娥冤», 1292 г.). Девушка берёт на себя ответственность за убийство, которого она не совершала, жертвуя, тем самым, своей собственной жизнью:

*Осуждена судом неправым, стану духом безглавым
по дорогам мрака брести,
Но как от тебя, от убийцы отца, от распутника, подлеца,
обиду перенести?
Ведь нельзя без конца людские сердца
по ложному следу вести.
Земля и Небо знают о моей обиде напрасной!
Не поддамся кривде вовеки, живая ли, мёртвая!
Но где же, где в этой страшной беде
мне справедливость найти?
Я готова признать в чужой вине,
чтоб от вас приговор отвести!
Но если я умереть не решусь,
как же мне вас спасти? [12, с. 285-286].*

Показателен тип женского образа и в более поздней разновидности юаньской драмы чуаньци (传奇, повествование о необычайном). Одним из ярких примеров является пьеса Гао Мина (高明, 1307-1368 гг.) «История Лютни» («琵琶记», 1356 г.): «Она из области Чэньлю, по имени Унян из семьи Чжао. Лик её прекрасен, и не хвалите перед ней красоту цветов персика или сливы. Добродетельной и скромной, ей можно полностью доверить поручения, связанные с полынью и ряской» [14, с. 7].

Характер и внутренний мир героинь раскрываются через словесное описание и личностное восприятие другими персонажами. Образы становятся насыщенными и яркими. Автор описывает внешность и внутренние качества, при этом ни в коем случае не умаляя достоинств героинь: «Она – поистине удивительная барышня! Посмотрите, какой у неё прекрасный и благородный вид! Без единого изъяна на дивном лице она подобна совершенному нефриту. Её непорочное сердце чисто, как прозрачная вода, сквозь толщу которой видно дно. Госпожа выросла среди драгоценных камней, но прихорашивается скромно, изящно. С рождения окружена толпами в роскошных одеждах, но картины пышного великолетия противны ей. Она не находит улады для слуха в пении и музыке, любит одно рукоделие: с удовольствием уединяется и целыми днями не покидает девичьей. У неё вызывают улыбку походы других девиц на

прогулки. Разве она согласится оставить палаты даже в сопровождении девушек? Повсюду цветёт яблоня, а госпожа даже не спросит, как много цветов осыпается ночами. В воздухе летают последние пушинки тополя и ивы, а ей не любопытно, что будет, как весна уйдёт. < ... > Но больше люди завидуют её отменной начитанности и превосходному воспитанию. В этом она – „не покидающая дом девушка-сючай“. Если говорить о её добродетельном поведении, она – настоящий благородный муж в шапке учёного!» [14, с. 10-11].

Следуя традиции восхваления женской красоты и добродетели, автор детальнее описывает поведение, привычки и характер героини, однако женский образ по-прежнему остаётся до конца незавершённым.

На смену династии Сун приходит династия Мин (明代, 1368-1644 гг.), а следом за ней – династия Цин (清代, 1644-1911 гг.) – последняя династия императоров Китая. В данный период одним из ведущих жанров становится роман. Для писателей этих эпох весьма характерным была опора на литературные образцы и традиции прошлых династий, в особенности на сунские. Наиболее показательными и масштабными произведениями, в которых огромное внимание уделяется женским персонажам соответственно, любовно-бытовой роман «Цзинь, Пин, Мэй», или «Цветы сливы в золотой вазе» («金瓶梅», 1617 г.) [35] неизвестного автора по прозвищу Ланьлинский насмешник (兰陵笑笑生), и один из самых знаменитых китайских романов «Сон в красном тереме» («红楼梦», 1763-1791 гг.) Цао Сюэциня (曹雪芹, 1715-1763 (64?) гг.) [34].

В данных романах описывается быт и уклад богатых и родовитых семей и их потомков, которые, ввиду своего распутного и развратного образа жизни, в итоге теряют все привилегии и титулы, тем самым прекращая существование своего рода. В романе «Сон в красном тереме» [34] автор обличает упадок нравов, моральное разложение, а в «Цзинь, Пин, Мэй» [35] добавляется ещё и осуждение беспорядочных любовных связей, измен. Если говорить непосредственно о женских образах и характерах, то, как и в произведениях предыдущих столетий, они весьма шаблонны и типичны. Женская красота имеет важное значение и по-прежнему стоит на первом месте: *«И тут из внутренних покоев в сопровождении нескольких служанок, молодых и старых, появилась очень красивая женщина. Наряжена она была как сказочная фея, расшитые узорами одежды сверкали. Волосы, стянутые узлом, были перевиты нитями жемчуга и заколоты пятью жемчужными шпильками в виде фениксов, обративших взоры к сияющему солнцу, на шее – ожерелье с подвесками, изображающими свернувшихся в клубок золотых драконов. Атласная кофта, вытканная яркими цветами и золотыми бабочками. Поверх кофты – накидка из тёмно-серого, отливающего серебром, набивного шёлка и креповая юбка с*

цветами по зелёному полю. Глаза чуть раскосые, брови – ивовые листочки. Во всём облике женщины чувствовалась лёгкость и стремительность, густо напудренное лицо было добрым, на плотно сжатых алых губах играла едва заметная улыбка» [34, с. 66]; «Её волосы чернее воронова крыла; изогнуты, как месяц молодой, подведённые брови. Глаз миндалины блестящи, неподвижны. Благоуханье источают губы-вишни; прямой, будто из нефрита выточенный нос; румянами покрытые ланиты. Миловидное белое лицо округлостью своей напоминает серебряное блюдо. Как цветок грациозен лёгкий стан; напоминают перья молодого лука тонкие нежные пальцы; как ива талия гибка; пышно мягкое тело; изящны остроконечные ножки – белы и стройны. Высокая полная грудь; нечто крепко-накрепко связанное, алое с гофрировкой, белое свежее-парное, чёрно-бархатистое, а что, не знаю сам. Все её прелести не в силах описать» [35, с. 43-44].

Прославление женской добродетели так же является важной составляющей этих романов: «...не щадя сил, она поддерживала строгий порядок и тщательно продумывала каждое своё распоряжение. Недаром все члены рода от мала до велика восхищались её способностями» [34, с. 84];

И хороша собой и праведна она,

Ей величавость от роду дана.

Всегда и всюду сдержанна, спокойна,

Быть знатною и старшей быть достойна [35, с. 285].

Таким образом, отметим, что женские персонажи данных эпох не претерпели каких-либо существенных изменений.

Следующим важным произведением для нашего исследования является роман знаменитого китайского писателя Цзэн Пу (曾朴, 1872-1935 гг.) «Цветы в море зла» («孽海花», 1905 г.) [36].

Идею романа Цзэн Пу позаимствовал у китайского поэта Фань Цзэнсяна (樊增祥, 1846-1931 гг.), который в 1899-1900 гг. опубликовал первую часть «Поэмы о Цайюнь» [28, с. 9]. Сюжет произведения «Цветы в море зла» практически полностью совпадает с фабулой данной поэмы. В своём романе автор описывает жизнь «верхушки» китайского общества – образованной интеллигенции и передовых людей того времени, обличает пороки общества, пытается отыскать пути его «реанимирования» [28, с. 5-20].

Цзэн Пу попытался максимально точно описать характер и психологию мышления главной героини, раскрыть и показать внутренний мир женщины. Образ Фу Цайюнь является одним из самых тщательно проработанных и глубоких в китайской прозе начала XX века [28, с. 19].

Читатель знакомится с Цайюнь, когда друзья её мужа Вэньцина приглашают его на прогулку на лодке: «Очаровательное существо с красотой женщины и умом мужчины, словно созданное самим небом <...> девушка лет

четырнадцати-пятнадцати, не слишком высокая и не слишком низкая, не полная, но и не худая, с овальным лицом, похожим на дынное семечко, и кожей, напоминающей цветок персика. Её тонкие брови были чуть нахмурены, красивые глаза полузакрыты. <...> Фигура девушки была полна невыразимого очарования, а лицо неудержимо притягивало к себе» [35, с. 111].

Несмотря на такую привлекательную внешность, характер у девушки весьма непростой. Во время поездки за границу, Вэньцин рассказывает Цайюнь об одном случае с женой его знакомого, которая прославилась своим умом и смекалкой, при этом говоря: *«Если у тебя окажется хоть доля её способностей, значит, я не зря брал тебя с собой!»* [35, с. 150]. После этих слов, наложница призадумалась: *«Совершенно очевидно, что господин смотрит на меня как на простую девку, которая не сможет принести ему славы. Он боится, что я вызову при дворе лишь насмешки. Ну что ж, я найду способ заставить свет уважать меня!»* [35, с. 111].

Стоит отметить, что значительное влияние на психологию образа и определённых черт характера главной героини повлияло положение женщин в китайском обществе в целом. Как известно, вплоть до 40-х годов XX века в Китае разрешалось многожёнство, а также содержание наложниц. Только в 1934 году это право было упразднено [11]. Показательной является сцена перед отъездом Цзинь Вэньцина в Европу. Его жена, ссылаясь на знатность своего происхождения, говорит: *«...я слышала, что по иностранным обычаям жена посла должна принимать гостей, ходить на балы, пожимать руки, целоваться... Я ведь из знатного рода и совершенно не привыкла к подобным вещам, поэтому неплохо было бы найти преданную женичину, которая смогла бы меня заменить! <...> К счастью, ты давно уже взял себе наложницу и избавил меня от многих хлопот. Можешь взять её с собой за океан»* [36, с. 127-128].

Однако сама жена замечает, кто в браке главный, называя своего мужа господином. Так, когда Вэньцин заболевает, она говорит Цайюнь: *«Спусти сначала ноги господина с дивана, а потом возьми его под руку»*; и при обращении к самому мужу: *«Что вам нужно, господин?»* [36, с. 346].

Хотя Фу Цайюнь и являлась всего лишь наложницей Цзинь Вэньцина, она не боялась открыто высказывать своё недовольство: *«Не хвастайся! Ты с утра до вечера, обнявшись со старыми книжками, бормочешь на тарабарском наречии какие-то двуслоги, трёхслоги, четырёхслоги! Накуришь так, что голова раскалывается! А свои прямые дела откладываешь, по неделям к ним не прикасаешься. Не то что пядь китайской земли, даже если тебя самого унесут, ты и то не заметишь! <...> Эта бумажная рвань меня просто бесит! Вот разорву её сейчас в клочки, тогда посмотрим, сколько она будет стоить!»* [36, с. 178]. По последующей реакции Вэньцина становится

очевидным, что слова Цайюнь нередко подтверждались действиями: *«Услыхав слова Цайюнь, Цзинь Вэньцин забеспокоился, как бы она и в самом деле не осуществила своего намерения»* [36, с. 178].

Несмотря на всё своё непостоянство, на многократные измены, Цайюнь навсегда остаётся преданной Вэньцину: *«...она услышала ласковый зов Цзиня и поняла, что он приближается к дивану. Сердце её заняло, она почувствовала, что поступила слишком жестоко. Едва он притронулся к ней, молодая женщина вскочила и прильнула к его груди. Она не могла вымолвить ни слова и лишь горько плакала»* [36, с. 338-339]. Девушка искренне раскаивается в своём поведении: *«Как я ненавижу себя за то, что поддаюсь минутному опьянению и попала на удочку! Я думала, что могу немного повеселиться и пококетничать! Кто мог ожидать, что этим я заставлю вас всю жизнь страдать?!»* [36, с. 338-339].

Когда Вэньцин умирает, Цайюнь мучительно страдает, но в силу своего бунтарского духа, желания быть свободной и независимой, она не хочет дожидаться окончания траурного срока и собирается покинуть дом своего любимого, тем самым нарушая главные заповеди конфуцианского канона. Это ещё раз указывает на силу влияния западных ценностей на сознание героини и на своеобразие её характера. Жена Вэньсяна считает, что такое поведение оскорбляет память умершего и позорит всю семью мужа. Она просит друзей Вэньсяна вразумить распутную наложницу. Цайюнь, подслушав разговор, врывается в комнату со словами: *«...я – человек и хорошо помню, с какой теплотой относился ко мне покойный господин. Он ушёл, прожив лишь половину того, что ему причиталось, но десятилетняя любовь не забывается! Только что госпожа Чжан говорила, как я убивалась в первые семь недель и как хотела быть верной ему. Всё это правда, и я поступала вполне искренне. Но такой уж у меня от природы дурной характер: люблю шум и веселье, я не властна над собой. Пока господин был жив, он сдерживал меня своим хорошим обращением и лаской. Сейчас же мной управлять некому, а сама я справиться с собой не могу. Если вы оставите меня здесь силой, я не поручусь, что не выйдет какого-нибудь скандала, который ещё больше повредит памяти господина. Кроме того, я очень расточительна: с детства меня не приучили заниматься хозяйством, а когда я попала в этот дом, господин всегда потакал мне и позволял тратить деньги направо и налево. Сейчас, после смерти господина, средства, естественно, сократились, и при всей милости госпожи ко мне я не могу всё время требовать у неё денег. Но от привычки к мотовству сразу не избавишься. Боюсь, что наследства, оставленного господином, не хватит даже на мои карманные расходы. Вот я и подумала: чем, притворяясь верной женщиной, пятнать добрую память господина и портить карьеру его детям и внукам, лучше откровенно попросить, чтобы меня отпустили. Я хочу*

воспользоваться тем, что вы сегодня здесь, и выложить перед вами всё начистоту» [36, с. 376].

В конце романа, так и не дождавшись окончания срока траура, Цайюнь сбегает из дома и решает вернуться к своей прежней профессии – вновь стать гетерой: *«...нечего колебаться. Для меня есть только один приемлемый путь: добиться свободы. Пока ещё неясно, как устроить жизнь в дальнейшем. Снова выйти замуж или остаться одной? Может быть, открыто вернуться к прежней профессии?» [36, с. 444].*

Подводя итог к вышесказанному, можно заключить следующее:

- 1) начиная с древних времён и вплоть до XX века, женские персонажи шаблонны и однообразны;
- 2) описывается преимущественно их внешность и правильное поведение;
- 3) почитание мужа, родителей, согласно конфуцианской морали, – первейший долг женщины и дочери;
- 4) поверхностное описание женских образов не даёт чёткого представления об их внутреннем мире;
- 5) психология мышления героинь данных произведений придерживается традиционной модели и практически не отходит от неё.

Важно отметить и то, что по сравнению с предыдущими классическими литературными памятниками в романе Цзэн Пу «Цветы в море зла» раскрытие типа «новой женщины» происходит на более глубоком уровне: разносторонняя демонстрация характера женщины, её внутренние противоречия и борьба делают образ весьма правдоподобным и достоверным. Автор хочет донести до читателя то, что, невзирая на занимаемое положение в обществе или семье, достаточно проявить сильные черты своего характера, своё желание и упорство, и можно добиться многого. Ориентированность на западные традиции так же оказывает сильное влияние на психологию женского образа. Цзэн Пу рисует женщину в новом свете: эта уже не просто послушная и любящая наложница или жена с мягким и кротким характером, но женщина сильная и своевольная, со своими убеждениями и желаниями. Следовательно, данное произведение можно рассматривать как своеобразную начальную точку в трансформации женского образа. Однако по-настоящему преобразование женских персонажей произойдёт в эпоху «культурной революции» и новых общественных движений.

1.2 Своеобразие формирования «женской литературы» в период становления «новой китайской литературы»

Становление новой китайской литературы приходится на послереволюционный период 1911–1913 гг. («Синьхайской революция», 辛亥革命). Смена правящего режима, по мнению исследователей, привела к

переосмыслению таких вопросов, как положение и роль женщины в семье и обществе [53]. Ещё одним немаловажным фактором является «открытость» Китая и, как следствие этого, стремительное взаимодействие с «внешним» миром, что способствовало проникновению в Китай западной философской мысли, либеральных ценностей, способствовавших активизации общественной мысли в стране. Ввиду этого возникали различные общественные движения, задачей которых стало создание новой культуры Китая («Движение 4 мая 1919 года» (五四运动), «Движение за новую культуру» (新文化运动)). Её фундаментом и ключевыми компонентами были как традиционное наследие, так и достижения западной науки и культуры [48, с. 21]. Деятели движений пытались распространить своё влияние на различные сферы жизни, пробовали внести изменения в сфере образования, социального статуса женщин в обществе, семейного уклада, переосмыслить некоторые демократические ценности. Таким образом, формируются основные направления «литературной революции» (文学革命) [18, с. 44], развиваются новые взгляды на гендерные различия.

Как утверждает российский синолог Э. А. Синецкая, вопрос о положении женщины в Китае на официальном уровне уже поднимался в 20-е годы XX в. В первую очередь, это связывалось с утверждением, «что эмансипация нации начинается с эмансипации женщины» [53], так как в Китае государство традиционно уделяет особое внимание функционированию и укреплению института семьи, рассматривая его как основу стабильности и процветания.

Одним из важных направлений в деятельности движений стало 妇女解放 – движение за освобождение китайских женщин, защита их прав и свобод [39].

Дороти Ко, автор книги «Наставники внутренних палат» [42], затрагивает вопрос о женской эмансипации в Китае и полагает, что просвещение и повышение социальной роли женщины в конце XIX – начале XX вв. стали ключевым моментом в либерализации всего китайского общества и во вхождении Китая в современный мир [42, с. 2].

Относительно развития новых идей Э. А. Синецкая, вслед за Дороти Ко, отмечает, что «начавшаяся в Китае с конца позапрошлого столетия в полном смысле культурная революция вводила в оборот практически все идеи, сформировавшиеся к XX веку в мировой общественной мысли, а после крушения монархической власти, в ходе развернувшегося так называемого движения за новую культуру («Движение 4 мая 1919 г.»), сделало их доступным для более широкого круга читателей» [53].

Знаковым общественным событием стало принятие «Закона о браке» (1932 г.), согласно которому женщина не была более подвластна отцу в выборе

спутника жизни, как это было принято. Женщина становится полноправным членом в обществе, ей дано право участвовать в политической жизни страны.

Новый образ женщины, стоящий в центре движения, должен был обладать таким набором качеств, который ставил бы её в один ряд с мужчиной, делал равноправным членом общества.

Вслед за этим на страницах печатных изданий стали употреблять определённые словосочетания, которые с течением времени превратились в устойчивые выражения: «новая женщина» (新妇女), «женщина передового образа мыслей» (新女性).

В статьях шанхайского журнала «Новая женщина» («新妇女», 1920 г.), который был основан пятью преподавательницами из частных женских школ, были рассмотрены следующие положения: право женщин на образование и на труд, право на равную оплату наряду с мужчинами, равноправие в семье, свобода вступления в брак и т.д. [54]. Стоит напомнить, что огромное влияние на большинство идей, которые проповедовались в обществе, оказали именно западные концепции: на Западе женщина была намного свободнее, имела реальные права.

С точки зрения просветителей, образ женщины должен был быть представлен героиней, обладающей сильным характером, способностью к личному и профессиональному росту, с правильными моральными установками и ценностными ориентирами, положительным взглядом на жизнь. Новая женщина 1920-х гг. была «образованной, трудоустроенной, независимой и активно участвующей в публичной жизни» [41, р. 86]. Подобные высказывания можно было встретить на обложках журналов и рекламных плакатах, в статьях периодических изданий.

Следующий этап изменения положения женщин относится к началу 1930-х гг. Именно в этот период в Шанхае идёт активная пропаганда нового, современного взгляда на женщину. Наиболее значительный вклад в его развитие внесли следующие издания: «Юный компаньон» («良友», 1926 г.), «Утончённая элегантность» («玲珑», 1931 г.), «Студентка» («女同学»), «Счастливая семья» («快乐家庭») и многие другие [48, с. 546].

Журнал «Юный компаньон» ориентировался на широкую женскую аудиторию, был доступен благодаря сравнительно низкой цене. Этот фактор сыграл немаловажную роль в распространении издания среди девушек и женщин с низким и средним достатком.

Ещё одним значительным журналом, который повлиял на умы шанхайских женщин, стало издание «Утончённая элегантность», широко известное и за пределами Китая. Основную цель авторы видели в популяризации нового образа современной женщины, так называемой «женщины новейшего образца» (摩登女性). В нём можно было найти

всевозможные статьи по проблеме эмансипации женщин, например, «Пагубное влияние древнего семейного уклада» [45], «Новая семья и новая женщина» [47, с. 88]. Помимо общественной и семейной жизни женщины, внимание уделялось и её самосовершенствованию, и развитию как личности, и возможности реализации творческого начала. Исследователь женского творчества Хань Юйфэн считал, что включение женщины в сферу искусства и эстетики – «одно из проявлений духа новой свободной женщины Китая» [33].

В период Республики (中华民国 , 1912-1949 гг.) в крупных городах страны можно было наблюдать настоящий спортивный бум. В печатных изданиях шла активная пропаганда занятием спорта среди девушек и женщин. В этих же изданиях был создан чёткий портрет современной женщины. Это была сильная и самостоятельная личность, способная отстаивать свои права. Одновременно она достаточно эрудированная: знает о последних веяниях моды и зарубежных событиях, умеет поддержать разговор в среде образованной молодёжи. Помимо этого она следит за собой и умеет вызывать восхищение окружающих.

Стоит отметить, что образ именно такой прогрессивной, по-западному либеральной, привлекательной и самостоятельной современной женщины и стал визитной карточкой Китая конца 20–30-х гг. В сознании женщин, в особенности жительниц Шанхая, произошёл значительный поворот, изменились ценностные ориентиры. Девушки Шанхая, во многом схожие с жительницами городов на Западе, стали эталоном стиля и образцом для подражания многих китайнок.

Изменение традиционного представления о женском образе, а также социального статуса и роли в семье и браке нашло широкое отражение не только в политической, экономической, социальной сферах и прессе, но и в многочисленных художественных произведениях писателей того времени.

Огромный вклад в развитие данного движения внёс знаменитый китайский писатель и общественно-политический деятель Лу Синь (鲁迅, 1881-1936 гг.). Он был одним из первых, кто в своих произведениях заговорил о равноправии полов, о свободе женского творчества. В рассказе «О волосах» («学灯», 1920 г.) автор поднимает вопрос о бесполезности и ненужности некоторых принятых реформ, критикует законы, которые были написаны с целью «улучшить» положение женщин: *«А теперь вы, идеологи, подбиваете ещё и девушек стричься. Хотите умножить число напрасных жертв?.. Сколько стриженных девушек исключили из школы, сколько не допустили к экзаменам? Вы шумите о революции, а где взять оружие? Вы призываете совмещать учёбу с работой, а где заводы?.. Пусть девушки по-прежнему ходят с косами, пусть их выдают замуж! Забыть обо всём – это тоже*

счастье. Но горе им, если они запомнят хоть что-нибудь о равенстве и свободе!..» [23, с. 89].

Писатель достоверно изображает общество того времени, которое с осуждением смотрело на державшихся за руки мужчину и женщину, даже если это были муж и жена. Однако в таком обществе существовали женщины, не боявшиеся выражения своих чувств. Такова героиня рассказа Лу Синя «Скорбь по ушедшей» («伤逝», 1925 г.) Цзыцзюнь: *«На улицах, казалось мне, нас постоянно преследовали то любопытные и насмешливые, то непристойные и презрительные взгляды. От этих бесцеремонных взглядов становилось не по себе. Я весь съеживался, но затем сразу же прибегал к спасительному средству – принимал гордый и протестующий вид. Цзыцзюнь же совсем осмелела и ни на что не обращала внимания. Шла спокойно, неторопливо, будто вокруг никого не было»* [23, с. 273]. Она не отказывается от своих принципов и убеждений, хотя от них же и страдает: *«С дядей они давно поссорились. Он даже перестал считать её своей племянницей»* [23, с. 274]. В душе героини зреет протест, она вступает в конфликт с традиционным укладом общества. Цзыцзюнь хочет жить самостоятельной, независимой от кого-либо жизнью, порывает с привычным окружением. Финал рассказа предполагает, что героиня, освободившись от сковывавших её рамок, не смогла до конца преодолеть социальные рамки: *«Цзыцзюнь не придёт, как, бывало, в прошлом году, она не будет больше идти, сгибаясь под тяжким бременем пустоты, преследуемая суровым отцом и презрительными взглядами всех остальных. Её судьбу решила правда, которую я ей открыл, и она погибла среди чужих – без любви»* [23, с. 286]. Лу Синь показывает читателю, насколько сильно человек и его судьба зависят от социума и от устоявшихся традиционных представлений.

В рассказе «Развод» («离婚», 1925 г.) Лу Синь повествует о главной героине по имени Айгу, которая также не побоялась высказать свой протест и пойти против большинства. Девушка проявляет свой сильный характер и заявляет, что будет *«драться не на жизнь, а на смерть»* [23, с. 305].

Значительное влияние на раскрепощение женского образа оказало творчество известного писателя, переводчика и общественного деятеля Ба Цзиня (巴金, 1904-2005 гг.). В своих произведениях он затрагивает тему женского положения в общественной и социальной жизни страны, даёт точную характеристику портретов многих женских персонажей (роман «Холодная ночь» («寒夜», 1947 г.), повесть «Гибель» («灭亡», 1927 г.)). Одним из самых показательных его произведений считается социально-обличительный роман «Семья» («家», 1933 г.), действие которого разворачивается в самом обычном провинциальном городке, в знатной семье Гао, где непонимание между двумя поколениями ведёт к острому конфликту и открытому протесту против традиционных устоев и ценностей. Одной из ключевых фигур

произведения является Гао Цинь – девушка передовых взглядов, которая желает получить хорошее образование и реализовать все свои мечты: *«Гао Цинь была самой красивой, самой весёлой девушкой. Она очень рано поступила в женскую школу, а нынче шёл уже третий год, как она училась в провинциальном женском педагогическом училище <...> её лицо протестующее, страстное, решительное, не терпящее никаких обид»* [4, с. 44].

Цинь узнаёт, что в мужском училище иностранных языков впервые открывают приём девушек в женскую группу: *«первой обязательно запишусь я, – говорит Цинь»* [4, с. 45]. Однако девушка понимает, что не всё так просто, ведь *«в сычуаньском обществе ещё слишком много людей с консервативными взглядами, отстаивающих старую мораль. Их силы ещё очень велики. Они непременно выступят против. Совместное обучение – ведь такое им и во сне не снилось!»* [4, с. 45]. Цинь просит разрешения у своей матери – госпожи Чжан, но та отказывает ей: *«Просто уму непостижимо, во что превратился нынешний мир. Им уже мало женских школ, теперь хотят ещё какого-то совместного обучения. Когда мы были девушками, то не смели даже подумать о существовании такого красивого слова»* [4, с. 61]. Девушка расстраивается, падает духом, но в популярном на то время журнале «Новая молодёжь» её взгляд неожиданно падает на отрывок из произведения «Нора» знаменитого писателя Генрика Ибсена: *«прежде всего я человек, так же, как и ты, или по крайней мере должна постараться стать человеком. Знаю, что большинство будет на твоей стороне... Но я не могу больше удовлетворяться тем, что говорит большинство. Мне самой надо подумать об этих вещах и попробовать разобраться в них»* [4, с. 62]. Девушка осознаёт, что не всё потеряно и нужно попробовать изменить ситуацию самой, ведь дело касается её собственного будущего: *«Добьюсь я своего или нет, это неважно, всё равно попытаюсь»* [4, с. 62]. Она *«вдруг поняла, что ещё не все потеряно, что успех зависит от её собственных усилий. Надежда есть, нужно только полагаться на себя, а не на других»* [4, с. 63]. Но Цинь преследует не только свои личные цели, она задумывается и о будущем своих близких. В письме к своей сестре она пишет: *«Я решила сдавать экзамены. Что ты на это скажешь? Наверное, поступишь вместе со мной? Верю, что никакие трудности тебя не остановят. Мы во что бы то ни стало должны бороться и проложить новую дорогу для наших сестёр в будущем, сделать их счастливыми»* [4, с. 63]. Цинь выделяется на фоне других женских персонажей романа за счёт своего твёрдого характера и стойких убеждений. Её сила духа и целеустремлённость – движущий механизм, ведущий к успеху во всём, за чтобы она ни взялась. Ба Цзинь рисует образ девушки с прогрессивным, современным взглядом на жизнь.

Показательным также является образ главной героини романа Ба Цзиня «Холодная ночь» Шушэн, которая мечтает о счастье и благополучии. Она

страдает от собственной нереализованности и повседневной обыденности: *«Такая же тусклая, как вся наша жизнь, которая никогда не станет ярче, но и не угаснет – будет тлеть. Два-три года назад у нас ещё были мечты и надежды, они давали силу терпеть, а теперь...»* [3, с. 38]. Шушэн осознаёт, что молодость не вечна, что всё когда-либо заканчивается, поэтому хочет кардинально изменить свою жизнь, почувствовать радость и удовлетворение от каждого прожитого дня: *«Женщина рано стареет. Я не эгоистка, но хочу хоть немного радости. У меня никогда её не было. Жизнь одна, упустишь случай, второй не представится. Я покидаю тебя ради собственного счастья, ради своего будущего»* [3, с. 82]. Женщина понимает, что если не изменить ситуацию, то она так и не узнает всей прелести жизни, поэтому решительно порывает со своим прошлым, хотя и понимает, что её будут критиковать и осуждать: *«Я молода, полна сил, я не могу влачить это жалкое существование, мириться с бесконечными ссорами, терпеть одиночество и тоску. Я стремлюсь к жизни полной, насыщенной»* [3, с. 119]. Как и Гао Цинь, Шушэн не пугают перемены, она, наоборот, стремится к ним. Героиня знает, что только она – творец своего счастья, и если не начать делать что-то ради себя, то никто этого не сделает. Ведь даже самые близкие люди жертвуют своими интересами в угоду мнению окружающих.

Ещё одной важной литературной фигурой является китайский писатель и общественный деятель Ван Мэн (王蒙, 1934 г.). Ван Мэн относится к представителям течения в современной китайской литературе – «литературе шрамов» (伤痕文学), которая приходит на смену «изолированной литературы», что было характерно для времени строгого политического режима Мао Цзэдуна. Этот период также является периодом «культурной революции» (文化大革命, 1966 - 1976 гг.), когда любое неосторожно сказанное слово могло обернуться заключением или ссылкой, когда литература становится политическим оружием, средством тотального контроля общественных масс. «Литература шрамов» – это своего рода исповедь перед читателем и вместе с читателем, так как от режима Великого Кормчего страдала не только интеллигенция, но и простой народ. Это невысказанная вслух обида и разочарование оскорблённого поколения, которое искало выход накопившегося в душе чувства протеста.

В своих произведениях Ван Мэн описывает трагические события, высказывает своё недовольство по отношению к правящим верхам, критикует выбранный ими политический курс. Он также затрагивает проблемы, касающиеся женских прав и свобод. Писатель изображает женщин разных возрастов, описывает их жизненный путь. В рассказе «Пурпурная шёлковая кофта из деревянного сундучка» («木箱深处的紫绸花服», 1984 г.) автор посредством одушевлённой вещи повествует о нелёгкой доле её хозяйки Лишань, молодость которой проходила в послевоенные годы, когда многие

семьи учились жить заново: *«Лишань купила кофту в пятьдесят седьмом. <...> Хотя с того самого раза надеть её так и не довелось. И не только по труднообъяснимым причинам, которые заставляют женщин выбирать тот, а не иной наряд, – просто подошли шестидесятые годы»* [8, с. 138].

Женщине нравится пурпурная кофта, но она понимает, что прошло слишком много времени и носить её она уже не сможет – фасон неподходящий, да и годы уже не те. Но героиня всем сердцем любит эту вещь и не хочет с ней расставаться, ведь она ей дорога как память об ушедшей молодости: *«А Лишань словно понимала её: бывало, уложит очередную обнову, закроет крышку, а потом опять откроет, достанет кофту и держит в руках, любуясь. И кофта слышала её мысли: „Нет, эта вещь мне дороже всех красивых новых нарядов“. А вслух она произносила: „Когда-нибудь потом“...»* [8, с. 140].

Пурпурная кофта разделяет чувства своей хозяйки. Она чувствует нестерпимую душевную боль и горечь Лишань за свою жизнь: *«Это память о моей свадьбе и о моём девичестве, всего-то три часа она пробыла на мне, а сопровождала двадцать шесть лет»* [8, с. 143].

В конце рассказа писатель говорит о том, что всё нужно делать вовремя, чтобы потом не жалеть, что чего-то не сделал или не реализовал, не стоит ждать того самого подходящего момента, и если его оттягивать, то он может никогда не наступить: *«Одежду положено носить, несчастна та одежда, которая никому не нужна. И всё же самую дорогую обычно прячут поглубже в сундук»* [8, с. 144].

Ещё один рассказ Ван Мэна «Воздушный змей и лента» («风筝飘带», 1981 г.) повествует о судьбе юной девушки Фань Сусу, которая живёт в годы правления Мао Цзэдуна, когда выделяться из толпы и осознавать себя индивидуальностью было чем-то неправильным: *«Городу же, ну, не считая бабушки, на неё наплевать. Выгнал её Город, когда было ей всего шестнадцать. Впрочем, не то чтобы „выгнал“. Гремели салюты, и фанфары призывали в целинные края. И были ещё красные знамена, красные книжечки, красные повязки, красные сердца – море красного. Строился Алый Мир, в котором девятьсот миллионов сердец сольются в одно. Всех, от восьми до восьмидесяти, – в один загон, всем декламировать великие цитаты, всем: „Налево коли!“, „Направо коли!“, „Бей! Бей! Бей!“»* [8, с. 85].

Сусу уже в детстве проявляла свои сильные стороны характера, лидерские качества: *«В шесть лет Сусу была командиром группы в детском саду. <...> В девять лет возглавила пионерский отряд, и папа упивался этим... Когда загудел паровоз, он вдруг заплакал, на его искаженное лицо стало тяжело смотреть. Ребята в поезде все ревели. И только Сусу не пролила ни слезинки, видимо, в своё славное будущее она верила гораздо крепче, чем отец»* [8, с. 86].

Однако всё оказалось совсем не так радужно, как думала Сусу. Героиня страдает от того, что так и не реализовала своих амбиций: время не то, к тому же Сусу – девушка, а для представительниц слабого пола многое было недоступно, даже запрещено: *«Жизнь коротка. Потому и нет для нас ничего дороже времени. – А моё драгоценное время, – грустно улыбнулась она, уже заслышав вдали цокот копыт своего жеребёнка, – уходит на тарелки»* [8, с. 88].

Сусу предпринимает попытки пойти против общественного мнения: *«Вот так она стала заниматься арабским – к ужасу бдительных сограждан. Тебе не положено отвлекаться от тарелок. Поддаваться всяким веяниям. А нет ли у тебя связей с заграницей? Смотри, примутся опять выискивать политические „странности“ – „странных людей, странные занятия, странные явления“ – и в новой чистке заведут на тебя дело. Послушайте, я же не разбила ни одной тарелки. В начальницы не лезу. Да, про Магомета, Садата и Арафата знаю. Так что основания „для особого дела“ есть»* [8, с. 88]. Но успехом это не увенчалось: *«Вот тогда-то у них всё и „сладилось“». Папе тут же донесли. От всевидящего ока девушкам никуда не скрыться»* [8, с. 90].

Тотальный контроль над частной жизнью и постоянные подозрения окружающих разрушают личность изнутри, ломают тот самый стержень, на котором держится вся решимость и желание чего-то нового, каких-то перемен: *«Вот бы нам обоим невидимками стать. Станем танцевать посреди парка, и никто не заметит. – Тише, тише! На тебя уже обращают внимание. – Ну конечно, слышали непристойность – танцы. А сами – свиньи»* [8, с. 92].

Таким образом, начиная с XX века, активизируются различные общественные движения, которые выступают за раскрепощение женщин и улучшения их положения в социальной иерархии, за обретение одинаковых прав с мужчинами. В то же самое время в китайской литературе формируется новый тип женщины, характеры литературных героинь претерпевают значительные изменения: это уже амбициозные женщины с радикальными взглядами.

Опираясь на проанализированный материал, можно заключить, что особенность нового типа женщины состоит в следующем:

1. в раскрепощении своего внутреннего мира, внутреннего «я» («Семья», «Пурпурная шёлковая кофта из деревянного сундучка», «Воздушный змей и лента»);
2. в освобождении сознания (хоть и частично) от традиционных представлений относительно обязанностей в семье и социального положения в обществе («О волосах», «Скорбь по ушедшей», «Семья», «Воздушный змей и лента»);

3. в высказывании собственной точки зрения, оценки и суждения («Развод», «Семья», «Холодная ночь»);

4. в проявлении как отрицательных, так и положительных черт характера (отход от устоявшейся многовековой концепции «послушной и покорной жены / дочери» – «Развод», «Холодная ночь»);

5. в стремлении отстаивать свои права, идеи («Скорбь по ушедшей», «Развод», «Семья», «Воздушный змей и лента»).

ГЛАВА 2

ОБРАЗ «НОВОЙ ЖЕНЩИНЫ» КИТАЯ В ПРОЗЕ XX ВЕКА

2.1 Социальная тема в творчестве Бин Синь и Дин Лин

В настоящее время в современной китайской литературе выделяют два значительных направления: литература Китая (中国文学), которая делится на материковую и нематериковую; «заморская» литература (海外文学), которая делится на пограничную и иммигрантскую [61]. К материковой относится та литература, которая написана непосредственно на территории Китая, исключая Тайвань, Аомынь и Гонконг, так как литература этих регионов «развивается на китайской территории, преимущественно находящейся „за морем“» [7, с. 31].

Значительное влияние на формирование «женской литературы» (女性文学) и актуализации «женского вопроса» на материковой части Китая оказало развивающееся в начале XX в. феминистское движение, а также творчество писательниц Бин Синь (冰心, 1900-1999 гг.) и Дин Лин (丁玲, 1904-1986 гг.), которые стояли у самых его истоков [18]. Женщины-писательницы нового Китая затрагивали ряд проблем, касающихся «социального статуса женщины, её место в политической борьбе, проблемы семьи и брака, освобождение женщины и завоевание свобод» [18, с. 136].

В творчестве Бин Синь (наст. имя Се Ваньин, 谢婉莹) весьма точно и правдиво раскрыта тема поиска себя, возможность самореализации как в профессиональном, так и в семейном плане. Одной из её показательных работ является цикл эссе «О женщинах» («关于女人», 1941-1942 гг.). Он состоит из 14 очерков-эссе, которые печатались в издаваемом Бин Синь журнале «Женщины и культура» («妇女文化»). После публикации этого цикла писательницу по праву стали считать создателем концепции «величия женщин» («女人伟大»). Эту концепцию она доказывала своими очерками. Все героини – современницы Бин Синь, представительницы различных социальных групп, которые по-разному переносят выпавшие им на долю испытания и трудности военного времени (войны Соппротивления Японии с 1937 по 1941 гг., гражданская война).

Очерки можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся те очерки, в которых главные героини имеют высокое положение в обществе, хорошее образование, являются членами влиятельных семей. Например, дочь дипломата, обладающая европейским образованием («Моя ученица», «我的学生»), девушки, получающие образование в наиболее известных и престижных учебных заведениях («Моя соседка», «我的邻居»; «Моя однокурсница», «我的同学»). Ко второй группе относятся очерки, посвящённые простым

крестьянкам, не имеющим должного образования и весомого положения в обществе, постоянно работающие и незнающие усталости: («Мать моего друга», «我的朋友之母»; «Сноха Чжан», «张嫂»).

В большинстве этих очерков автор не даёт имён своим героиням, заменяя их буквами английского алфавита, так как героини являются собирательными образами и представляют определённый социальный класс. Например, «*S выросла в Австралии*» [57]; «*Сударыня С – моя однокурсница в университете*» [58]; «*Мадам М в школьные годы была непосредственной, очень способной ученицей*» [55].

Все три героини наделены характерными чертами, присущими представительницам интеллигенции, оказавшимся в условиях войны. Они являют собой образец для подражания и воплощение христианских представлений о долге женщины как жены и матери.

Показателен образ S: у неё хорошие успехи в учёбе, её окружение – это дети из обеспеченных семей, родители – влиятельные дипломаты. Одевается она по последней моде, по манере держаться подражает европейским девушкам. В её речи нередко можно услышать иностранные слова: «*Одежда, выражение лица – она полностью походила на европейскую девушку. Она весьма свободно разговаривала на английском языке*» [57]. Все пророчили ей счастливую судьбу. Однако госпожа S выбирает иной путь: девушка выходит замуж за однокурсника, который впоследствии связывает свою жизнь с геологией. После оккупации японскими войсками севера Китая она вместе с мужем и тремя детьми уезжает в провинцию Юньнань. Их новым домом становится горная деревушка. Семья сталкивается с тяжёлыми условиями жизни, претерпевает всевозможные лишения. Именно в этот период героиня проявляет новые качества своего характера: жизнестойкость, оптимизм и любовь не только к близким, но и ко всем окружающим. В её представлении – жизнь как игра в «*„дочки-матери“*», в которую мы часто играли в детстве: *строительство дома, изготовление мебели, воспитание детей, готовка еды, стирка, разведение кур, посадка овощей – каждый день как белка в колесе. Но это поистине хорошая игра*» [57].

Если госпожа S видит свою самореализацию в воспитании детей и семейном счастье, то для госпожи М (очерк «Моя соседка»), эмоциональной и чувствительной натуры, весьма трудно было свыкнуться со своим новым положением. Она считала своим призванием литературу и никак не планировала всю жизнь заниматься только хозяйством и воспитывать детей. Не реализовав свои амбиции, не применив свои способности и весь свой потенциал, она окончательно падает духом: «*Она сама топит печь, перебирает рис, шьёт башмаки, штопает носки – в душе она как пустое и бесчувственное высохшее дерево*» [55].

Помимо китайок из высших классов, Бин Синь посвящает несколько очерков простым, необразованным крестьянским девушкам. Таковой является героиня очерка «Сноха Чжан». По своему характеру она напоминает госпожу S: *«Сегодня с самого утра она сразу приступила к работе. Ни капли не устав, она сидела на кровати, плетя рыболовные сети. Эта женщина несгибаема!»* [59]. Она не считает, что её жизнь стала особенно тяжёлой из-за надвигающейся войны. Её муж находится в армии, и хотя она в любой момент может получить известие о его гибели, героиня продолжает свой ежедневный нелёгкий труд: *«Тяжёлый физический труд всё-таки оставил неизгладимый след на её молодости. Но она никогда не задавала вопросов, никогда не сомневалась и не жаловалась»* [59].

На протяжении нескольких десятилетий в Китае идут междоусобные войны. Миллионам крестьян приходится покидать родные земли и вступать в ряды солдат. Сноха Чжан не видит особого различия между сражениями китайских военных группировок за политическую власть и войной с внешним агрессором – Японией. Её жизнь лишь выживание.

Бин Синь также говорит и о несправии крестьянской женщины: *«Её отдали в семью мужа в двенадцать лет, велели быть нянькой, и она ухаживала за детьми своей будущей свекрови. Та часто была её. Сейчас снохе Чжан двадцать пять лет, но выглядит она старше, потому что весь день проводит в поле»* [59].

В целом очерк звучит жизнеутверждающе, хотя писательница не умалчивает о житейских трудностях крестьянок. Сноха Чжан чувствует, что она необходима родным, поэтому не падает духом.

Самым показательным очерком следует назвать «Мать моего друга». Госпожа F – «новая женщина», у которой *«после многих лет голода и страданий, пусть даже нет личного счастья, появилось желание жить, смелость сражаться»* [56]. Действие происходит в начале войны. Мисс F влюбляется в своего друга, господина K, у которого уже есть жена и дети. Его мать пытается объяснить F, что ради неё сыну придётся покинуть семью. И это принесёт только страдания. Поэтому мисс F решает пожертвовать своими чувствами. Она уезжает из города и присоединяется к армии, которая ведёт бои с японцами.

Бин Синь описывает решение своей героини уйти в армию как бегство от страданий, окружающей её действительности. Однако девушка сделала этот выбор, и он очень многозначителен. Мать господина K чувствует вину за это решение и пытается себя оправдать: *«Не потому что я бездушная, просто я верю, что окружающая военная обстановка пойдёт ей только на пользу. Во всяком случае, вся накопившаяся печаль и одиночество выльются в иное, возвышенное и благородное чувство»* [56]. Мисс F пока нельзя назвать

активным борцом. Но если взглянуть на героинь ранних рассказов Бин Синь, они, потерпев поражение в личной жизни, не считают её неудавшейся, а, наоборот, находят в ней новый смысл.

Таким образом, Бин Синь наделяет своих героинь ещё несколькими новыми чертами в соответствии с требованием времени: патриотичностью и самопожертвованием. В очерках писательницы не наблюдается глубокий психологизм, однако по образу жизни, по манере держаться в обществе, по отношению к труду, перед нами вырисовывается довольно-таки точный портрет, определённый «новый» тип китайской женщины в литературе XX века.

В феврале 1928 года в журнале «Ежемесячник прозы» («小说月报») был опубликован рассказ Дин Лин (наст. имя Цзян Бинчжи 蒋冰之) «Дневник Софьи» («沙菲女士的日记»), который вызвал бурную реакцию в обществе.

«Дневник Софьи» повествует о послереволюционной жизни Софьи, девушки с волевым и сильным характером. Под влиянием эпохи, в которой живёт героиня, её характер претерпевает изменения: она становится более эгоистичной, замкнутой, нелюдимой. Софья хочет отыскать выход из сложившейся ситуации, пытается найти лекарство от «современного недуга», корни которого уходят далеко в историческое прошлое.

Портрет героини весьма многогранен. Софья – девушка передовой мысли, она способна осознавать и принимать новые идеи. Будучи тяжело больной (у неё туберкулёз), она в одиночку пытается постигнуть все премудрости науки, что вызывает у читателя глубокую симпатию. Однако Дин Лин вовсе не ставила своей целью вызвать чувство сострадания. Она хотела изобразить обстановку того времени, дать точную художественную оценку, описать важный этап в осознании себя как личности и изменении образа мышления. Софья является яркой представительницей своей эпохи, образом тех женщин, которые в эпоху культурной революции наконец-то сбросили связывающие их оковы, избавились от влияния феодального гнёта и конфуцианских идей. Постепенно они становились хозяйками собственной жизни. Однако, так как в Китае с давних времён женщина зависела от воли мужчины и своих родственников, полностью изменить свой образ мышления и осознать себя как личность ей не удаётся.

Сама Дин Лин говорила: «我固执地要在自由的天地中飞翔, 从生活实践中寻找自己的道路。但‘自己的道路’是什么, 在哪里?» [60]. (*«Я упорно настаиваю на свободе, на поисках собственного жизненного пути. Но, в конце концов, где же найти этот жизненный путь, что это вообще такое?»*). [Здесь и в дальнейшем перевод сделан нами – Лисовик Т., см. ПРИЛОЖЕНИЕ Б].

Благодаря тому, что рассказ написан в форме дневника, читатель может прочувствовать все душевные переживания героини, её умонастроение. С первых страниц мы видим, что Софья очень замкнутая и одинокая девушка.

Живя в большом многоквартирном доме, она не может найти себе места: «Один человек может сидеть, ждать, что время пройдет? Я каждый день жду, когда пройдет эта зима. Почему она, в конце концов, такая длинная?»).

Софья без чьей-либо помощи борется со своей болезнью, ей некому выговориться. Девушка задыхается в собственном одиночестве. Но даже когда к ней кто-нибудь заглядывает, то она не может в полной мере выразить свои чувства: «После обеда, брат пришел, я услышала тот особый стук обуви из коридора: «После того, как я пообедала, до меня донеслись стремительные шаги Вэй Ди. В душе я неслыханно обрадовалась, услышав их. Однако когда он вошел ко мне, то я не смогла ничего ему сказать. Я просто молча сидела и наблюдала за ним»).

С другой стороны, Софья – натура эгоистичная. Она знает, что сосед Вэй Ди любит её, но девушка часто насмехается над ним, а иногда и вовсе получает непонятное чувство удовлетворённости при виде его слёз: «Увидев его плачущим, я даже почувствовала облегчение, и сказала: „Пожалуйста, побереги свои слёзы на другой случай. Не надо думать, что все девушки настолько сентиментальны. Слёзы вызывают у меня лишь чувство отвращения“»).

У Софьи, как и у всех людей, есть хорошие и плохие черты характера. Несмотря на её своевольное, порой эксцентричное поведение, Софья заслуживает того, чтобы её любили и уважали. Хотя она и насмехается над чувствами Вэй Ди, но девушка вовсе не играет ими. Часто в душе её мучают стыд и раскаяние. Для того чтобы Вэй Ди перестал добиваться Софьи, девушка даёт ему прочитать свой дневник. Вэй Ди понимает, что она не может испытывать к нему каких-либо чувств. Девушка искренне желает ему найти настоящую любовь.

Сама Софья испытывает чувства к Лин Цзиши – приятелю её друга Юнь Линя. С одной стороны, она страстно желает быть с ним, с другой – страдает от невыносимых душевных мук, так как понимает, что это невозможно. Но она не сдаётся и борется за своё счастье. Эта настойчивость, стремление добиваться желаемого – одна из главных идей рассказа. Она не питает несбыточных надежд и иллюзий, а действует со знанием дела.

В конце рассказа образ Софьи претерпевает изменения. Несмотря на то что девушка полностью сосредоточена на своей болезни, она вовсе не хочет, чтобы к ней проявляли жалость. Именно поэтому она закрывается от всех, отталкивает от себя Вэй Ди и пытается в одиночку справиться с этим недугом.

Девушка «悄悄的活下来，悄悄的死去» [60]. (*«Тихо влача своё существование, также тихо уходит в иной мир»*).

На протяжении всего рассказа Софья ведёт невидимую, внутреннюю борьбу, которую, в итоге, она и выигрывает. Характер Софьи продуман до мельчайших деталей. Он многогранен, противоречив, но несмотря на эту разноплановость, все его черты проявлялись очень ярко и живо. Дин Лин скрупулёзно выписывает мельчайшие детали настроения. Она практически не уделяет внимания деталям внешним. Глубокий психологический самоанализ, постепенное переосмысление своих взглядов на многие вещи, постоянный внутренний монолог главной героини даёт читателю возможность пройти весь путь становления вместе с ней. Также в произведении подчёркивается пытливость ума, стремление расширять свой кругозор и открывать для себя новые интересные вещи. Образ Софьи отличается целостностью, глубиной и завершённой.

Таким образом, на рубеже XX - XIX вв. в литературе материкового Китая наблюдается тенденция к освещению ряда вопросов, затрагивающих женские права и свободы, их социальный и политический статус. Решение этих проблем авторы так называемой «женской литературы» показывали через призму судеб женских персонажей, выводя их на передний план. Основной темой данных произведений является судьба женщины в обществе, её взгляды, устремление, желание быть нужной.

На фоне всевозможных испытаний и трудностей, выпавших на долю героинь в очерках Бин Синь (войны Сопrotивления Японии с 1937 по 1941 гг., гражданская война), выявляются их главные и доминирующие черты: патриотичность и самопожертвование.

В рассказе «Дневник Софьи» Дин Лин делает акцент на умении главной героини вести внутренний монолог: девушка проводит глубокий анализ собственного поведения, чувств и эмоций. Писательница так же подчёркивает стремление героини открывать для себя что-то новое, проявлять интерес ко всему, что её окружает. С помощью психологических приёмов, используемых автором, читатель может проследить эволюцию внутреннего мира и образа данного персонажа.

2.2 Образ современной женщины в творчестве Чжан Цзе

Следующей писательницей, в творчестве которой затрагивается «женский вопрос», является представительница более младшего поколения, китайская писательница Чжан Цзе (张洁, род. 1937 г.). Многие её произведения («Дитя, пришедшее из леса», «Есть один юноша», «Чья жизнь лучше?» и др.), написанные в 1978-1980-е гг., стали своеобразной основой, фундаментом для её

по-настоящему важных произведений, касающихся положения и роли женщины в обществе, её поиску самоидентичности («Изумруд», «Плот», «В дождь»). Чжан Цзе одна из первых писательниц, которая вышла за рамки так называемых «запрещённых тем», когда в своих произведениях стала говорить о любви – наивысшем идеале женского счастья. По этой причине к её творчеству стали относиться неоднозначно: кто-то осуждал автора за чрезмерное своеволие, а кто-то восхищался её смелостью.

Одним из таких произведений является повесть 1981 года «Изумруд» («祖母绿»), в которой Чжан Цзе использует приём «потока сознания», давая читателю возможность углубиться в женское подсознание, проникнуть в самую душу героинь.

В повести два главных женских образа – китайки Лу Бэйхэ и Цзэн Линэр. В первых двух частях произведения повествование идёт от лица Лу Бэйхэ. Героиня уже немолода, у неё есть муж и малолетний сын. Она живёт в старинном богатом доме, у неё приличная работа и, казалось бы, что желать больше нечего. Однако женщина чувствует себя одинокой, непонятой, нелюбимой мужем: «就是左蕓在，她也不会把自己没有考虑成熟的事情讲给他听» [49]. (*«Даже когда Цзо Вэй рядом, она не может поделиться с ним своими соображениями»*). [Здесь и в дальнейшем перевод сделан нами – Лисовик Т., см. ПРИЛОЖЕНИЕ В].

Её сын Сяндун совсем на неё не похож. Он своеволен, эгоистичен, недальновиден. Муж и свекровь в своё время всячески потакали его прихотям, в результате чего он вырос непочтительным и разбалованным ребёнком. Отношения со свекровью тоже не сложились: та часто придирается без веских причин и раздражается по любому поводу. Поэтому при всём видимом благополучии семьи, Лу Бэйхэ чувствует себя «не в своей тарелке».

Анализируя свою прошлую жизнь и настоящую, Лу Бэйхэ понимает, что с самого начала им с Цзо Вэем не следовало становиться семьёй. Даже с университетских лет у них не было ничего общего: «念大学的时候，左蕓是社会活动的积极分子。系学生会主席。组织春游啦，秋季运动会啦，文艺汇演啦，和苏联留学生联欢啦，在全市五四青年节的纪念大会上发言啦……总之，是在一切重要场合抛头露面的人物。<...> 她自己呢，一直是一个功课平平的学生。从高中开始，她就是团支部书记。到了大学，又是年级的党支部书记。那时候，学生里的党员可谓凤毛麟角，只能是一个年级成立一个支部。现在又是研究所的党委副书记和副所长。她这一辈子，恐怕要终老在这“书记”的职位上了!» [49]. (*«В университете Цзо Вэй был общественным активистом, являлся председателем студенческого комитета. Он организовывал весенние поездки за город, осенние спортивные праздники, театральные фестивали, проводил встречи со студентами из СССР, находящимися на стажировке, а также выступал с речью на городском юбилейном торжестве, приуроченному ко Дню*

молодёжи.... Короче говоря, этот человек мог быть в качестве представителя на любом важном мероприятии в любой ситуации. <...> Сама она была обычной, заурядной студенткой. Начиная со средней школы старшей ступени, она стала секретарём комсомольской ячейки. В университете она опять-таки являлась секретарём партийной ячейки своего курса. Сейчас в исследовательском институте она является заместителем секретаря партийного комитета и заместителем директора института. Она боялась, что всю жизнь будет в роли этого самого „секретаря“»).

Ни внешне, ни по характеру они никак не совпадали: «他，直长的鼻，飞扬的眉，炯炯的目。瘦削而棱角分明的面庞，一副硬汉子的模样。而她，一双弥勒佛的笑眼，遮蔽起人们可以从那里窥视内心的双眸。圆鼻头，圆脸庞，一副和气生财的模样。<...> 讲究穿着。剪裁合体，质地精良» [49]. («У него прямой длинный нос, высоко поднятые брови, искромётный взгляд, худощавое и скуластое лицо – наружность непреклонного и принципиального человека. У Бэйхэ же была пара улыбающихся глаз бога Майтрейя, в которых люди видели отражение её души. Её наружность излучала дружелюбие и благожелательность благодаря круглому кончику носа, круглому овалу лица. <...> Он одевался со вкусом. Одежда была сшита из превосходного материала и идеально ему подходила»). Казалось бы, что перед нами образ идеального мужчины. Однако произошёл неприятный случай, который изменил не только всю его жизнь, но и жизни Лу Бэйхэ с Цзэн Линэр: «他风流潇洒，却并不和女孩子纠缠不清。曾令儿可能是他唯一爱过的女孩子——如果那也叫做爱的话。倒不是他守身如玉，他只是——只是不会爱罢了。有一种人，似乎天生没有爱的这根神经。换句话说，他最后和卢北河结婚，从实质上来说，和从大街上随便拉一个女人结婚，没有什么两样» [49]. («Цзо Вэй не такой как все, он особенный. Однако в романтических отношениях с девушкой он запутался. Возможно, Цзэн Линэр была его единственной любовью, если можно это так называть. Цзо Вэй вовсе не хранил свою честь как какую-то драгоценность. Он просто...он просто не умел любить. Существует такая категория людей, которые рождены без этого чувства, без „любовного нерва“. В конце концов, он женился на Лу Бэйхэ, по сути, будто бы просто подобрал какую-то незнакомую женщину с улицы, и нет здесь места чувствам»).

Если говорить про судьбу Цзэн Линэр, то она весьма трагична и буквальна переполнена печальными событиями.

Родилась Цзэн Линэр в обычной рыбацкой семье, училась в самой простой школе. Она была великодушным и добрым человеком. Вместе с тем она также обладала огромной силой духа и невероятным упорством: «有次运动会，曾令儿参赛的项目是 „仰卧起坐“。做到二百多个的时候，其他的选手便已败下阵去，曾令儿的冠军已经稳拿。但她还是不停地做下去。<...> 她一直做到四百多个才算罢休，然后一动不动地躺在垫子上，眼睛发直，嘴唇发紫。男同

学说，她那肚皮简直是块钢板。‘钢板’的绰号就是这么来的» [49]. (*«Однажды на спортивных соревнованиях она участвовала в дисциплине „подъём корпуса из положения лёжа“ . Когда она уже сделала это упражнение более двухсот раз, остальные участники сдались и выбыли из соревнования. Цзэн Линэр стала заслуженным победителем. Но она продолжала безостановочно делать упражнение. С девяти часов и до одиннадцати она ни разу не остановилась. Каждое движение ей уже давалось с трудом. Её лицо исказилось от боли, она побледнела, но не останавливалась. <...> Дойдя до четырёхсотого раза, Цзэн Линэр остановилась. Она лежала на мате и не могла двинуться. У неё посинели губы. Она вытаращила глаза. В это время один из однокурсников сказал, что у неё не живот, а настоящий кусок стали. С тех пор к ней и пристало прозвище „кусок стали“»*).

У героини был не только «стальной» живот, но и «стальная» выдержка. Как уже было сказано выше, Цзэн Линэр и Цзо Вэй в свои юношеские годы очень любили друг друга. Цзэн Линэр действительно верила в искренность чувств Цзо Вэя. Но эта «слепая» любовь обошлась ей слишком дорого.

Как известно, в годы «культурной революции», в которые проходила юность главных героев, любая клевета на безвинного человека расценивалась как веский повод сослать его в качестве «правого элемента» куда-нибудь подальше от цивилизованной жизни. Так произошло и с Цзэн Линэр.

Случилось так, что её обвинили в написании дацзыбао, которое на самом деле написал сам Цзо Вэй. Однако он побоялся в этом признаться. Он избегал ответственности и не осмелился защитить свою любовь: «她帶着一種超凡入聖的快樂，看着低垂着腦袋，坐在會場一角的左廡。她的心裏只有這個低頭坐在角落裏的人» [49]. (*«Она была необычайно счастлива, когда смотрела на опущенную голову Цзо Вэя, сидящего в углу возле сцены. В её сердце был лишь тот, сидящий в углу, человек с опущенной головой»*).

Цзэн Линэр взяла всю ответственность на себя, полностью пожертвовав своим будущим: «她願為他獻出自己的一切：政治前途，功名事業，平等自由，人的尊嚴……» [49]. (*«Ради него она была готова пожертвовать всем: будущей политической карьерой, репутацией, равенством и свободой, человеческим достоинством...»*).

Героиня понимала, что, возможно, это конец и её личной жизни, но в душе она ещё верила в искренность любви Цзо Вэя. Когда Цзо Вэй получил рекомендательное письмо, он и сам думал, что любит Цзэн Линэр. Но проблема была в том, что он только так думал. «然而曾令兒是他的救命恩人，再生父母，他要報她的恩。<...> 他却感到心裏空空如也，脚步飄浮。他以為他會就此更愛曾令兒。但那壯烈的新愛情不但沒有及時地到來，連那舊日的愛情也突然地，而且是那麼快地——好像就在一秒鐘之間，在他接過那封介紹信的同時，飛走了，消失得無影無踪» [49]. (*«Цзэн Линэр его спаситель, его благодетель. Он*

должен отблагодарить её за доброту. <...> Но в то же время от чувствовал душевную пустоту, у него подкашивались ноги. Он думал, что сможет ещё больше полюбить Цзэн Линэр. Однако эта новая пылкая любовь не только не возникла в нужный момент, но и прежняя куда-то слишком быстро испарилась. Кажется, в ту самую секунду, когда он брал это письмо, она улетела, исчезла без остатка»).

Цзэн Линэр почувствовала, что между ними как-то резко образовалась пустота, что Цзо Вэй боится встретиться с ней взглядом и всячески избегает прямых вопросов: «‘你还爱我吗?’ 她目不转睛地瞧着他。‘别说傻话了。我连登记结婚的介绍信都领来了。我们就要举行婚礼。’ 也许他那蹲着的姿势不大舒服，他站起来，在一张和她并排的沙发上坐下。‘但婚姻并不等于爱情。’ 她说。

这就是她的毛病。她喜欢思辨。做为一个女人，这也许是可爱的，但做为一个妻子，这却是难以忍受的» [49]. (« – Ты всё ещё любишь меня? – она смотрела на него не отводя глаз. / – Не говори глупостей. Я даже получил рекомендательное письмо для нашей свадьбы. Мы собираемся пожениться. / – Но любовь нельзя приравнивать к браку.

Это её недостаток. Она любит размышлять. Это мило, если она только твоя девушка. Но если она станет женой, то это будет невыносимо»).

Цзэн Линэр понимает, что не способна жить с человеком, который её не любит, поэтому она разрывает рекомендательное письмо и тем самым все отношения с Цзо Вэем.

Эта жертвенность, безграничная любовь и является главным мотивом произведения.

Таким образом, несмотря на внешнее благополучие, счастья в личной жизни Лу Бэйхэ не чувствовала. Как и не чувствовала его Цзэн Линэр, которая впоследствии потеряла своего сына, утонувшего в озере. Однако обе женщины умели любить и оставаться преданными своей любви, даже если не получали никакой взаимности.

Название произведения включает в себе, на наш взгляд, определённую символику. Изумруд – это камень истины, помогающий обрести внутреннюю чистоту и гармонию с самим собой. Он проясняет и очищает сознание от плохих мыслей и помыслов. Как мы видим в повести, таким драгоценным камнем является Цзэн Линэр – символ бескорыстной и чистой любви.

2.3 Исследование внутреннего мира женщины в прозе Лу Вэньфу и Би Фэйюя

Мужской взгляд на проблему социализации и адаптации женщины в современном обществе раскрывает в своём творчестве известный китайский

писатель Лу Вэньфу (陸文夫, 1928-2005 гг.). В поздний период творчества основной темой его произведений становится анализ причин межличностных конфликтов. В повести «Колодец» («井», 1985 г.) писатель рисует образ девушки Сюй Лисо из интеллигентной и обеспеченной семьи. Сюй Лисо хороша собой, талантлива, умна, однако она глубоко одинокий человек: *«... её дед был крупным буржуа, человеком ветреным, имел жену и трёх наложниц, более десяти детей, не считая внебрачных. Она для своих родных не имела никакого значения, мать после её рождения умерла из-за послеродового заражения крови, забота же отца о ней состояла лишь в том, что он дал ей имя, это имя тоже выбрано не серьёзно, оно взято от имени Мона Лиза с известной картины Да Винчи. Дав имя дочери, отец отправился искать себе свою Мона Лизу. Говорят, уехал за границу учиться, да и по сей день не знают, где он учится. Сюй Лисо выросла под присмотром работницы, отвечавшей за сад. Она лишь обеспечивала Лисо питанием и одеждой, в остальном девочка была предоставлена сама себе... Она никогда не голодала, не знала холода и плохого обращения с нею, одна и не была любима, не находила теплоты и заботы»* [22, с. 11].

Девушка никогда не гордилась своей красотой и умом. Она предпочитала быть невидимкой: *«Лисо родилась очень красивой и знала об этом сама, но красота не сделала её зазнайкой, не прибавила ей смелости, потому что ей пришлось в жизни видеть розу, распустившуюся у угла стены, красивую, но одинокую и до жалости несчастную»* [22, с. 11].

Сокурсники Лисо считали её холодной, отчуждённой, даже слегка надменной: *«Студенты-сокурсники воспринимали её снежной королевой, робкие парни не осмеливались поднять на неё глаза, те, что посмелее, напускали маску рыцарей, чтобы предстать перед нею, но она больше всего боялась рыцарей, такие люди чуть что – сразу готовы выхватить шпагу и ринуться в бой. <...> Ко всему этому прибавлялись её мысли о плохом происхождении, непроверенные связи за рубежом, что к личной любви примешивало самоуничижение. Некоторые парни-однокурсники, которых она считала хорошими, проходили мимо неё, не поднимая головы, поэтому ей казалось, что ею пренебрегают как девушкой с буржуазным прошлым»* [22, с. 11-12].

Лисо родилась в годы «большого скачка», поэтому из-за своего происхождения ей приходилось испытывать множество нападок, презрительных и высокомерных взглядов, так как интеллигенция на то время была одним из низших слоёв общества, а привилегии имел рабочий класс. Но уже по-настоящему Лисо столкнулась с таким отношением по окончании университета, при распределении на работу: *«...были и такие люди, которые действительно смотрели на неё другими глазами. Это те, кто вёл личные дела.*

Для них она не имела права остаться работать в институте, не могла также пойти в научно-исследовательские учреждения, постепенно инстанции определили Лисо на местный фармацевтический завод, как будто тот завод производит лекарства не для людей, ведь ими можно помочь, а можно и навредить» [22, с. 12].

Несмотря на огромный талант девушки и её возможности, общество того времени в первую очередь оценивало человека его по внешнему виду: *«Директор фармацевтического завода, и по совместительству секретарь парткома Хэ Тунли считал, что все, кто думают о наряде, немного ревизионисты. Главное, чтобы одежда согревала, а зачем наряжаться? <...> Первое впечатление Хэ Тунли о Сюй Лисо было неблагоприятным. Красивая слабая женщина с кожаной сумкой и сеткой в руках, на голове пышная всколоченная шапка волос, завитых горячими щипцами, да ещё буржуазное происхождение – такому человеку место разве-что в ансамбле песни и пляски» [22, с. 12].* Таким образом, Сюй Лисо из талантливого работника с фармацевтическим образованием превращается в обычную посудомойку.

Казалось бы, что девушке надеяться уже не на что и не на кого. Однако в жизни Сюй Лисо вскоре произойдут большие перемены. С самого детства она нуждалась в родительской любви, ласке и заботе. Но девушка её не получила. Поэтому, не познав любви родителей, она хотела полюбить мужчину и обрести взаимную любовь: *«Если говорить о руководящем факторе для Люй Лисо, то он был очень мелкий, она хотела иметь мужчину, способного жалеть её, заботиться о ней, горячо любить, для неё это было всё. Она не нуждалась в чьей-либо помощи, она также не стремилась опираться на власть и силу, на возможности какого-либо мужчины, во всём этом полагалась на себя. Но она страстно желала, чтобы у каждого на земле была горячая любовь» [22, с. 12].*

Часто бывало, что, придя с работы в свою отсыревшую комнатку, Лисо ложилась на кровать и принималась мечтать: *«Она не посмела мечтать о таком хорошем муже, как Кюри, но хотела, чтобы её муж был способной личностью, больших требований она к нему не предъявляла, главное, чтобы умел оценить заботу и любовь к человеку, чтобы, соединив судьбу с другим человеком, она могла сказать те слова, которые не говорила никому на свете, сделать дело, которое она ещё не доделала в этом мире...» [22, с. 13].*

В жизни у Лисо появляется Чжу Ши – человек незаурядных способностей, представитель рабочего класса. Ши давно мечтал найти себе жену, так как он уже был не молод. Он работал начальником отдела, и в его обязанности входило курировать в районе промышленность. Однажды Чжу Ши послали с проверкой на местный фармацевтический завод, где он и встретил Сюй Лисо. Девушка ему понравилась с первого взгляда. Благодаря Ши, Лисо переводят в научный отдел, где она чувствует себя по-настоящему

на своём месте. Лисо тронула забота этого незнакомого молодого человека, в её душе начинает происходить какое-то непонятное волнение: *«Удивительно то, что, когда он [Чжу Шии] говорил о том, как он сам сочувствует другим людям, как отстаивает справедливость, Сюй Лисо почувствовала фальшь и отсутствие благих намерений, и в то же время у неё было такое ощущение, что перед нею явился рыцарь. Услышанное теперь к тому же было очень близким и естественным, ей казалось, что зарождалось чувство любви»* [22, с. 16].

Вскоре, после недолгого периода ухаживаний, они женятся. Молодые переезжают в дом к Чжу Шии в переулке Дунхуцзя: *«Шии поднялся с нею на этаж, открыл окно. Тень нежно-зелёной листвы двух огромных камфорных деревьев, что стояли у колодца, падала на стены комнаты, оттеняла красные розы, стоявшие в цветочной вазе. Сюй Лисо впервые увидела, что розы, стоявшие в цветочной вазе, очень яркие и красивы. Это напомнило ей детство, тот тихий скучный цветочный сад, тёмное сырое общежитие, и вдруг она почувствовала, что нашла своё пристанище в этом мире, её гнездо давно было здесь. Она впредь может сидеть у этого окна, сосредоточиться на исследованиях нужных людям лекарств, её муж и свекровь будут проявлять заботу о ней»* [22, с. 21].

Однако, проявлявшие поначалу заботу и ласку муж и свекровь, через некоторое время в корне меняют своё отношение к Сюй Лисо. Свекровь стала требовать полнейшую покорность от невестки, выполнение всех домашних обязанностей и обязанностей вне дома: *«Сюй Лисо не могла взять в толк, почему этот старый человек так изменился. Раньше говорила: у тебя с детства не было мамы, ты не знаешь, сколько ты пережила в своей жизни, сердце твоей тётушки изболелось за тебя. Сейчас говорит совсем другое: у тебя нет мамы, как оказалось, не получила воспитание; жизнь, которую прожила, избаловала; сердце без жалости, внешне упряма»* [22, с. 23].

Свекровь и муж стремятся сделать Лисо полностью финансово зависимой, поэтому она обязана была каждый месяц отдавать всю свою зарплату семье: *«Чжу Шии хотелось стать господином, иметь в доме жену и служанку в одном лице, но чтобы в руках этой служанки не было денег»* [22, с. 24].

Таким образом, из независимой молодой женщины Сюй Лисо превратилась в послушную жену-домработницу: *«Сюй Лисо стала заниматься домашними делами, она приняла решение тоже научиться вести хозяйство. Раз есть время, значит, есть и дела, очевидно, женщина не может убежать от них, за счёт других не проживёшь. Из домашних дел три главные: сварить, постирать и поддерживать чистоту в доме. Эти три дела не отделимы от воды, поэтому она ежедневно должна была 5-6 раз сходить к колодцу, так начала знакомиться с женщинами из переулочка Дунхуцзя»* [22, с. 25].

Этот самый колодец, по словам местных жителей, являлся своего рода «информационным центром». Здесь можно было узнать все самые свежие новости, сплетни, интриги. Он располагался возле самого дома Чжу Ши, поэтому все соседи и не только были в курсе дел, происходящих в семье Чжу. Чжу Ши не любил. Не любил и его мать. Поэтому, узнав, что Чжу Ши женился, они никак не могли понять, кто мог выйти замуж за такого человека. Впервые увидев Сюй Лисо, все соседи весьма изумились, как такая изящная и грациозная девушка стала женой такого невзрачного рабочего. Однако, узнав о происхождении Сюй Лисо, её также не приняли в своё окружение: *«Женщины переулка Дунхуцзя считали её буржуйкой. Потому, мол, и выросла такая красивая, а красивые женщины всегда высокомерны»* [22, с. 25].

Большинство соседей относились к Сюй Лисо с пренебрежением. Но были и те, кому было жалко бедную Лисо. Однажды Сюй Лисо пожаловалась одной из соседок, тётушке Ма, на своё положение: *«...эти люди очень корыстные, насквозь пропитаны феодальным духом, на женщину смотрят свысока»* [22, с. 28]. Тётушка Ма посоветовала девушке хотя бы в денежном вопросе проявить свой характер. Сюй Лисо послушалась её, и в доме Чжу завязалась холодная война: *«Когда Сюй Лисо упорно стала на своём и не уступала, госпожа Чжу посоветовала сыну выиграть первый бой, иначе эта смазливая невестка может сесть на голову мужу и свекрови, а то и, чего доброго, улетучится. <...> И Чжу Ши пошёл на крайнюю меру»* [22, с. 30].

Благодаря своим связям и влиянию, Ши добивается того, что *«Сюй Лисо из научной лаборатории перевели в цех, из дневной смены – в смешанную, инженер превратился в рабочего»* [22, с. 32].

Однако это становится последней каплей, терпению Лисо подходит конец: *«Сюй Лисо, конечно, не покорила, она понимала, что такие отношения между мужем и женой дальше продолжаться не могут и пошла в суд, подала заявление на развод. В суде только покачали головой, считая, что это обычная распря, нет достаточных оснований для развода...»* [22, с. 32].

В такой обстановке проходят 23 года жизни Сюй Лисо. «Информационный центр» в переулке Дунхуцзя на какое-то время теряет из виду Сюй Лисо. Она *«...канула в Лету, растворилась в массе»* [22, с. 33].

Наступают восьмидесятые годы, постепенно меняется сознание общества. Передовой рабочий класс отходит на задний план, а на передний выходит интеллигенция. В это время и появляется Сюй Лисо: *«Осенью 84-го года она вдруг предстала перед людьми почти той же женщиной, которая только что закончила университет. <...> В сравнении с прошлым она раздобрела, лицо оживилось, не видно признаков увядания. Улыбка, которая была в юные годы, снова часто останавливалась в уголках рта. <...> Человеческая старость не в точности соответствует его возрасту, она во многом зависит от состояния*

его души. Душа Сюй Лисо излучала свет, как будто она приняла омолаживающее лекарство...» [22, с. 33, 36].

Сюй Лисо своим невероятным трудом добивается успехов: она изобретает новое лекарство. Казалось бы, бесправное положение в семье, презрение со стороны соседей, плохие условия на работе должны были полностью сломать девушку, однако она доказывает, что талант в сочетании с гибким умом способны преодолеть множество преград. Лисо начинает жить ради науки, тратит на неё все свои силы. В душах соседей и Чжу Шии закрадывается зависть: *«Околоколодезное общественное мнение в отношении Сюй Лисо было неблагоприятным. Несколько лет назад люди сочувствовали ей, так как тогда она была слабым существом, теперь она набрала силу, а сильным людям всегда завидовали, тут же эта зависть ещё и подогревалась»* [22, с. 35].

Ши́и также не может смириться с тем, что его жена зарабатывает больше него, что её возят на работу на машине, что она доби́лась признания, а не он: *«Болтовня у колодца похожа на шило, она очень сильно колола Чжу Ши́и, больше всего оскорбляла и унижала. Для людей, на которых он смотрел свысока, теперь стал шутком гороховым, которого можно высмеивать. Этот мир перевернулся, интеллигенция вознеслась на небо, рабочий класс не ценится, жёнищины больше важничают, чем мужчины, мужчины превратились в жёнищин, жёнищина села в автомобиль, хотя в том автомобиле в сущности должен был сидеть он! <...> Если говорить об укреплении порядка в мире, то положение „курица должна следовать за петухом“ имеет смысл... Однако Чжу Ши́и не был петухом, а демоном зависти и зла неудачника»* [22, с. 38, 40]. Ши́и никак не мог примириться с таким положением дел, поэтому он всячески старался портить жизнь Лисо. В его голове назревает план обвинить Лисо в измене. В качестве своей жертвы от выбирает помощника Сюй Лисо Тун Шаошаня.

Между Сюй Лисо и Тун Шаошанем действительно образовывается некая духовная близость. Однажды, после очередной ссоры с Ши́и, Сюй Лисо, придя на работу, не выдерживает и изливает всю свою горечь: *«Она больше трёх лет работала совместно с Шаошанем, очень ему доверяла, прекрасно к нему относилась, поэтому не сдержалась, чтобы не высказать свои чувства, рассчитывая облегчить этим душевную тяжесть»* [22, с. 41].

Тун Шаошань поначалу с осторожностью относился к Сюй Лисо, так как *«всегда ощущал прохладу в этой жёнищине»* [22, с. 41]. Но теперь он понял причину её такого поведения, стал более внимательным, даже пару раз проводил её домой. В один из дней Тун Шаошань принял приглашение Сюй Лисо в знак благодарности зайти в гости, пока отсутствовал муж. Это и послужило поводом для Ши́и обвинить Лисо в измене. Благодаря

«информационному центру» он узнаёт, что Лисо в доме не одна. Он врывается в дом, и последующие неосторожные слова Сюй Лисо в ходе ссоры сыграли роковую роль в её дальнейшей судьбе. Женщина не предполагала, что её муж настолько подлый, что во время ссоры Шии записывал всё на магнитофон: *«Это не твоё дело, я человек, человек самостоятельный, свободный. Я могу любить Тун Шаошаня, могу любить Ли Шаошаня, могу никого не любить, только своё дело, и не любить тебя! Женщина тоже человек! Она имеет право на любовь, право ненавидеть. Свидетельство о браке – это не купчая на продажу тела. Не надо думать, что стоит спрятать в ящик свидетельство о браке, как женщина сразу становится твоей частной собственностью, купленной тобой рабыней. Я сброшу эти твои феодальные цепи, буду бороться за своё будущее и свободу...»* [22, с. 45].

Чжу Шии стирает ненужные слова, и оставляет только первую часть монолога. Он относит эту запись на завод и показывает начальнику Сюй Лисо Чэнь Цзиньсяню. В ходе разбирательств Сюй Лисо лишается возможности выезда за границу, ей отказывают в отдельной комнате в общежитии, которую она так просила, а в ассистенты вместо Тун Шаошаня ставят молодую женщину Гао Лили: *«Из-за своего „плохого происхождения“ она за десятилетия выработала определённую психологию: когда дело касалось науки, она проявляла огромное упорство, когда её самой – уступчивость. В ней соединялись вместе непритязательность, уступчивость, способность войти в положение других и прочие прекрасные качества. В обычной обстановке ей этого было достаточно, а в необычной – она оказалась не способной к противодействию. Чжу Шии как раз и воспользовался именно этими её качествами, уловил её слабости, использовал возможности её одурачить»* [22, с. 58].

Лишившись поддержки Тун Шаошаня и возможности уехать от Чжу Шии, у Сюй Лисо ломается её внутренний стержень: *«То, чего достигла, добилась Сюй Лисо, – всё это, а также то, чего могла достигнуть, в короткое время сошло на нет, рухнула духовная опора, которую невозможно создать снова»* [22, с. 59].

Последним глотком её жизненной силы становятся слова Гао Лили – девушки живой, энергичной, весёлой. Она видит, как мучается Сюй Лисо. Видит, что она проявляет симпатию к Шаошаню. Она призывает Лисо бросить вызов самой себе: *«Я не стану долго раздумывать, а вы, наоборот, должны подумать о репутации, феодальных обычаях. Кроме того, существуют психология природного человеческого эгоизма, зависть, стремление мужчин владеть женщиной, психология зависимости женщин от мужчин, всё это подобно неводу крепко затянуло тебя в свои сети. Тётя Сюй, ты порви, прорви дыру в этой сети! <...> Ты не причинишь никому вреда, погресишь лишь*

против корысти, феодализма, патриархата, того, что надо разрушать» [22, с. 61].

И Сюй Лисо решается на этот шаг. Она ощущает, что все её чувства, которым она не давала выхода уже вот двадцать с лишним лет, требуют от неё свободы. Она назначает тайное свидание Тун Шаошаню: *«Её трясло, ладони рук вспотели, огонь любви достиг предела. Эта запоздалая любовь не та, что бывает у юной девочки; первая юношеская любовь естественна, разгорается постепенно, развивается осторожно. Любовь Сюй Лисо подобна вспышке, остаток жизненного огня зажжёт в углях любовь, угли вновь ожили и стремительно разгорелись, их температура тоже опасна...» [22, с. 63].*

Сюй Лисо решилась ухватиться за эту последнюю для неё возможность. Она уже не боялась того, что в будущем общественное мнение будет говорить в её адрес, кем она будет в глазах людей. Лисо признаётся в любви Шаошаню, но в ответ лишь тишина: *«Тун Шаошань, как перепуганный заяц, исчез в зарослях травы. Этот честный человек на самом деле имел лишь похотливую мыслишку...» [22, с. 64].*

Наступил глубокий вечер. Сюй Лисо приходит к своему дому. Она знает, что муж устроит ей очередной скандал. Она садится на скамейку, рядом с ней тётушка Ма: *«Да, давно я тебе говорила, что женщине в семье не надо много думать и держать на уме. Если только нет предмета общих разговоров, оставь все вопросы другим, пусть решают. Ты устала, отдохни...» [22, с. 66].*

Сюй Лисо понимает, что она действительно очень устала. *«С рассветом женщина, которая первой пришла за водой, вдруг завизжала как резанный поросёнок:*

– Беда! В колодце человек» [22, с. 66].

Лу Вэньфу в своём произведении описал девушку с тонкой душевной организацией, которая, будучи в зрелом возрасте, не способна противостоять сформировавшейся веками общественной морали. Писатель показал, что порой талантливый, умный и красивый человек не может найти себе места в мире, и, в особенности, если этот человек – беззащитная женщина. Таким образом, автор рисует внутренне хрупкого человека, неспособного адаптироваться в существующем мире интриг, зависти, жестокости.

Продолжателем темы самоопределения нового типа женщины является и современный китайский писатель Би Фэйюй (毕飞宇, род. 1964 г.). Наша цель состояла в том, чтобы проанализировать характер «новой» женщины с мужской точки зрения. В рассматриваемом сборнике «Лунная опера» («青衣», 1999 г.), автор изображает своих героинь реалистично и правдиво. В таких его новеллах, как «Всё смешалось», «Отпуск Линь Хун» и «Актриса» очень ярко обозначены отдельные черты характера главных героинь, которые готовы пойти на всё, чтобы быть счастливыми. Однако представление о счастье у них совершенно

разное: кто-то считает, что оно заключается в материальном благе, кто-то – в профессиональной деятельности, а для кого-то – это спокойная и размеренная жизнь, в которой нет места каждодневным переживаниям и постоянному соперничеству.

В предисловии к книге приводится сравнение пленительного женского образа со скромным чёрным платьем. По мнению автора, ценность такого сравнения заключается в том, что *«каждый из людей живёт своей жизнью, ограничиваясь собственными представлениями»* [5, с. 3-4]. Писатель делает акцент на том, что немногие способны проявить своё настоящее лицо, отказаться от привычного образа жизни, готовы начать всё с нуля. Показательно то, что Би Фэйюй рассматривает эту проблему через призму судеб женщин, которые не в полной мере соответствуют устоявшимся требованиям морали и общественным идеалам.

Так, в новелле «Всё смешалось» главной героиней является Лэ Го – девушка с весьма сложным характером: *«Вот только характер у Лэ Го был невыносимым. Если она начинала дуться, то не давала никаких объяснений, без всякого там метания грома и молний. Она могла просто уйти, при этом лицо её всегда оставалось непроницаемым»* [5, с. 51]. С самого рождения Лэ Го жила в городе, она привыкла к удобствам. Девушка работала воспитателем в детском саду. Гоу Цюань, её муж, работающий преподавателем в школе, был выходцем из сельской местности. Его заветной мечтой было жениться на городской девушке: *«Начиная с сентября Гоу Цюань приступил к продвижению своего брачного проекта „акция по обустройству гнезда сороки“.* Основная идея акции заключалась в создании городской семьи, соответственно, его цель сводилась к поиску девушки-горожанки, согласной выйти за него замуж» [5, с. 31]. У них была дочь Цяньцян, очень смышлёная не по годам девочка. Размеренная семейная жизнь могла продлиться ещё очень долго, если бы Лэ Го вдруг не осознала, что ей что-то не хватает. Этим «что-то» оказались деньги: *«Ей хотелось весёлой жизни, но приятные развлечения требовали расходов. Она думала о том, где взять денег, однако сама работа по добыванию средств казалась ей утомительной»* [5, с. 13]. Полагаясь только на свои собственные силы, Лэ Го решила устроиться в ночной клуб, где со временем стала оказывать и интимные услуги: *«Для скисшей было Лэ Го вдруг открылся целый мир, жизнь показалась необыкновенно насыщенной. Это стало вторым толчком для обретения надежды»* [5, с. 12].

Однако счастье девушки длилось недолго. В один из таких рабочих дней полиция решила провести облаву, и лицо Лэ Го показали по телевидению. Для неё начались бесконечные объяснения на работе и дома, игры в то, будто ничего не произошло. А однажды Лэ Го проснулась и обнаружила, что муж

забрал ребёнка и уехал: *«Только сейчас её по-настоящему одолела печаль, она почувствовала пустоту, потеряв привязанность к чему-либо и опору»* [5, с. 85].

Нельзя сказать, что Лэ Го чужды такие понятия как мораль, общественная норма. Подсознательно девушка понимала, что, если своим поступком она разрушит своё будущее, обратного пути уже не будет: *«Следующим вечером Лэ Го выступила с весьма странной песней под названием „Облик луны незаметно меняется“. В ней пелось про женщину, которая вдруг стала другой, в результате чего она не может найти подходящих слов для объяснения с мужчиной. Единственным её намеком становится диск луны, который так же постоянно меняется, становясь то полным, то ущербным. Лэ Го пела очень проникновенно, в словах песни чувствовалась некоторая безысходность и в то же время беззащитность»* [5, с. 55].

Би Фэйюй хотел показать, что в современном обществе каждому человеку важно состояться. Несмотря на отрицательные черты характера героини, её образ примечателен тем, что девушка не боится кардинальных изменений в своей устоявшейся жизни, она целеустремлённая и настойчивая, старается взять максимум от всего, что её окружает.

Героиня повести «Отпуск Линь Хун» – главный редактор одного из ведущих журналов. Узнав о том, что её подчинённая Цин Го провела ночь с поп-звездой из Гонконга и последствия этого поступка могут негативно сказаться на репутации редакции, она вызывает её к себе для отчёта. Линь Хун думала, что сможет подать пример женской сдержанности, однако сама оказывается в неудобной ситуации. На вопрос Линь Хун, не устала ли она от такой жизни, Цин Го ответила: *«Госпожа Линь, а вы не устали от своей жизни?»* [5, с. 186]

Действительно, жизнь Линь Хун не отличалась особым разнообразием. В погоне за материальным благом, она забыла, как жить по-настоящему: *«Для Линь Хун усталость была непозволительна, она могла только „собраться с силами“ и продолжать восхождение на гору. А ведь верно подметила эта девица, спросив, „неужели она не устала от такой жизни“. Эта девчонка, да и все остальные прекрасно понимали, что Линь Хун только обманывает саму себя, когда с сияющим лицом спит туда-сюда на лифте. Жизнь Линь Хун напоминала сновидение, в котором она уже перестала быть хозяйкой положения. Не она управляла своим сном, а он руководил всеми её действиями»* [5, с. 187].

Линь Хун осознаёт, что она должна изменить свой образ жизни, изменить свои взгляды на многие вещи, изменить себя: *«В глазах Линь Хун появилась жирная надпись: „Превратиться в другого человека или остаться собой?“*. Она засунула руку в карман и нащупала монетку. Линь Хун загадала, что если выпадет орёл, то она выберет *„остаться собой“*, а если решка, то – *„стать*

как Цин Го“. Перевернув несколько раз монету, она на ощупь определила, что ей выпало „остаться собой“. Линь Хун решила переиграть, нацелившись на два тура из трёх. Ей снова выпало „остаться собой“. Это судьба. Однако Линь Хун не сдавалась и решила переиграть, нацелившись уже на три тура из пяти. Она вошла в азарт. На этот раз выпала решка» [5, с. 188-189].

Героиня отправляется на море в отпуск. Там её встречает сотрудник другой редакции Чжан Гоцзин. Они вместе хорошо проводят время: ходят на пляж, гуляют по городу, напиваются в ресторане. Линь Хун нравится такая неожиданная свобода. Наконец-то она начинает ощущать вкус к жизни: *«За столько лет Линь Хун впервые возвращалась домой своим ходом. Она нырнула в толпу, и у неё вдруг появилось странное ощущение, что она приехала „развлечься в центр“.* Прогуливаясь по улицам, Линь Хун поймала себя на мысли, что не понимала, где она жила все эти годы. Фраза „жить здесь“ под влиянием обстоятельств приобрела значение: „жить в другом месте“. Вот и появляется вопрос: где мы всё-таки проживаем свою жизнь?» [5, с. 191]

Главной идеей повести является условность отношения к жизни как к долгу. Кроме долга в жизни должно быть что-то ещё. Линь Хун всегда относилась к хорошим девушкам, но тем самым она загнала себя в ловушку: *«Хорошая ученица в школе, хорошая представительница образованной молодёжи, хорошая студентка, хороший корреспондент, хорошая жена, хороший редактор. Все так говорили. Но что значила эта „хорошесть“? Если бы вернуться на десяток-другой лет назад, смогла бы она выбрать путь распушенной девичьи, а потом благополучно вернуться в нормальную колею? Снова стать „хорошей“? Думая в этом направлении, Линь Хун вдруг почувствовала, что прожила свою жизнь напрасно. Линь Хун захотелось найти место, где бы она оторвалась на полную катушку, ей захотелось хоть на день превратиться в „плохую“ девку, она жаждала этого до смерти»* [5, с. 192-193].

В образе Линь Хун заложены и общие, типичные черты, присущие китайской нации: боязнь потерять собственное «лицо», традиционный культ труда и морали. Вместе с тем, попытка изменить что-то в своей жизни, попытка преобразиться, раскрепоститься относится к индивидуальным чертам образа героини. Хотя в конце повести Линь Хун и возвращается к своей прежней жизни, но сама она прежней уже не станет: *«На какой-то миг Линь Хун показалось, что она – это Цин Го. Линь Хун предположила, что такого рода химические реакции, вероятно, сопутствуют восприятию себя как „женщины“.* Она вспомнила, что от природы действительно является женщиной, которая просто забыла об этом» [5, с. 209].

В новелле «Актриса» рассматривается весьма сложный и противоречивый образ главной героини Сяо Яньцю. В молодости она была

выдающейся актрисой пекинской оперы и блистала на сцене: *«Девятнадцатилетняя Яньцю была прирожденной классической трагедийной героиней, движения её глаз, переливы голоса, дикция, неповторимый тембр вкупе с техникой владения струящимися рукавами создавали достоверный драматический образ, который превосходно отражал муки и несчастья предков за последние пять тысяч лет, такой неизбывной печали и полной отстраненности была она преисполнена»* [5, с. 326]. Однако шли годы, популярность театра упала, и он перестал давать выступления. Сяо Яньцю покинула сцену, она стала преподавательницей в театральном училище. Спустя двадцать лет у театра появился влиятельный поклонник Цяо Бинчжан, директор табачной фабрики, который вызвался вложить деньги в постановку старинной пьесы «Побег на Луну». Он попросил Сяо Яньцю вновь вернуться на сцену. В её жизни наступает поворотный момент: *«Когда случаются такие важные перемены, женщинам свойственно начинать всё с нуля. Таков уж есть человек, он открывает в себе что-то новое, познаёт свою природу»* [5, с. 339]. Героиня принялась заново входить в роль. В качестве запасной актрисы она выбирает юное дарование, свою ученицу Чуньлай: *«Этой девчушке Чуньлай повезло. Судьба для неё приготовила всё самое хорошее. И хотя ей выпала роль резервной исполнительницы Чанъэ, никто не мог отрицать, что дух Эрлана уже озарил Чуньлай своим светом»* [5, с. 367]. В центре повести находятся отношения между Яньцю и Чуньлай, которые то напоминают отношения ученицы и наставника, то выглядят чистым соперничеством за единоличное владычество над зрителем: *«Хотя многое у Чуньлай ещё нуждалось в шлифовке, в целом эта девочка могла превзойти её уже в ближайшем будущем. Ведь она такая юная, у неё впереди ещё столько лет. Вдруг Сяо Яньцю ощутила какое-то тягостное чувство, раз за разом душу застилала волна печали и боли. Она поняла, что завидует»* [5, с. 373].

Настаёт время постановок перед публикой, и Сяо Яньцю не может удержаться и стремится играть роль сама, задвигая Чуньлай на второй план. Актриса не может смириться с тем, что роль Чанъэ будет играть кто-то другой. Во время разговора с Цяо Бинчжаном актриса говорит: *«Просто я и есть Чанъэ»* [5, с. 338].

Характер Сяо Яньцю сложен, многогранен, её образ соткан из ряда противоречий. Так, например, в молодости она совершила подлый поступок: облила кипятком партнёра по труппе. Но уже через двадцать лет с полной самоотдачей принялась обучать Чуньлай, до последнего момента готовясь отдать ей свою роль. В образе Сяо Яньцю Би Фэйюй выписал подлинного служителя искусства, готового на всё ради своего театрального образа: *«Сяо Яньцю вышла навстречу буре в одном тонком костюме. Она прошла к главному входу в театр и встала под уличным фонарем. Взглянув на*

заснеженную дорогу, она сама себе отсчитала такт, размахивая зажатой в руке флейтой. И вот она запела. Повсюду кружились хлопья снега, ко входу в театр неожиданно стали стекаться люди, весь путь перекрыли машины. Сяо Яньцзю, похоже, никого не замечала» [5, с. 413].

Таким образом, проведённое в данной главе исследование позволило нам сделать следующие выводы:

1) значительное влияние на формирование «женской литературы» и актуализации «женского вопроса» в китайской литературе оказало развивающееся в начале XX века феминистское движение, а также творчество писательниц Бин Синь и Дин Лин, которые в своих произведениях затрагивали ряд проблем, касающихся социального статуса женщины, её места в политической борьбе; проблемы семьи и брака;

2) в творчестве Бин Синь глубоко и правдиво раскрыта тема поиска героинями своего места в жизни, возможности реализовать себя как в профессиональном, так и в семейном плане (цикл эссе «О женщинах»). Бин Синь наделяет своих героинь новыми чертами в соответствии с требованиями времени: патриотизм, самопожертвование во имя нового Китая – вот то, в чём они находят смысл жизни;

3) в рассказе Дин Лин «Дневник Софьи» писательница делает упор на глубокий психологизм в изображении внутреннего мира героини (Софьи), девушки с волевым, сильным и целеустремлённым характером. Дин Лин показывает изменение мировоззрения героини, характер дан в развитии;

4) Чжан Цзе – одна из первых писательниц, которая затронула в своих произведениях «запрещённую тему» любви как наивысшем идеале женского счастья. Её произведения отмечают глубокий психологизм в изображении женских образов. В повести «Изумруд», используя приём «потока сознания», автору удалось в полной мере раскрыть внутренний мир своих героинь, для которых жертвенность, безграничная любовь выше всех идеологических установок КПК;

5) проблему социализации и адаптации женщины в современном обществе затрагивает в своём творчестве Лу Вэньфу. В повести «Колодец» он изобразил свою героиню как личность с тонкой душевной организацией, стремящейся к самореализации в профессиональной сфере, хочет любить и быть любимой, но не способна противостоять сформировавшейся веками общественной морали;

6) творчество Би Фэйюя отличается весьма оригинальной и интересной писательской манерой. В своём произведении «Лунная опера» он затрагивает важные вопросы современности: отношение женщины к семье, к деньгам, к работе. С одной стороны, перед нами женщины, которые хотят добиться желаемого. Они целенаправленны и настойчивы. С другой стороны, писатель

осуждает методы, которыми они хотят достичь этих целей. Если говорить о психологизме рассказов, то стоит отметить, что Би Фэйюй очень тонко чувствует женское настроение, разбирается в женской натуре. Как и Дин Лин с Бин Синь, автор отмечает волевые качества современной женщины (настойчивость, целеустремлённость), её способность к мгновенной адаптации в быстро изменяющихся условиях. На основе образов трёх главных героинь мы наблюдаем становление современного типа китайской женщины в литературе XXI века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое нами исследование позволяет утверждать, что в древнем литературном памятнике «Шицзин», а также традиционных литературных произведениях эпох Тан («Повесть о красавице Ли», «История Се Сяоз», «Тоска о муже», «Белая обезьяна» и др.), Сун («Удивительная встреча», «Ловкий парень», «Нефритовая Гуаньинь» и др.), Юань («Обида Доу Э», «История Лютни»), Мин («Цзинь, Пин, Мэй»), Цин («Сон в красном тереме») образ женщины рисуется практически однозначно. В произведениях описывается преимущественно внешность героинь, правильное поведение женщины в обществе. Психология мышления героинь данных произведений придерживается традиционной модели и практически не отходит от неё. Огромное внимание в произведениях уделяется соблюдению женщиной канонов конфуцианской морали – почитание мужа, родителей, – как её первейшему долгу. Отсутствует чёткое представление о внутреннем содержании ввиду поверхностного описания женских образов.

Важно отметить то, что по сравнению с предыдущими классическими литературными памятниками в романе Цзэн Пу «Цветы в море зла» раскрытие типа «новой женщины» происходит на более глубоком уровне: разносторонняя демонстрация характера женщины, её внутренние противоречия и борьба делают образ весьма правдоподобным и достоверным. Ориентированность на западные традиции так же оказывает сильное влияние на психологию женского образа. Цзэн Пу рисует женщину в новом свете: эта уже не просто послушная и любящая наложница или жена с мягким и кротким характером, а женщина сильная и своевольная, со своими убеждениями и желаниями. Данное произведение можно рассматривать как начальную точку в трансформации женского образа.

Начиная с XX века, активизируются различные общественные движения, которые выступают за раскрепощение женщин и улучшение их положения в социальной иерархии, а так же за присвоение одинаковых прав с мужчинами. Значительный вклад в развитие данного направления привнесли Лу Синь (рассказы «О волосах», «Скорбь по ушедшей», «Развод»), Ба Цзинь (повесть «Гибель», романы «Холодная ночь», «Семья»), Ван Мэн (рассказы «Пурпурная шёлковая кофта из деревянного сундучка», «Воздушный змей и лента»). Писатели расставляли акценты на раскрепощении внутреннего мира женщины, внутреннего «я»; на освобождении женского сознания (хоть и частично) от традиционных представлений относительно обязанностей в семье и социального положения в обществе; на высказывании женщиной собственной точки зрения, оценки и суждения; на умении отстаивать свои права, идеи; а также в проявлении как отрицательных, так и положительных черт женского

характера (отход от устоявшейся многовековой концепции «послупной и покорной жены / дочери»).

Значительное влияние на актуализацию «женского вопроса» в китайской литературе оказало развивающиеся в начале XX века феминистское движение, а также творчество писательниц Бин Синь и Дин Лин, которые в своих произведениях затрагивали ряд проблем, касающихся социального статуса женщины, её места в политической борьбе; проблемы семьи и брака;

В творчестве Бин Синь глубоко и правдиво раскрыта тема поиска героинями своего места в жизни, возможности реализовать себя как в профессиональном, так и в семейном плане (цикл эссе «О женщинах»). Бин Синь наделяет своих героинь новыми чертами в соответствии с требованиями времени: патриотизм, самопожертвование во имя нового Китая – вот то, в чём они находят смысл жизни.

В рассказе Дин Лин «Дневник Софы» писательница делает упор на глубокий психологизм в изображении внутреннего мира героини (Софы), девушки с волевым, сильным и целеустремлённым характером. Дин Лин показывает изменение мировоззрения героини, характер дан в развитии.

Чжан Цзе – одна из первых писательниц, которая затронула в своих произведениях «запрещённую тему» любви как наивысшем идеале женского счастья. Её произведения отмечают глубокий психологизм в изображении женских образов. В повести «Изумруд», используя приём «потока сознания», автору удалось в полной мере раскрыть внутренний мир своих героинь, для которых жертвенность, безграничная любовь выше всех идеологических установок КПК.

Проблему социализации и адаптации женщины в современном обществе затрагивает в своём творчестве Лу Вэньфу. В повести «Колодец» он изобразил свою героиню как личность с тонкой душевной организацией, стремящейся к самореализации в профессиональной сфере, хочет любить и быть любимой, но не способна противостоять сформировавшейся веками общественной морали.

Творчество Би Фэйюя отличается весьма оригинальной и интересной писательской манерой. В своём произведении «Лунная опера» он затрагивает важные вопросы современности: отношение женщины к семье, к деньгам, к работе. С одной стороны, перед нами женщины, которые хотят добиться желаемого. Они целенаправленны и настойчивы. С другой стороны, писатель осуждает методы, которыми они хотят достичь этих целей. Если говорить о психологизме рассказов, то стоит отметить, что Би Фэйюй очень тонко чувствует женское настроение, разбирается в женской натуре. Как и Дин Лин с Бин Синь, автор отмечает волевые качества современной женщины (настойчивость, целеустремлённость), её способность к мгновенной адаптации в быстро изменяющихся условиях. На основе образов трёх главных героинь мы

наблюдаем становление современного типа китайской женщины в литературе XXI века.

Таким образом, в китайской литературе рубежа веков (XX-XXI вв.) прослеживается трансформация женского образа, изменение мышления, появляется новый тип женщины, который порой удивляет своей неоднозначностью и разноплановостью, заставляет задуматься и пересмотреть собственные взгляды на определённые вещи. В проанализированных образах всех женщин присутствуют такие общие черты, как жертвенность, целеустремлённость, настойчивость, пытливость ума, стремление к самосовершенствованию и самореализации, что позволяет заключить о возникновении нового типа женщины – женщины прогрессивных взглядов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев, В. М. Китайская литература: Избранные труды / В. М. Алексеев; сост. М. В. Баньковская; отв. ред. Н. Т. Федоренко; вступ. ст. Л. З. Эйдлин. – М.: «Наука», ГРВЛ, 1978. – 595 с. С. 103–114.
2. Аникина, Г. П., Воробьёва И. Ю. Китайская классическая литература: Учебно-методическое пособие. – Хабаровск: Изд-во «Дальневосточный государственный гуманитарный университет», 2008. – С. 8–11.
3. Ба, Цзинь. Избранное.: Пер. с кит. / Ба Цзинь [Сост. и предисл. В. Сорокина; Худож. Л. Зубарева]. – М.: Радуга, 1991. – 430 с.
4. Ба, Цзинь. Семья: Роман / Пер. с китайск., [предисл. с. 3–35 и примеч. В. Петрова]. – М.: Гослитиздат, 1956. – 407 с.
5. Би, Фэйюй. Лунная опера: повести / Би Фэйюй; пер. с кит. А. Родионова, О. Родионовой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 416 с.
6. Бо, Синцзянь. Повесть о красавице Ли / пер. О. Л. Фишман // Путь к заоблачным вратам: Пер. с кит. / Сост., вступ. ст. и примеч. И. Смирнова; Ил. И. Гусевой. – М.: Правда, 1989. – 608 с. С. 174–188.
7. Букатая, А. М. Культурный полифонизм в современной китайской прозе. / А. М. Букатая // Белорусско-китайский культурный и образовательный диалог: история, современное состояние, перспективы: сб. науч. ст. / под науч. ред. Н. Н. Хмельницкого. – Минск: РИВШ, 2016. – 196 с. С. 28–35.
8. Ван, Мэн. Рассказы / пер.: С. Топорцев // Иностранная литература № 9. – М.: Известия, 1986. – 260 с.
9. Васильев, Л. С. Древний Китай. В 3 т. Т. 2.: Период Чуньцю. М., 2000. – 421 с.
10. Георгиевский, С. М. Мифические воззрения и мифы китайцев: с таблицами китайских иероглифов / С. М. Георгиевский. – 2-е изд., репринт. – М.: Ленанд, 2015.
11. Гражданский кодекс Китайской Республики. М., 1948. – С. 243–310.
12. Гуань, Ханьцин. Обида Доу Э / Пер. с кит. А. Штейнберга; Стихи в пер. Е. Витковского; Проза в пер. В. Сорокина // Классическая драма Востока. – М.: Худож. лит., 1970. С. 263–307.
13. Избранная лирика: [Для сред. и ст. возраста] / Ли Бо, Ду Фу. – М.: Дет. лит., 1987. – 222 с.
14. Као, Тонг-киа. История лютни / Пер. разм. подлинника В. Межевича с фр. перевода М. Базана. – СПб.: Мордвинов, 1847. – 120 с.
15. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии: китайская классическая поэзия / под ред. Л. З. Эйдлина. – Москва: Художественная литература, 1972. – 925 с.

16. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб.: изд.: «Лань», 2003. – 416 с.
17. Куприянова, Ю. А. Образ новой женщины Китая XX века в произведениях Чжан Айлин. – Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2014, №4.
18. Лемешко, Ю. Г. Современная литература Китая: Учебное пособие. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т. – 2012. – 147 с.
19. Ли, Бо. Тоска о муже / пер. А. И. Гитовича // Поэзия эпохи Тан (VII – X вв.): Пер. с кит. / Ред. кол. Л. Делюсин, Т. Редько, В. Сорокин и др.; Сост. и вступ.. статья Л. Эйдлина. – М.: Худож. лит., 1987. – 479 с. С. 141.
20. Ли, Гунцзо. История Се Сяоз / пер. О. Л. Фишман // Путь к заоблачным вратам: Пер. с кит. / Сост., вступ. ст. и примеч. И. Смирнова; Ил. И. Гусевой. – М.: Правда, 1989. – 608 с. С. 147–152.
21. Ли, Жучжэнь. Цветы в зеркале / Пер. с кит.; Изд. подгот. В. А. Вельгус, Г. О. Монзелер, О. Л. Фишман, И. Э. Циперович; Отв. ред. В. С. Колоколов; Ред. изд-ва В. А. Браиловский; Художник С. Н. Тарасов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 787 с.
22. Лу, Вэньфу. Колодец / пер. с кит. Г. Кашуба // Жизнь после смерти. Китайская проза 1958–1989. Минск: МППО им. Якуба Коласа, 1996. – С. 5–66.
23. Лу, Синь. Избранное: Пер. с кит. / Редкол.: Г. Гоц, Л. Делюсин, Д. Мамлеев и др.; Вступ. статья Л. Эйдлина; Комментар. В. Петрова; Худож. Ю. Копылов. – М.: Худож. лит., 1989. – 511 с.
24. Неизвестный автор. Белая обезьяна / пер. А. Тишкова // Путь к заоблачным вратам: Пер. с кит. / Сост., вступ. ст. и примеч. И. Смирнова; Ил. И. Гусевой. – М.: Правда, 1989. – 608 с. С. 116–120.
25. Нефритовая Гуаньинь. Новеллы и повести эпохи Сун (X – XIII вв.) / Перевод с кит. А. Рогачева; [Предисл. и коммент. А. Желоховцева] – Москва: Худож. лит., 1972. – 255 с.
26. Олихова, Е. О. Образ матери в традиционной китайской культуре: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01 / Олихова, Е. О.; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. – Москва, 2012. – 24 с.
27. Поэзия эпохи Тан (VII – X вв.): Пер. с кит. / Ред. кол. Л. Делюсин, Т. Редько, В. Сорокин и др.; Сост. и вступ.. статья Л. Эйдлина. – М.: Худож. лит., 1987. – 479 с.
28. Семанов, В. И. Цветы и сорняки // Цзэн Пу. Цветы в море зла. Пер. с кит. – М., 1990. – С. 5–20.
29. Сидихменов, В. Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск, 2000. – 386 с.
30. Спешнев, Н. А. Китайцы. Особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2011.

31. Тertiцкий, К. М. Китайцы: традиционные ценности в современном мире: монография. – М.: ИСАА МГУ, 1994. – 347 с.
32. Усов, В. Н. Жены и наложницы Поднебесной. М.: «Наталис», 2006.
33. Хань, Юйфэн. Статус и роль женщины в изобразительном искусстве Китая // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 85.
34. Цао, Сюэцин. Сон в красном тереме: Роман. В 3 т. Т. 1. Гл. I – XL / Пер. с кит. В. Панасюка; Редкол.: Л. Делюсин и др.; Ред. пер. С. Хохловой; Стихи в пер. И. Голубева; Послесл. Д. Воскресенского; Статья И. Голубева и Г. Ярославцева. Примеч. И. Голубева и В. Панасюка. – М.: Худож. лит., Ладомир, 1995. – 605 с.
35. Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй. Роман: Пер. с кит. В. Манухина / Ред. пер. С. Хохловой; Подгот. текста Л. Сычева; Стихи в пер. Г. Ярославцева; Вступ. статья и коммент. Б. Рифтина. – М.: Худож. лит., 1993. – 766 с.
36. Цзэн, Пу. Цветы в море зла: Роман / Пер. с кит. В. Семанова; Редкол.: Г. Гоц, Л. Делюсин, Д. Мамлеев и др.; Вступ. статья и примеч. В. Семанова; Стихи в пер. И. Голубева. – М.: Худож. лит., 1990. – 480 с.
37. Швейгер-Лерхенфельд, А. Ф. Женщина, ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара // Усов В. Н. Жены и наложницы Поднебесной. – М., 2006. – 315 с.
38. Шицзин: Книга песен и гимнов / Пер. с кит. А. Штукина; Подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко; Коммент. А. Штукина. – М.: Худож. лит., 1987. – 351 с.
39. Dooling, A. D. Women's literary feminism in twentieth-century China. New York: Palgrave Macmillan, 2005.
40. Gao, Mengtao, Yang, Yao. "Gender Gaps in Access to Healthcare in Rural China." *Economic Development and Cultural Change*, 2006, Vol. 55(1). – pp. 87–107.
41. Hersatter, G. Women in China's long twentieth century. Berkeley: University of California Press, 2007.
42. Ko, D. Teachers of the inner chambers: women and culture in seventeenth-century China. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1994.
43. Liu, Haoming. The impact of women's power on child quality in rural China // *China Economic Review*. 2008. – Vol. 19, issue 1. – pp. 101–115.
44. Yan, Haiping. Chinese women writers and the feminist imagination 1905-1948. N.Y.: Routledge, 2006.
45. 古代婚姻制度的流毒 ‘Гудай хуньинь чжиду дэ люду’ (Пагубное влияние древнего семейного уклада) // *Линлун*. 1936. № 45. – С. 3495–3496.

46. 易中天。中国的男人和女人 ‘И Чжунтянь. Чжунго дэ наньжэнь хэ нюйжэнь’ (Мужчина и женщина в Китае). Шанхай, 2000.
47. 新家庭与新妇女 ‘Синь цзятин юй синь фунюй’ (Новая семья и новая женщина) // Линлун. 1937. № 2. – С. 88–89.
48. 吕美颐, 郑永福。中国妇女通史, 民国卷 ‘Лу Мэйи, Чжэн Юнфу. Чжунго фунюй тунши, миньго цзюань’ (История женщин Китая, период Республики). Ханчжоу, 2010.
49. 张洁。祖母绿 ‘Чжан Цзе. Цзымулю’ (Изумруд). 江苏凤凰文艺出版社, 2017.
50. 李银河。中国人的性爱与婚姻 ‘Ли Инхэ. Чжунгожэнь дэ синай ю хуньинь’ (Сексуальные отношения и брак китайцев). 郑州: 河南人民出版社, 1991. – 第 3 页。
51. Буранок, Д. Ю. Положение женщины по конфуцианскому канону «Ши-цзин» // Гуманитарные научные исследования. [Электронный ресурс]. – 2014. № 2 – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/02/5903>. – Дата доступа: 07.10.2018.
52. Ду, Фу. Поэзия Ду Фу в переводах А. И. Гитовича. [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://lib.ru/POECHIN/DUFU/dufu_gitovich.txt_with-big-pictures.html. – Дата доступа: 02.10.2018.
53. Синецкая, Э. А. О национальных особенностях китайского феминизма / Э. А. Синецкая // Общество и государство в Китае: XXXLII научная конференция: К 100-летию со дня рождения Л. И. Думана / Ин-т востоковедения; сост. и отв. ред. С. И. Блюхмен – М.: Вост. лит., 2007. – С. 335–352. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.synologia.ru/a/O_национальных_особенностях_китайского_феминизма. – Дата доступа: 09.11.2018.
54. Women’s magazines from the republican period at the institute of Chinese studies. [Electronic resource] / ed. J. Judge. – Center for East Asian Studies, Heidelberg University, 2009–2018. – Mode of access: <http://kjc-sv013.kjc.uni-heidelberg.de/frauenzeitschriften/index.php>. – Date of access: 26.02.2018.
55. 冰心。我的邻居 ‘Бин Синь. Во дэ линцзю’ (Моя соседка). [Электронный ресурс] / 陈祖英, 《文学教育》杂志社 – 全刊赏析网, 2013. – Режим доступа: <http://doc.qkzz.net/article/ffd898b9-2cb6-447b-84bc-7e9b7e9244d4.htm>. Дата доступа: 31.01.2018.
56. 冰心。我的朋友母亲 ‘Бин Синь. Во дэ паньё дэ муцин’ (Мать моего друга). [Электронный ресурс] / 百度网, 2013. – Режим доступа: <https://zhidao.baidu.com/question/559712156.html>. Дата доступа: 31.01.2018.

57. 冰心。我的学生 ‘Бин Синь. Во дэ сюэшэн’ (Моя ученица). [Электронный ресурс] / 豆瓣网, 2010. – Режим доступа: <https://www.douban.com/note/121327012/>. Дата доступа: 31.01.2018.
58. 冰心。我的同学 ‘Бин Синь. Во дэ тонсюэ’ (Моя однокурсница). [Электронный ресурс] / 教育专区 (初中教育: 初一语文) – 百度网, 2011. – Режим доступа: <https://wenku.baidu.com/view/f5de4003b52acfc789ebc918.html>. Дата доступа: 31.01.2018.
59. 冰心。张嫂 ‘Бин Синь. Чжан Сао’ (Сноха Чжан). [Электронный ресурс] / 无忧无虑中学语文网, 2011. – Режим доступа: <http://www.5156edu.com/page/16-07-11/130425.html>. Дата доступа: 31.01.2018.
60. 丁玲。莎菲女士的日记 ‘Дин Лин. Суо Фэй нюши дэ жицзи’ (Дневник Софы). [Электронный ресурс] / 杂文集 – 世界名著网. – Режим доступа: <http://t.icesmall.cn/book/51/608/1.html>. Дата доступа: 25.01.2018
61. 刘静。海外华文文学成为中国文学新力量 (文学新观察/刘静) (Лю Цзин. Литература зарубежья на китайском языке становится новой силой китайской литературы (новый обзор)). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2013-07/12/content_1267858.htm. – Дата доступа: 16.01.2019.

我固执地要在自由的天地中飞翔，从生活实践中寻找自己的道路。但
‘自己的道路’是什么，在哪里？

丁玲

丁玲

《莎菲女士的日记》

十二月二十四

今天又刮风！天还没亮，就被风刮醒了。伙计又跑进来生火炉。我知道，这是怎样都不能再睡得着了，我也知道，不起来，便会头昏，睡在被窝里是太爱想到一些奇奇怪怪的事上去。医生说顶好能多睡，多吃，莫看书，莫想事，偏这就不能，夜晚总得到两三点才能睡着，天不亮又醒了。象这样刮风天，真不能不令人想到许多使人焦躁的事。并且一刮风，就不能出去玩，关在屋子里没有书看，还能做些什么？一个人能呆呆的坐着，等时间的过去吗？我是每天都在等着，挨着，只想这冬天快点过去；天气一暖和，我咳嗽总可好些，那时候，要回南便回南，要进学校便进学校，但这冬天可太长了。

太阳照到纸窗上时，我在煨第三次的牛奶。昨天煨了四次。次数虽煨得多，却不定是要吃，这只不过是一个人在刮风天为免除烦恼的养气法子。这固然可以混去一小点时间，但有时却又不能不令人更加生气，所以上星期整整的有七天没玩它，不过在没想出别的法子时，又不能不借重它来象一个老年人耐心着消磨时间。

报来了，便看报，顺着次序看那大号字标题的国内新闻，然后又看国外要闻，本埠琐闻……把教育界，党化教育，经济界，九六公债盘价……全看完，还要再去温习一次昨天前天已看熟了的那些招男女编级新生的广告，那些为分家产起诉的启事，连那什么六零六，百零机，美容药水，开明戏，真光电影……都熟习了过后才懒懒的丢开报纸。自然，有时会发现点新的广告，但也除不了是些绸缎铺五年六年纪念的减价，恕讣不周的讣闻之类。

报看完，想不出能找点什么事做，只好一人坐在火炉旁生气。气的事，也是天天气惯了的。天天一听到从窗外走廊上传来的那些住客们喊伙计的声音，便头痛，那声音真是又粗，又大，又嘎，又单调；“伙计，开壶！”或是“脸水，伙计！”这是谁也可以想象出来的一种难听的声音。还有，那楼下电话也不断的有人在电机旁大声的说话。没有一些声息时，又会感到寂沉沉的可怕，尤其是那四堵粉垩的墙。它们呆呆的把你眼睛挡住，无论你坐在哪方：逃到床上躺着吧，那同样的白垩的天花板，便沉沉地把你压住。真找不出一件事是能令人不生嫌厌的心的；如那麻脸伙计，那有抹布味的饭菜，那扫不干净的窗格上的沙土，那洗脸台上的镜子——这是一面可以把你的脸拖到一尺多长的镜子，不过只要你肯稍微一偏你的头，那你的脸又会扁的使你自己也害怕……这都可以令人生气了又生气。也许只我一人如是。但我宁肯能找到些新的不快活，不满足；只是新的，无论好坏，似乎都隔我太远了。

吃过午饭，苇弟便来了，我一听到那特有的急遽的皮鞋声从走廊的那端传来时，我的心似乎便从一种窒息中透出一口气来感到舒适。但我却不会表示，所以当苇弟进来时，我只默默的望着他；他以为我又在烦恼，握紧我一双手，“姊姊，姊姊，”那样不断的叫着。我，我自然笑了！我笑的什么呢，我知道！在那两颗只望到我眼睛下面的跳动的眸子中，我准懂得那收藏在眼睑下面，不愿给人知道的是些什么东西！这有多么久了，你，苇弟，你在爱我！但他捉住过我吗？自然，我是不能负一点责，一个女人应当这样。其实，我算够忠厚了；我不相信会有第二个女人这样不捉弄他的，并且我还确确实实地可怜他，竟有时忍不住想指点他；“苇弟，你不可以换个方法吗？这样只能反使我不高兴的……”对的，假使苇弟能够再聪明一点，我是可以比较喜欢他些，但他却只能如此忠实地去表现他的真挚！

苇弟看见我笑了，便很满足。跳过床头去脱大氅，还脱下他那顶大皮帽。假使他这时再掉过头来望我一下，我想他一定可以从我的眼睛里得些不快活去。为什么他不可以再多的懂得我些呢？

我总愿意有那末一个人能了解得我清清楚楚的，如若不懂得我，我要那些爱，那些体贴做什么？偏偏我的父亲，我的姊姊，我的朋友都如此盲目的爱惜我，我真不知他们爱惜我的什么；爱我的骄纵，爱我的脾气，爱我的肺病吗？有时我为这些生气，伤心，但他们却都更容让我，更爱我，说一些错到更使我想打他们的一些安慰话。我真愿意在这种时候会有人懂得我，便骂我，我也可以快乐而骄傲了。

没有人来理我，看我，我会想念人家，或恼恨人家，但有人来后，我不觉得又会给人一些难堪，这也是无法的事。近来为要磨练自己，常常话到口边便咽住，怕又在无意中竟刺着了别人的隐处，虽说是开玩笑。因为如此，所以可以想象出来，我是拿一种什么样的心情在陪苇弟坐。但苇弟若站起身来喊走时，我又会因怕寂寞而感到怅惘，而恨起他来。这个，苇弟是早就知道的，所以他一直到晚上十点钟才回去。不过我却不骗人，并不骗自己，我清白，苇弟不走，不特于他没有益处，反只能让我更觉得他太容易支使，或竟更可怜他的太不会爱的技巧了。

十二月二十八

今天我请毓芳同云霖看电影。毓芳却邀了剑如来。我气得只想哭，但我却纵声的笑了。剑如，她是多么可以损害我自尊之心的；因为她的容貌，举止，无一不象我幼时所最投洽的一个朋友，所以我不觉的时常在追随她，她又特意给了我许多敢于亲近她的勇气。但后来，我却遭受了一种不可忍耐的待遇，无论什么时候想起，我都会痛恨我那过去的，不可追悔的无赖行为：在一个星期中我曾足足的给了她八封长信，而未被人理睬过。毓芳真不知想的哪一股劲，明知我不愿再提起从前的事，却故意邀着她来，象有心要挑逗我的愤恨一样，我真气了。

我的笑，毓芳和云霖不会留意这有什么变异，但剑如，她能感觉到；可是她会装，装糊涂，同我毫无芥蒂的说话。我预备骂她几句，不过话到口边便

想到我为自己定下的戒条。并且做得太认真，反令人越得意。所以我又忍下心去同她们玩。

到真光时，还很早，在门口遇着一群同乡的小姐们，我真厌恶那些惯做的笑靥，我不去理她们，并且我无缘无故地生气到那许多去看电影的人。我乘毓芳同她们说到热闹中，丢下我所请的客，悄悄回来了。

除了我自己，没有人会原谅我的。谁也在批评我，谁也不知道我在人前所忍受的一些人们给我的感触。别人说我怪僻，他们哪里知道我却时常在讨人好，讨人欢喜。不过人们太不肯鼓励我说那太违心的话，常常给我机会，让我反省我自己的行为，让我离人们却更远了。

夜深时，全公寓都静静的，我躺在床上好久了。我清清白白的想透了一些事，我还能伤心什么呢？

十二月二十九

一早毓芳就来电话。毓芳是好人，她不会扯谎，大约剑如是真病。毓芳说，起病是为我，要我去，剑如将向我解释。

毓芳错了，剑如也错了，莎菲不是欢喜听人解释的人。根本我就否认宇宙间要解释。朋友们好，便好；合不来时，给别人点苦头吃，也是正大光明的事。我还以为我够大量，太没报复人了。剑如既为我病，我倒快活，我不会拒绝听别人为我而病的消息。并且剑如病，还可以减少点我从前自怨自艾的烦恼。

我真不知应怎样才能分析我自己。有时为一朵被风吹散了的白云，会感到一种渺茫的，不可捉摸的难过；但看到一个二十多岁的男子（苇弟其实还大我四岁）把眼泪一颗一颗掉到我手背时，却象野人一样在得意的笑了。苇弟从东城买了许多信纸信封来我这里玩，为了他很快乐，在笑，我便故意去捉弄，看到他哭了，我却快意起来，并且说“请珍重点你的眼泪吧，不要以为姊姊象别的女人一样脆弱得受不起一颗眼泪……”“还要哭，请你转家去哭，我看见眼泪就讨厌……”自然，他不走，不分辩，不负气，只蜷在椅角边老老实实无声的去流那不知从哪里得来的那末多的眼泪。我，自然，得意够了，又会惭愧起来，于是用着姊姊的态度去喊他洗脸，抚摩他的头发。他镶着泪珠又笑了。

在一个老实人面前，我已尽自己的残酷天性去磨折他，但当他走后，我真想能抓回他来，只请求他：“我知道自己的罪过，请不要再爱这样一个不配承受那真挚的爱的女人了吧！”

一月一号

我不知道那些热闹的人们是怎样的过年，我只在牛奶中加了一个鸡子，鸡子是昨天苇弟拿来的，一共二十个，昨天煨了七个茶卤蛋，剩下十三个，大约够我两星期吃。若吃午饭时，苇弟会来，则一定有两个罐头的希望。我真希望他来。

因为想到苇弟来，我便上单牌楼去买了四合糖，两包点心，一篓橘子和苹果，预备他来时给他吃。我断定今天只有他才能来。

但午饭吃过了，苇弟却没来。

我一共写了五封信，都是用前几天苇弟买来的好纸好笔。

我想能接得几个美丽的画片，却不能。连几个最爱弄这个玩艺儿的姊妹们都把我这应得的一份儿忘了。不得画片，不希罕，单单只忘了我，却是可气的事。不过自己从不曾给人拜过一次年，算了，这也是应该的。

晚饭还是我一人独吃，我烦恼透了。

夜晚毓芳云霖来了，还引来一个高个儿少年，我想他们才真算幸福；毓芳有云霖爱她，她满意，他也满意。幸福不是在有爱人，是在两人都无更大的欲望，商商量量平平和和地过日子。自然，有人将不屑于这平庸。但那只是另外人的，与我的毓芳无关。

毓芳是好人，因为她有云霖，所以她“愿天下有情人皆成眷属”。她去年曾替玛丽作过一次恋爱婚姻的介绍。她又希望我能同苇弟好，她一来便问苇弟。但她却和云霖及那高个儿把我给苇弟买的东西吃完了。

那高个儿可真漂亮，这是我第一次感觉到男人的美，从来我还没有留心到。只以为一个男人的本行是会说话，会看眼色，会小心就够了。今天我看了这高个儿，才懂得男人是另铸有一种高贵的模型，我看出在他面前的云霖显得多么委琐，多么呆拙……我真要可怜云霖，假使他知道他在这个人前所衬出的不幸时，他将怎样伤心他那些所有的粗丑的眼神，举止。我更不知，当毓芳拿这一高一矮的男人相比时，会起一种什么情感！

他，这生人，我将怎样去形容他的美呢？固然，他的颀长的身躯，白嫩的面庞，薄薄的小嘴唇，柔软的头发，都足以闪耀人的眼睛，但他还另外有一种说不出，捉不到的丰仪来煽动你的心。比如，当我请问他的名字时，他会用那种我想不到的不急遽的态度递过那只擎有名片的手来。我抬起头去，呀，我看见那两个鲜红的，嫩腻的，深深凹进的嘴角了。

我能告诉人吗，我是用一种小儿要糖果的心情在望着那惹人的两个小东西。但我知道在这个社会里面是不准许任我去取得我所要的来满足我的冲动，我的欲望，无论这于人并没有损害的事，我只得忍耐着，低下头去，默默地念那名片上的字：“凌吉士，新加坡……”

凌吉士，他能那样毫无拘束的在我这儿谈话，象是在一个很熟的朋友处，难道我能说他这是有意来捉弄一个胆小的人？我为要强迫地拒绝引诱，不敢把眼光抬平去一望那可爱慕的火炉的一角。两只不知羞惭的破烂拖鞋，也逼着我不准走到桌前的灯光处。我气我自己：怎么会那样拘束，不会调皮的应对？平日看不起别人的交际，今天才知道自己是显得又呆，又傻气。唉，他一定以为我是一个乡下才出来的姑娘了！

云霖同毓芳两人看见我木木的，以为我不欢喜这生人，常常去打断他的话，不久带着他走了。这个我也感激他们的好意吗？我望着那一高两矮的影子在楼下院子中消失时，我真不愿再回到这留得有那人的靴印，那人的声音，和那人吃剩的饼屑的屋子。

一月三号

这两夜通宵通宵地咳嗽。对于药，简直就不会有信仰，药与病不是已毫无关系吗？我明明厌烦那苦水，但却又按时去吃它，假使连药也不吃，我能拿什么来希望我的病呢？神要人忍耐着生活，安排许多痛苦在死的前面，使人不敢走近死亡。我呢，我是更为了我这短促的不久的生，我越求生得厉害；不是我怕死，是我总觉得我还没享有我生的一切。我要，我要使我快乐。无论在白天，在夜晚，我都在梦想可以使我没有遗憾在我死的时候的一些事情。我想能睡在一间极精致的卧房的睡榻上，有我的姊姊们跪在榻前的熊皮毡子上为我祈祷，父亲悄悄的朝着窗外叹息，我读着许多封从那些爱我的人儿们寄来的长信，朋友们都纪念我流着忠实的眼泪……我迫切的需要这人间的感情，想占有许多不可能的东西。

但人们给我的是什么呢？整整两天，又一人幽囚在公寓里，没有一个人来，也没有一封信来，我躺在床上咳嗽、坐在火炉旁咳嗽，走到桌子前也咳嗽，还想念这些可恨的人们……其实还是收到一封信的，不过这除了更加我一些不快外，也只不过是加我不快。这是一年前曾骚扰过我的一个安徽粗壮男人寄来的，我没有看完就扯了。我真肉麻那满纸的“爱呀爱的”！我厌烦我不喜欢的人们的殷勤……

我，我能说得我真实的需要是些什么呢？

一月四号

事情不知错到什么地方去了。我为什么会想到搬家，并且在糊里糊涂中欺骗了云霖，好象扯谎也是本能一样，所以在今天能毫不费力的便使用了。假使云霖知道莎菲也会骗他，他不知应如何伤心，莎菲是他们那样爱惜的一个小妹妹。自然我不是安心的，并且我现在在后悔。但我能决定吗，搬呢，还是不搬？

我不能不向我自己说：“你是在想念那高个儿的影子呢！”

是的，这几天几夜我无时不神往到那些足以诱惑我的。为什么他不在这几天中单独来会我呢？他应当知道他不该让我如此的去思慕他。他应当来看我，说他也想念我才对。假使他来，我不会拒绝去听他所说的一些爱慕我的话，我还将令他知道我所要的是些什么。但他却不来。我估定这象传奇中的事是难实现了。难道我去找他吗？一个女人这样放肆，是不会得好结果的。何况还要别人能尊敬我呢。我想不出好法子，只好先到云霖处试一试，所以吃过午饭，我便冒风向东城去。

云霖是京都大学的学生，他租的住房在京都大学一院和二院之间的青年胡同里。我到 he 那里时，幸好他没有出去，毓芳也没有来。云霖当然很诧异我在大风天出来，我说是到德国医院看病，顺便来这里。他就毫不疑惑，问我的病状，我却把话头故意引到那天晚上。不费一点气力，我便打探得那人儿住在第四寄宿舍，在京都大学二院隔壁。不久，我又叹起气来，我用许多言辞把在西城公寓里的生活，描摹得寂寞，暗淡。我又扯谎，说我唯一只想能贴近毓芳（我知道毓芳已预备搬来云霖处）。我要求云霖同我在近处找房。云霖当然高兴这差事，不会迟疑的。

在找房的时候，凑巧竟碰着了凌吉士。他也陪着我们。我真高兴，高兴使我胆大了，我狠狠的望了他几次，他没有觉得。他问我的病，我说全好了，他不信似的在笑。

我看上一间又低，又小，又霉的东房，在云霖的隔壁一家大元公寓里。他和云霖都说太湿，我却执意要在第二天便搬来，理由是那边太使我厌倦，而我急切的要依着毓芳。云霖无法，就答应了，还好第二天一早他和毓芳过来替我帮忙。

我能告诉人，我单单选上这房子的用意吗？它位置在第四寄宿舍和云霖住所之间。

他不曾向我告别，我又转到云霖处，尽我所有的大胆在谈笑。我把他什么细小处都审视遍了，我觉得都有我嘴唇放上去的需要。他不会也想到我在打量他，盘算他吗？后来我特意说我想请他替我补英文，云霖笑，他却受窘了，不好意思的含含糊糊的问答，于是我向心里说，这还不是一个坏蛋呢，那样高大的一个男人还会红脸？因此我的狂热更炎炽了。

但我不愿让人懂得我，看得我太容易，所以我驱遣我自己，很早就回来了。

现在仔细一想，我唯恐我的任性，将把我送到更坏的地方去，暂时且住在这有洋炉的房里吧，难道我能说得上是爱上了那南洋人吗？我还一丝一毫都不知道他呢。什么那嘴唇，那眉梢，那眼角，那指尖……多无意识，这并不是一个人所应需的，我着魔了，会想到那上面。我决计不搬，一心一意来养病。

我决定了，我懊悔，懊悔我白天所做的一些不是，一个正经女人所做不出来的。

一月六号

都奇怪我，听说我搬了家，南城的金英，西城的江周，都来到我这低湿的小屋里。我笑着，有时在床上打滚，她们都说我越小孩气了，我更大笑起来。我只想告诉她们我想的是什么。下午苇弟也来了。苇弟最不快活我搬家，因为我未曾同他商量，并且离他更远了。他见着云霖时，竟不理他。云霖摸不着他为什么生气。望着他。他更板起脸孔。我好笑，我向自己说“可怜，冤枉他了，一个好人！”

毓芳不再向我说剑如。她决定两三天便搬来云霖处，因为她觉得我既这样想傍着她住，她不能让我一人寂寂寞寞的住在这里。她和云霖待我比以前更亲热。

一月十号

这几天我都见着凌吉士，但我从没同他多说几句话，我决不先提补英文事。我看见他一天两次往云霖处跑，我发笑，我断定他以前一定不会同云霖如此亲密的。我没有一次邀请他来我那儿玩，虽说他问了几次搬了家如何，我都装出不懂的样儿笑一下便算回答。我把所有的心计都放在这上面，好象同什么东西搏斗一样。我要那样东西，我还不愿去取得，我务必想方设法让他自己送

来。是的，我了解我自己，不过是一个女性十足的女人，女人只把心思放到她要征服的男人们身上。我要占有他，我要他无条件的献上他的心，跪着求我赐给他的吻呢。我简直癫了，反反复复的只想着我所要施行的手段的步骤，我简直癫了！

毓芳云霖看不出我的兴奋，只说我病快好了。我也正不愿他们知道，说我病好，我就装着高兴。

张洁
《祖母绿》

（一）

黄昏像一块硕大无朋的海绵，将白昼的炎光，慢慢地吮吸渐尽。喧嚣的市声，也渐渐地低落下去。城市像一锅晾凉了的稠粥。房间里已经暗得不辨东西，只有墙角那盘燃着的蚊香，信号灯似地亮着红色的光。

浅色花布的窗帘，在习习的晚风中轻拂，玻璃窗在轻风的摇曳中微微作响。就是不刮风的时候，每逢有人在地板上走过，这些窗子，也会咔啦啦地震响。这是栋老房子啦，灰黄色的墙壁古色古香；每条地板，中间早已磨出凹槽，却还是被路阿姨擦得一尘不染，油光锃亮；红木家具，以及家具上的棱棱角角，依旧硬得硌人；窗子也很像教堂里的格式，又窄又长，顶部还是一块拱形……

二楼朝南的那一排窗前，有一棵叶子阔大的老核桃树，一棵海棠，还有两棵老也不见长的日本松。打从卢北河第一次迈进这个院子到现在，二十多年过去了，它们还是那么高。不过看得出来，他们苍老了许多。人会苍老，树又何尝不会老呢？

夏天，核桃树和海棠的浓荫，不但会滤去阳光的炎热，还遮挡着窗子里的人，和窗子里发生的事。到了冬天，海棠树的叶子，核桃树的叶子虽然掉光了，可是，谁会还有那么大的瘾头，站在冷风地里，窥视别人的窗呢？

屋外四周的青砖墙上，爬满了青藤。本来就不敞亮的窗户，深深地陷进那厚密的藤叶里，像边沿铺满厚厚的青苔，极少有人来汲水的一口古井——一如左家与人极少交往的家风。而在卢北河嫁给左葳之前，左家似乎还不这么冷森。

在待人接物方面，卢北河恪守着保持一定距离的原则。她在不大的年纪，便眼看着自己的家庭如何地败落，以及那些和她的家庭差不多的家庭的败落。那早年的，最初的，和旧世界完全颠倒的记忆，像年轮长进树心一样，永不再和她分离。因此卢北河爱这老房子的幽暗。

这栋小楼，是左葳父亲名下的。“文化大革命”十年浩劫期间，居然像世外桃园地躲过了那场劫难。这是因为左葳的父亲，不但是国内数一数二的国宝，在国际上也是一个很有地位、很有影响的人物。所以便被当做标本似地保存下来。

他们夫妇本有资格申请一套新房子，但卢北河不肯。钱是小事，自己出去立门立户，他们就不得不被摆到第一线的位置上，纷缠到七七八八、琐琐碎碎的事情里去。他们的头上，便会添出许多事来。

卢北河从沙发上站起来，扭开一旁的落地灯。灯光透过绿色的纱罩，映出一片不大的光晕。她躲开这片光晕，重又拣了一个沙发角斜躺下去。

吃过晚饭后，卢北河就那么一动不动地斜躺在沙发上，独自个儿地盘算着她的心思。

左葳上火车站送儿子去了。

就是左葳在，她也不会把自己没有考虑成熟的事情讲给他听。他什么时候拿出过一个果断的意见呢？想到这里，卢北河淡淡地笑了笑。

儿子什么时候才能成人，顶天立地地替她撑起这个家呢？他没有一点像她的地方。真是他们左家的骨血，而且比左葳年轻的时候还糟。她和别的女人大不相同，还不至于因为对丈夫或儿子的爱，弄到睁眼瞎的地步。

她拿起一把葵扇，不紧不慢地摇着。一会儿想想丈夫，一会儿想想儿子，不知是苦还是甜的咂摸着。

也许现在的年轻人，和他们年轻的时候，已经大不一样。干什么事都显得肆无忌惮，很少考虑自己的一言一行，一举一动会给别人留下什么印象，或政治上带来什么影响。好像他们只打算活过今天，明天就不再活了。

向东在政治上很不开展，到现在连团员都不是，入团申请书都没有写过。为这件事，卢北河不知和他谈过多少次，就差没跪下来，求他写一份入团申请书。

他答应得倒挺好。“哎，妈，我写。”

“写完给妈看看。”

“噯。”

过了一个月，什么动静也没有。再催他，就该发脾气了。卢北河恨不得替他写一份。可是，那也得他自己愿意交出去才行。她总不能替他去交申请书，替他去接受组织的考验，替他在团旗下宣誓吧？

他自己不肯入团倒也罢了。别人会怎么想呢？比方研究所里的同志。他们会不会说，自己的孩子都管教不好，还算什么党委副书记和副所长呢？

再说不入团，不入党将来分配工作、出国留学都会受影响。这个厉害，这小毛头什么时候才能懂呢？她又不好把这些利害大明大摆地对他说个清楚。那他准会一蹦三丈高地跟她嚷嚷：“噢，敢情您让我入团是为了这个。”那她就会失去他的尊敬。

这次暑假和同学们到云南去旅游，左葳还偏偏给他买了一张卧铺。别的同学都能坐着去，干嘛他一个人非“卧”不可。如果不能坐，就干脆别去，要摆谱，在家摆好了，爱怎么摆都行。

卢北河不是舍不得钱。在左家，钱，何时曾被提到日程上来计较过？可是，有钱也不能是这个花法，贴大布告似地。这等于告诉人家，你们家趁钱，你们家那资产阶级知识分子，或资产阶级的劣根性——卢北河从懂事那天起，

没有一天敢忘记过自己的出身——没有一丝一毫的改变，贪图享受、腐化堕落、好逸恶劳云云。要命的是，谁敢担保不会再来个什么运动呢？“文化大革命”说是不搞了，可以变个别的名词或是花样呀，这方面的专家有的是。

唉，头脑里没有一点政治。为什么不能像她那样，在家里炖点银耳啦，野参啦，燕窝啦……人又不知，鬼又不觉，有多实惠。

卢北河选的保姆，绝对靠得住。工价虽然高了一点，可是用了多少年，这家里大大小小的事，没从她嘴里漏出过一星半点，就连“文化大革命”那个非常时期在内。

因为她少言寡笑，左葳的母亲老是说：“看她那面孔，真像一堵灰砖墙。”

灰砖墙有什么不好？

她从不和别家的保姆来往，不像她们那样，抱着主人家的孩子，坐在树荫下或朝南的大墙下，抖落主人家的老底儿，编排主人家的不是。

不对她说的事情，她绝不打听。只要不是对她发的话，别管大家在她面前说什么，她都像没听见一样。要是偶尔来个客人，又碰巧主人全不在家，谁也别想从她那里打听出来家里人上哪儿去了，去干什么。问她什么，她全会木无表情地摇摇头，说：“不知道。”哪怕她给这位客人上过多少次茶，备过多少次饭，她也跟不认识一样。

客人们不断向卢北河告她的状，卢北河听后，只是抿嘴笑笑。

这哪儿是保姆？分明是个宝物。不像左家原来那个保姆，太爱说话，太爱串门儿，太爱管闲事。卢北河嫁过来不久，就找了个理由，让左葳把她打发走了。那保姆走的时候，还拉着卢北河的手，泪流涟涟地舍不得分手。弄得卢北河心里也很不好受，一直把她送到长途汽车站呢。

卢北河和左葳就这么一个孩子。左家两代都是单传。

偏偏这孩子来的晚，结婚好几年之后才有他。头几年，婆婆在她那瘪肚子上扫来扫去的目光，简直像一条鞭子抽打着她的神经。她恨不得自己的肚子，一夜之间就隆得像扣着的一个面盆。

她甚至在婆婆的眼睛里，看到过几许懊恼的神色。婆婆懊恼什么呢？难道懊恼左葳没有和曾令儿结婚，而终于娶了她么？

既然如此，为什么利用曾令儿对左葳的爱，去暗示她替左葳戴那顶右派的帽子？又为什么任曾令儿像流放一样，分配到新疆，左葳又不随她而去呢？在左家，好像世界上从来没有过曾令儿这个人……老太太的懊恼，就跟《雷雨》中的周朴园一样，几十年来供着鲁妈的照片、一丝不走样地保留着鲁妈的一些生活习惯……不过都是一种无比真诚的伪善。

向东是他们心头的肉，掌上的珠。可是疼孩子，不是这么个疼法。应该让他自小便练就政治上立于不败之地的硬功夫，这才是真格的。就连给儿子起名字这件事，卢北河既看得很淡，也很用心思。姓左，名向东。什么时候往深里想想这个名字，什么时候她身上便会乍起一层小小的鸡皮疙瘩。但是，在

这个名字里，不管是谁，再也嗅不到左家世代代的书卷气，和卢家的铜臭味儿了。

老头、老太太、左葳，只知道给游山玩水的向东买卧铺，却毫不在意向东说不出中国那几个副总理、国务委员的名字。他们不懂，也不愿意懂什么重要、什么不重要。

卢北河轻轻地叹了一口气，目光落在对面墙壁的照片上。她调正了灯罩的角度，让那灯光投射到照片上去。那是她和左葳的结婚照。

她呆呆地望着那张十二吋的大照片，想着人们常常说的话。

人们都说他们夫妇二人非常相像。到底像在哪儿呢？可就没人说得清楚了。

他，直长的鼻，飞扬的眉，炯炯的目。瘦削而棱角分明的面庞，一副硬汉子的模样。

而她，一双弥勒佛的笑眼，遮藏起人们可以从那里窥视内心的双眸。圆鼻头，圆脸庞，一副和气生财的模样。

论脾性，秉性，也大不相同。

念大学的时候，左葳是社会活动的积极分子。系学生会主席。组织春游啦，秋季运动会啦，文艺汇演啦，和苏联留学生联欢啦，在全市五四青年节的纪念大会上发言啦……总之，是在一切重要场合抛头露面的人物。

讲究穿着。剪裁合体，质地精良，却并不令人觉得怪异。

玲珑剔透、天分很高，但功课只在中等水平以上。也许太多的社会活动占去了他的时间。

记得有家电影制片厂，拍摄一部以大学生生活为题材的影片，到各个大学物色演员。导演一眼便看中了左葳，希望由他饰演片中的男主角。这个被许多年轻人梦寐以求也得不到的机会，却被他一口拒绝了。问他为什么，他只是笑而不答。只有卢北河知道，左家的人，是不会干这种差事的。虽然他从未将这内中的缘由告诉过她，或是任何别的人。

那时，他们很少交谈。即使交谈，也是工作上的联系，干干巴巴，三言两语。她只是从卢家的骨子，去了解左家的骨子。虽有根本的不同，也有根本的相同。

他风流潇洒，却并不和女孩子纠缠不清。曾令儿可能是他唯一爱过的女孩子——如果那也叫做爱的话。倒不是他守身如玉，他只是——只是不会爱罢了。有一种人，似乎天生没有爱的这根神经。换句话说，他最后和卢北河结婚，从实质上来说，和从大街上随便拉一个女人结婚，没有什么两样。

她自己呢，一直是一个功课平平的学生。从高中开始，她就是团支部书记。到了大学，又是年级的党支部书记。那时候，学生里的党员可谓凤毛麟角，只能是一个年级成立一个支部。现在又是研究所的党委副书记和副所长。她这一辈子，恐怕要终老在这“书记”的职位上了。中国进入社会主义社会以来，人们大上大下，大起大落，走马灯似地让人眼花缭乱。只有她，既不大红大紫，也不大黑大白。

怪还怪在，任凭多么精细的眼睛，在她身上，再也找不出一点点出身豪门的痕迹了。

从五十年代到现在，别管女人们的头发、衣服、靴子经历过多少次新潮的疯狂冲击，她一直是一头齐耳的短发，清汤挂面似地挂在头上，还卡着一个像大号铁钉一般粗细长短的黑色发卡。衬衣的颜色，不是浅灰、浅蓝，就是白。小翻领，胸前还有两个掩护线条的大口袋。深蓝或深灰色的长裤。脚上是一双带绊的黑布鞋。在学校念书的时候，鞋底上还掌着一层厚厚的胶皮。

在公众场合，她尽量显得无声无息。坐在最后一排，或是某个特角的椅子里。从半眯着的眼皮下，静悄悄地观察着周围的人和事。要是有人发现了她，定要把她让到显赫的位置上去坐的时候，她会谦和地笑着推辞：“这儿挺好，快开会吧，不要影响大家的发言。”说罢，仍会坚决地坐在她原来的位置上。她永远提醒自己，她不过是个副职。就是第一把手因故不在，她也会让其他的副职上去。

不论谁找她汇报思想、工作或生活中的问题，她都会全神贯注地倾听。眼睛盯住对方，绝不心不在焉地溜来溜去。不住地点头，不时发出一声又似同情、又似惊讶的短句：“是这样？”然后一再紧握谈话人的手，把他们一直送到大门口。站在那里，久久地望着人家远去的背景，至少让对方在两次回头时，都还能看到她伫立在门口的身影。对于人们登门求助的事情，除非牵涉到特别复杂的背景，她总是迅速、尽力地去做。

.....

他们两个人，何尝有一点相似之处？可人们老是说他们像。再问他们，到底像在哪儿？他们又说不清楚。

真怪，到底像在哪儿呢？

楼梯在响。听那不知轻重的脚步声，就知道左葳回来了。

“送走了？”

“送走了。”左葳脱去身上一件本色网眼的短袖衬衣，顺手扔在沙发背上，又拧开沙发旁的电扇和天花板上的吊灯。房间里顿时大放光明。“怎么没下楼看电视？今晚有足球赛。”

卢北河把他扔在沙发背上的衬衣，挂到墙角的衣架上去。“今天晚上娘心口有点不舒服，我怕吵了她。”她没说自己需要安安静静地想心事。

左葳是个孝子。婆婆生他的时候难产，最后是剖腹拿出来的。现在剖腹产已算不了什么大手术，但在那个时代，医疗水平那么低劣的情况下，婆婆因此落下许多毛病。经常这儿疼、那儿疼，这儿不舒服、那儿不舒服。逢到这种时候，左葳心里就分外地不安，好像婆婆这些病痛，全是他带来的。所以不论家里发生什么争执，只要婆婆一说哪儿不舒服，左葳立刻二话不说了。卢北河怎能不懂这个呢？

左葳果然笑咪咪地看了她一眼。他笑起来的时候，依旧迷人。嘴角咧得大大的，笑意像金色的小火花，从他黝黑的眼睛里迸射出来。卢北河像年轻的时候一样，怦然心动，再一次地被这笑容所征服。这太惨了，她想。

她从卧室拿来左葳的拖鞋给他换上。“瞧你热得那个样子，我到楼下给你拿瓶啤酒去。”

经过左葳身旁的时候，他一把握住她的手说：“我自己去吧。”

“你刚回来，歇会儿吧，我去。”她从左葳的手里，慢慢抽出自己的手。

一楼朝南的房间还亮着灯，可能老太太还没睡。卢北河轻轻地敲了敲门。

“进来。”婆婆用那懒散却不失威严的声音吩咐着。

卢北河蹑手蹑脚地开了门，只见老太太倚在床栏上闭目养神。“娘，您好些了吗？”她轻声曼语地问。

“唉，就是那么回事。冬儿走了吗？”老太太从不肯叫孙子做“向东”。反正听的人也搞不清是“冬”还是“东”。

“走了。您要不要吃一粒‘救心’。”

“救心”是卢北河去年到日本考察时，给老太太买的。据说对心绞痛有特别的疗效。为此她连一件小纪念物也没舍得买，弄得向东跟她跺脚、发脾气。

“您连个袖珍录音机也不给我带。谁像您那么傻，白白地浪费了一个免税的指标。”

“你不是有个大录音机了么？”

“那个带出去玩多不方便。”

她白了向东一眼，好不懂事的孩子。

“我不要吃。没看报纸吗？‘救心’里的味熊胆让日本人用猪苦胆换掉了。”老太太冷冷地说。

卢北河的心往下一沉。嘴里却说：“是啊，药里掺假，真是误人。不吃也罢，您要是有事，让路阿姨叫我们。”说着，她把床头柜上叫人用的小铜铃，又往老太太手跟前挪了挪。“我下来给左葳拿点喝的，您要不要用点什么？”

“不要了。”

“爹呢？”

“在书房里读老庄。甭管他，他想用什么自己拿。”

“是，那我上去了，您好好休息。”

老太太又闭上了眼睛，看不出地点了一下头。卢北河退了出去，轻轻地带上了房门，透了一口大气。

左家的人都爱使性子。

老太太尤其不喜欢她。虽然她不曾对卢北河说过一句重话，丢过一次脸色，卢北河却能感到从她骨头缝里，冒出来的那股冷气。

做她的媳妇是困难的。

可是不管她喜欢也好，不喜欢也好，左葳还是做了她的丈夫。老太太眼看就要七十三岁了。都说七三、八四是两个坎儿，谁知道这话灵不灵？

路阿姨从她的小屋里走出来，询问似地瞧着卢北河。两个高高的颧骨，像两座沉默的山，压在她的脸上。

“没事儿，路阿姨，你休息吧，我自己来。”卢北河拉开酒柜的暗色玻璃门，拿出一只蓝色的磨花玻璃杯。

路阿姨像个影子一样，没有声息地消失了。

卢北河又从冰箱里拿出一瓶啤酒、一盒冰块。左葳喜欢放冰。

卢北河知道，也有人议论他们夫妇不够般配，又奇怪着他们生活得那么协调——至少在外人眼里看来如此。其实这道理很简单，就连那些性情无常的动物，在人的摩挲下，还会闭上眼睛，变得驯顺、安静。人又何尝不是如此？她很轻易地得到了左葳。她心里很清楚，这并不是因为她出众，而是他在那个非常的时期需要她。尽管左葳装出一副如痴如狂的钟情样子，她也姑且装出一副为他的情爱所动的样子。就这样，他们演了几十年的戏。演到现在，连他们自己也相信了，或是也习惯了：这大概就是真的。

卢北河拿着托盘，托着酒瓶、冰块、杯子，扶着楼梯的扶手，慢慢地往楼上走去。心里想着，如何把她刚才独自个儿坐盘算过的事情，向左葳说个清楚，或是根本不说？不说不行的，他早晚会知道。到时候他任起性来，不肯与她配合如何是好？那就枉费了她的一番苦心了。只是这样才能把事情办得既妥帖，又不致让他面子上过不去呢？

研究所即将在 E 市召开一台新的、超微型电子计算机的研制筹备会议，在卢北河的大力保荐下，决定邀请曾令儿参加微码编制组的工作。

因为有消息说，左葳已经被定为这个微码编制组的总负责人。虽然还没有到正式公布组织机构的时候，这任命也还要经过一些必要的手续，但大体上不会再有什么变化。

再没有人能像卢北河这样地了解左葳了。恐怕就连左葳自己，也未必像她了解他那样了解自己。他是一个自信的男人。可是要是没有卢北河暗中的支持和斡旋，他又干得了什么呢？这些，又是卢北河无论如何也不肯让左葳感觉出来的。

还在大学读书的时候，卢北河就看出左葳不行，可没想到他是这样地不行。她不后悔，因为她爱左葳。

爱！

她有健全的理智、神经、头脑和足够的力量，以抵挡这个世界的任何诱惑，而保全自己。然而她终不能不爱左葳。人大概总有他不能自己的例外。

让左葳负责这个微码编制组，卢北河又是担心，又是欢喜。担心的是左葳的本事，会在这个真刀真枪的工作中露底儿。欢喜的是这对左葳是一个体面的结尾。躺在这个本钱上，总可以混到退休了。她早已察觉，研究所里的人觉得左葳不称职。还有人暗示，如果左葳没有一个当党委副书记和研究所副所长的老婆，他什么都不是。

非抓住这个机会不可。为了让左葳打响这唯一的、很可能是最后的一炮，卢北河不得不干这也许是不够道德的事情——坚持、甚至绞尽脑汁地要曾令儿参加微码编制组的工作。

在所有的大学同学中，曾令儿的学习成绩最为卓著，又一直偏好数学，这对微码编制工作的实际意义太大了。只要曾令儿肯参加这个组的工作，一切实际工作她都会承担起来，左葳只要扛牢那块负责人的牌子就行了。

但她如果知道将要和左葳合作，还肯不肯干呢？这毕竟太令她难堪了……何况有些人本来就不愿意吸收她参加这项工作，只要她自己随便找个借口推诿一下，就很可能换人。

在人事处的工作会议上，不是有人提出么？“这个……以曾令儿同志的能力来说，最合适不过。当然喽，这个人嘛……右派问题，七九年已经彻底平反，但是生活作风上……我们对知识分子的使用，既要重才，又要重德。不能光提落实知识分子的政策，重视知识分子的作用……嘿黑，不要又搞一窝蜂嘛。”

会场上一片沉默。

谁肯出来为曾令儿讲话呢？除了卢北河，在座的没有一个人认识她，了解她。可是对于她毕业后的情况，连卢北河也只能道听途说而已。

一个在边陲小城里，默默无闻地工作了二十多年的普通科技人员。要不是她在学报上发表了一种计算机乘法过程的运算方法，深得同行专家的赞赏，又引起了国际上的注意，谁能知道世界上，不，就是本专业里，有一个当过右派，生活作风又不正派，名字叫做曾令儿的女人呢？谁又能知道，背着这些重负，工作条件可以想见的简陋，能够坚持不懈，又能够有所建树，意味着什么呢？

她就像边陲小城一样，对没有到过那里的人来说，它不过是地图册上的一个小黑点。至于那小黑点里，山有多么高，水有多么深，怎样的闭塞，或怎样的寂寞，人们在过着一种什么样的生活，谁有兴趣去探个究竟呢？

要是往常，遇到这种场合，卢北河也就不会再说些什么。往往是大家沉默一阵，没人反对，也没人坚持，事情就这么告吹了。但在这种场合，只要有一个人出来讲讲话，如果这话讲得又很得体，事情没准又行了。

“说的是。我们需要的是德才兼备的技术干部。不过曾令儿同志发生的那件事，也是早年间的事了。总有二十多年了吧？那个时候她还年轻，刚刚戴上右派帽子，政治上压力很大。一个人远在异乡，周围一个亲戚朋友也没有，也许一时感情上的软弱，被人钻了空子……以后又再也没有发生过那样的事。人无完人，金无足赤。改了就好。为了加速实现四个现代化，还是调动一切可以调动的积极因素为好。”

卢北河的发言，很带有一些感情。这在她是少有的。平心而论，她说这番话，并不全是为了左葳。不管曾令儿在和左葳分手之后，又做过什么，左家都是欠了曾令儿的。就连她自己，也好像欠着曾令儿什么。人说：“人之将死，其言也善”。卢北河离死还早，但岁月确将一切尖锐的东西磨钝，包括她自己在内。

事情就这么定下来了。

（二）

离秋天还远，却听见小虫子在草棵里鸣叫。偶尔还有夜行的人，在水泥路面上，拍出清晰的脚步。临睡前窗帘没有拉严，一束月光，透过窗帘上的缝隙，悄悄地在房子里移动。先是照在矮凳上，后来移到左葳的床上，现在则移到卢北河的床上，照在她的脸上，弄得她越发地睡不着觉。

她不敢下去拉严那道窗帘，她知道左葳没有睡着，他在偷偷地翻第十三个身，她敢肯定，这绝不是因为怕吵醒她。既然他那么小心翼翼地翻身，可见他不愿她知道他睡不着，不愿她知道他在想心事。她也不愿左葳知道她没睡着。好像她在窥测他的心。

这里面是不是有什么蹊跷？虽然卢北河告诉他的时候，是那样地泰然自若。她永远像带着一副假面，就连睡觉的时候，也不肯脱掉。

曾令儿……

左葳久已不去回忆那些陈年旧事。他是一个拿得起，放得下的男人。

又要和曾令儿见面了。这个世界到底是太大，还是太小呢？

“说！交待你的同谋！”

“坦白从宽，抗拒从严！”

几百条嗓子，对着台上一个模模糊糊的人影怒吼着。好像在“文化大革命”中，又好像不是。卢北河一个激灵从迷迷糊糊，似睡非睡的状态中清醒过来。她已分不清这是回忆，还是梦。

那时候曾令儿有多天真，站在台上受批判，还微微地笑呢。幸好那时还不时兴打人，要是在“文化大革命”中，照她那个态度，非让人打死不可。

她带着一种超凡入圣的快乐，看着低垂着脑袋，坐在会场一角的左葳。什么批判？！什么交待？！她的心里只有这个低头坐在角落里的人，和对这个人的爱。她愿为他献出自己的一切：政治前途，功名事业，平等自由，人的尊严……

“说，那张大字报到底是谁写的？！”

“我写的。”

不，卢北河知道，那是左葳写的，曾令儿抄的，因为她写得一手漂亮的毛笔字。曾令儿抄那张大字报的时候，卢北河恰巧到教室里去取一本书。

含糊的落款，使曾令儿得以做出对左葳如此有利的回答。

“不要隐瞒事实的真相！”

“说！”

“交待！”

曾令儿什么都不再说。充耳不闻那滔滔的檄文，此起彼伏的怒吼，视而不见那林立的手臂，和不断对准她的相机。

事后卢北河曾从校刊记者手里，得到过曾令儿挨斗时的一张照片。卢北河只看了一眼，就立刻把它反扣过去，不敢再看。除非小时候她在教堂里见过的那些殉教徒的画像，没有一张俗人的脸，可以和曾令儿的那张脸相比。

那个场面，在感情上给人的冲击太大了。因为当事者全在现场。知情的，代人受过的，和真正的“肇事者”。卢北河真担心左葳坚持不住，冲动之下跑上台去，推开曾令儿，把事实的真相交待出来。那就他不仅自己完蛋，可能还会牵涉到卢北河。

还好，关键的时候，他还算明白，一直垂头坐在那里，没有去干那于事无补的傻事。

曾令儿站在台上，像一株被暴雨狂风肆意揉搓的小草，却拼出全力用她几片柔嫩的细茎，为左葳遮风挡雨。

左葳的母亲来找过党支部书记卢北河。“我就这么一个孩子。你知道他不过说话随便，脾气任性而已……”

卢北河只有沉默。她必须完成党支部分配的数额。完成那定额没什么复杂，比读一本书，解一道题容易多了。可是她爱左葳，爱了他五年，坐在犄角旮旯里，冷静地等待着入手的机会，然而左葳被曾令儿夺去了……

难道她暗示过左葳的母亲去找曾令儿么？她忘记了。她当时说过些什么？左葳的母亲后来是不是去找过曾令儿？卢北河不知道，想必左葳也不知道。只有曾令儿和左葳的母亲才能回答这样的问题。整个事情，像一桩未能破获的疑案，随着曾令儿当了右派，一切线索突然中断。

但曾令儿的慷慨，他们都知道得一清二楚。也许他们利用了曾令儿的慷慨……总得有一个人做出牺牲。难道让左葳去么？或是卢北河站出来保曾令儿和左葳……别傻了，谁也保不住，没准连卢北河都得搭进去……

她有足够的勇气去 E 市么？这次会议，卢北河本来不一定参加，研究所里还有一些工作需要她留下处理。她却非去 E 市不可，因为她必须会见曾令儿，并且说服她参加这项工作。

见了曾令儿，又怎么说好呢？她变了么？一定变了。一个人经过这样多的事情，怎么能不变呢？要是她还像从前那样傻乎乎的样子，卢北河觉得事情就会简单得多。

卢北河忽然想起曾令儿的绰号。有次运动会，曾令儿参赛的项目是“仰卧起坐”。做到二百多个的时候，其他的选手便已败下阵去，曾令儿的冠军已经稳拿。但她还是不停地做下去，从早上九点钟开始，一直做到十一点钟还没停止。每个动作，已经到了非龇牙咧嘴、面孔煞白不能完成的地步，她还不肯停止。急得老校长站在体操垫子旁边说：“好啦，好啦，别做啦！”曾令儿像没听见一样，还是继续做下去。弄得校长，体育教员，校医室的大夫，围着体操垫子团团转，怕她出事。她一直做到四百多个才算罢休，然后一动不动地躺在垫子上，眼睛发直，嘴唇发紫。

男同学说：“啧啧，她那肚皮还是肚皮吗？简直是块钢板。”

“钢板”的绰号就是这么来的。

左葳一再问自己：“我不再欠她什么，对不对？能够做的，我全做了。”他已经回答了自己，应该安心地睡去，可这问题还是在他心里来回的折腾。

人们说她早已堕落。分配到那小城不久，便不知和谁生了一个儿子。一个没有父亲的儿子。

左葳听到这个消息的时候，感情是复杂的。她怎么那么快就忘了他？她曾经是他的。同时他又感到了彻底的解放——她的堕落，正好超度了他的罪过。

但常常是，在和卢北河温存之后，身上还残留着她的余温；在和向东嬉笑之后，耳畔还萦绕着他的笑声，左葳会感到一阵突如其来的烦躁，好像他的魂飞走了。坐也不是，站也不是，莫名其妙地变了心绪和脸色。弄得卢北河和向东不知所措。他们会不安地问他：“你怎么了？”

怎么了？！

这是一个永远不能对任何人说出的秘密。如果他还想过今天这种安逸的日子，受到人们这样的尊敬，他就不能说出他“怎么了”。

曾令儿那个孩子的幻影，有时像一团雾，有时又像哈姆雷特父亲的阴魂，在他的眼前聚聚散散。

左葳会冷不丁地冒出十分古怪的念头：“会不会是我的孩子？”但更多的时候，他会乞灵于一种侥幸的心理，把这令他不安的念头赶走：“不会，不过是一个夜晚，怎么那么巧？”或者“如果是我的孩子，曾令儿一定会告诉我。她不讲，正是因为她耻于说出那不是我的孩子。”

他不欠曾令儿什么……

恰恰在她戴上右派帽子之后，左葳到系办公室开了去街道委员会登记结婚的介绍信。

“左葳，不要感情用事。”系主任劝诫他。

“现在正是和曾令儿划清界限的时候，你不但不就此一刀两断，还要和她结婚。你想过这样的后果吗？你会被开除团籍，和她一块被分配到远离父母的边疆，你可能就默默无闻地在那儿耗尽你的一生……”

“别说了，我求求你们别说了。”左葳大叫着捂紧自己的耳朵。他知道，他什么都知道。然而曾令儿是他的救命恩人，再生父母，他要报她的恩。左葳绝不是个绝情的人。“给我这个介绍信，我求你们，求求你们。”

那封介绍信好怪啊，自从揣上了它，确知它就在上衣口袋里装着；确知它今后将把曾令儿和他紧紧地拴在一起；确知它已使他道德完美，英勇无比的时候，他却感到心里空空如也，脚步飘浮。

他以为他会就此更爱曾令儿。但那壮烈的新爱情不但没有及时地到来，连那旧日的爱情也突然地，而且是那么快地——好像就在一秒钟之间，在他接过那封介绍信的同时，飞走了，消失得无影无踪。

他不断对自己说，曾令儿是他的救命恩人，再生父母，可偏偏——偏偏不再是他的情人了。想明白了这一点之后，他吓了一大跳，出了一头的冷汗。

这实在太荒谬了。

他在校园后面一个小松林里坐了很久，前思后想。企图证明，这不过是人们的精神系统在出现故障时，而发生的一种暂时现象。不是么？有那么多人，在那么多的时候，产生过千奇百怪的幻觉，为什么他就不会产生呢？

太阳落下去了。松林里变得很暗。被松林环绕其中的、那个不知哪个朝代、哪个人物的坟墓，像一头巨兽一样，静静地卧在那里。而里面的那个人，早已化去，没入了黄土。此地留下的，不过是一个巨大的空冢。空听着那松林，在风中奏出此起彼伏的松涛，以及它那从古到今算不得新鲜的故事。

左葳豁然彻悟，那不是短暂的幻觉，他的爱情已经死去，而且是暴死。今后他所做的一切，不过是一种道德的自我完成。

他冷静下来，觉得自己还不算顶糟糕，换了别人，早已摆脱得一干二净。

曾令儿展开那封介绍信，用她细细的手指，轻轻地摩挲着那张毫无知觉的纸片，就像过去摩挲左葳的眼睛、左葳的眉毛、左葳的嘴唇……

不知怎么搞的，即使她被左葳拥在怀里的时候，她也觉得那是梦，不是真的。她总是不断地触摸他，以证实他确实存在，以证实她确实被他所爱。

她怀着同样的心情，低头不语地摩挲着那张纸，很久，很久……

接着，就是一滴滴又大又重的泪滴，打在纸面上的“噗、噗”声。左葳从她手中抽出那封介绍信，忙用手帕把上面的泪水拭干。“你怎么搞的，喏，字迹全被泪水浸花了。”

“对不起，我实在不能自己。我是——我是太高兴了。我不知怎么感谢你才好，你对我太好了。”

那应该是一个完美无缺的日子。可是他们却相对无语。

左葳不停地忙着。说着。他怕，怕一但静下来，和曾令儿面面对。

“你看这段料子好吗？做件连衣裙顶好。领口顶好开得低一些，露出你那长长的颈子。要是再戴上一条缀有宝石的黑色丝绒项圈就更好了。你知道吗？你的颈子很美，当你扬起下巴，从颌部一直往下到喉部的线条真是美极了，优雅得就像一位公主……”

他怎么可以这样油嘴滑舌？！

“真好，这是你亲自为我选的料子么？”

“当然，跑了好几家商店才选中的。”

“谢谢。不过我是渔人的女儿，不是什么公主。”

左葳顿觉扫兴。他再次打起精神，从柜子里拿出一双半高跟鞋，奶油色，有星状的网眼。“试试鞋子，我没有给你买全高跟的，你已经太高。试想，如果一个男人不得不踮着脚尖和自己的老婆接吻，那是什么感觉？”左葳声音很响地笑了起来。

曾令儿没有一点回应。坐在那里，一动不动。

左葳拿起一只鞋子，走过去蹲在她的脚下，准备替她换上。“我告诉你，很多男人即使结婚多年，也不知道自己的老婆穿什么号码的鞋子。可是我知道你的，你不觉得我是一个完美而难得的丈夫吗？”

曾令儿却拦住了他正在替她脱鞋的手。轻轻地对他恳求着：“亲我一下……”

左葳好像迟疑了一会儿，只是那么一小会儿，几乎是感觉不出的。也许他当时的注意力正在那鞋子上。

他站起身来，伏身向她。曾令儿那双向上望着他的眼睛里，似乎藏着一种恐惧。他躲开了那目光，硬起心肠不去想她恐惧什么，便急急地在她的唇上吻了一下。

她的嘴里，好像有一股消化不良的味道。显然，她吃得不好，睡得不好，一切机能都处在停滞状态。

他动心了。“我去给你煮杯咖啡？”

“不，不要离开我。”

左葳从未听过曾令儿这样厉声厉气地叫过，好像这是生离死别。他只好返转回来，蹲在她的脚下，问道：“你怎么了？”

“你还爱我吗？”她目不转睛地瞧着他。

“别说傻话了。我连登记结婚的介绍信都领来了。我们就要举行婚礼。”也许他那蹲着的姿式不大舒服，他站起来，在一张和她并排的沙发上坐下。

“但婚姻并不等于爱情。”她说。这就是她的毛病。她喜欢思辨。做为一个女人，这也许是可爱的，但做为一个妻子，这却是难以忍受的。

过去她从不问他，“你爱我吗？”就在她下死命狠追他的时候，也没有这样问过他。

现在，当他用无微不至，从所未有的热心和关切来努力填补他和她之间那无法言说的空隙的时候，她却要固执地问了：“你爱我吗？”

左葳的嘴角咧得很大，然而他的眼睛并不在笑。“要是我不说，那就是我爱你，要是我不爱你，我就会告诉你。知道吗？这是一个叫做约翰逊的美国人说的笑话。”

“然而它对我并不合适。我要听的，是一个叫做左葳的中国人的回答。”她带着一种宽厚而苍凉的微笑说。“我也想说什么笑话，真的，可是我说不出。如果我能说出，那就好了。”然后便是长长的沉默。

“你怎么变得这么多疑？从前你不是这个样子。”左葳失去了耐心，突然发起火来，几乎把所有的水杯打碎。他似乎发了歇斯底里。

“从前我们都不是这个样子。”曾令儿说。她伏身地上，一片片地捡起玻璃杯的碎片。“我们别闹气了。听我说，以后也许连这样的日子也没有了。那时，也许我们会后悔——啊——”玻璃的碎片，割破了她的手指。

“你，你是有意的么？”左葳把她那血流如注的手指，放在自己的嘴里吮着。曾令儿含着眼泪，微笑地看着他。

“我真愿意再割破一个手指。”她说。

“你这个傻瓜！”他咆哮。

她把头靠在他的肩上，就这样，他们一动不动地坐在地板上，直到黄昏来临。

“今天晚上，我不走了。”她在黄昏的暗影里，柔声地说。那声音立刻溶入夜色。

曾令儿用一个夜晚，完成了一个妇人的一生。

左葳奇怪地端详着她。看她冷静地将发辫用发卡在脑后卡成一个发髻；看她胸有成竹地在房间里从这头走到那头；看她一言不发地将衣衫整好……这一切都让他感到有些不同寻常。

他不能想象眼前这个冷峻的曾令儿，就是昨天晚上的那个曾令儿。难道他们事后真像婴儿那样抱头痛哭过吗？难道她真像要掳走他的魂儿那样目不转睛地痴望过他吗？

“把那封介绍信给我。”曾令儿用嘶哑的声音命令道。“好，让我们到阳台上去坐一坐。”她又命令道。

时间还早，树上的蝉儿还没有开始叫；太阳刚刚把树梢染红；送牛奶的老头骑着三轮板车走过，玻璃奶瓶叮叮当当地碰出一片声响；露珠儿还在花瓣、青草和树叶上滚动；远处，好像有一个汽笛在叫，清洁工人收工了……

“但愿你会记得这个早晨。”她没有说但愿他记得昨天的夜晚。然后，她古怪地瞧着他，站起身来，走开去。远远地站在阳台的另一头。迅速地把手里那封登记结婚的介绍信撕成碎片。左葳奔过去抢，曾令儿却将身子探向阳台之外，伸平了手掌。一阵轻风吹来，将她手上的纸屑，一片片地吹去。

小小的纸屑。在风中抖动着，像一片片雪花，或坠入尘土，落进树丛，或随风飘去……

“你看，像雪花一样，很快就会融化了。”她顽强地笑着。

因为一夜未睡，她的眼圈发黑，脸色苍白，简直像一具还魂的僵尸。

“我们已经结过婚了，你已经还尽了我债。我们可以心安理得地分手了。”

左葳又想痛哭，又想大笑。一种他永远不能与人言说的解脱感，渗透了他的全身。

他明白了，这就是他们昨天晚上，为什么互相抱头痛哭的原因。曾令儿知道，那就是永诀。

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

*Я упорно настаиваю на свободе, на поисках собственного жизненного пути.
Но, в конце концов, где же найти этот жизненный путь, что это вообще
такое?
Дин Лин*

Дин Лин
«Дневник Софьи»

24 декабря

Сегодня снова дует такой сильный ветер! И хотя ещё не рассвело, он вынудил меня проснуться. Подруга вошла затопить печку. Я знаю, что как бы ни старалась, уже не засну. Ещё я знаю, что если не встану, то у меня будет кружиться голова. Засыпая под ватным одеялом, мне очень нравится думать о разных необыкновенных вещах. Доктор говорит, что мне необходимо больше кушать и высыпаться, стараться не читать и не думать, в противном случае, я буду засыпать только в 2-3 часа ночи и просыпаться ранним утром, когда на улице ещё темно. Однако в такой ветреный день, как сегодня, невозможно не думать о вещах, заставляющих человека нервничать. Из-за такого сильного ветра, мне не советуют выходить на улицу. И если не читать книг, то чем ещё тогда можно заняться взаперти? Сидеть в одиночестве и бездумно наблюдать за ходом часов? Я каждый день с нетерпением жду окончания зимы. Как только начнёт теплеть, мой кашель станет лучше, и тогда, если я захочу вернуться на юг, то сразу же вернусь, если захочу поступить в учебное заведение, то непременно поступлю. Однако эта зима слишком долгая.

Когда солнце заглянуло в заклеенное бумагой окно, я в третий раз подогрела молоко. Вчера я это сделала четыре раза. И хотя я уже достаточно много раз его подогрела, но это совсем не значит, что я стану его пить. Просто в такие ветреные дни я подобным образом пытаюсь избавиться от беспокойства, а также кое-как скоротать хоть немного времени. Но иногда такое занятие заставляет ещё больше сердиться, поэтому всю прошлую неделю я не «развлекалась». Однако, не придумав ничего иного, мне, подобно пожилому человеку, приходится только так коротать своё время.

Прислали газету, и я сразу же начала её просматривать. Последовательно пробегаю по крупным заголовкам статей, посвящённых событиям внутри страны и за её пределами, а также по местным сплетням, я дошла до образовательного сектора, партийного просвещения, сектора экономики, наконец, до курса облигаций. Дочитав газету до конца, я решила ещё раз просмотреть рекламные рубрики, в которых рассказываются уже минувшие и всем хорошо известные события из жизни людей и прочие факты: о

возбуждении судебного процесса при разделе домашнего имущества, что такое «606», о сотнях различных приборов и косметических лекарствах, о театре Кай Мин и подлинном искусстве кинематографа...уже зная продолжение, я без всякого энтузиазма отложила газету. Безусловно, время от времени появлялись и новые сообщения, но вместе с ними были и такие, как, например, уменьшение цен в магазине шёлковых тканей 5–6-шестилетней давности и всякого рода некрологи.

Закончив читать и не найдя себе занятия, мне не оставалось ничего иного, как сидеть возле печки и злиться. У меня уже вошло в привычку постоянно быть сердитой. Ежедневно я слышу громкие голоса постояльцев, доносящиеся из коридора. Их возгласы грубые, хриплые и однообразные, поэтому у меня сразу начинает болеть голова. Такого рода невежественные обращения, как «приятель, чайник» или «воду для умывания, подруга» выходили за рамки человеческого понимания. В придачу к этому, этажом ниже какой-то постоялец бесконечно долго кричал в телефонную трубку. В те моменты, когда все замолкали, я испытывала страшное чувство подавленности от угнетающей тишины, в особенности от этих четырёх белых стен. Они приковывали к себе твой взгляд вне зависимости от того, где ты сидел. Лёжа на кровати, твой взор устремлялся на такой же белый потолок, который, подобно стенам, действовал угнетающе. Когда человек не может найти себе занятия, то он и в самом деле начинает испытывать отвращение. Например, тот постоялец с оспинами на лице, та еда на вкус как влажная тряпка для пыли, то не тщательно вымытое окно с остатками песка или зеркало над умывальником... Такое зеркало может сделать твоё лицо длиннее на несколько чи. К тому же, стоит тебе только слегка отклонить голову в сторону, и твоё отражение может измениться до такой степени, что ты начнёшь бояться самого себя. И всё это заставляет человека злиться снова и снова. Возможно, что это лишь у меня так. Но я предпочитаю находить какой-то новый дискомфорт, испытывать неудовлетворённость. И лишь это что-то новое, несмотря на то, плохое оно или хорошее, не позволяет мне окончательно уйти в себя, закрыться.

После обеда ко мне заглянул Вэй Ди. Как только я услышала его особенный спешный звук обуви, доносящийся из коридора, моя душа мигом высвободилась из этой удушающей атмосферы. Однако я не умею выражать подобные чувства, поэтому, когда Вэй Ди вошёл, я лишь безмолвно смотрела на него. Он подумал, что я снова раздражена, и, взяв меня за обе руки, начал беспрерывно звать: «Сестричка, сестричка». Я засмеялась от души! Над чем же я собственно смеялась? Я знаю! За этими веками я вижу пару двигающихся зрачков, смотрящих в мои глаза. В них хранится столько понимания. Я не желаю, чтобы другие люди знали о таких вещах. Прошло уже столько времени, а ты, Вэй Ди, по-прежнему любишь меня! Попалась ли я на его удочку?

Конечно, я не могу нести за это какую-либо ответственность, как и любая другая женщина. На самом деле я считаю, что веду себя вполне искренне. Я не верю, что может существовать какая-то иная женщина, способная так же, как и я, не ранить его чувства. И мне правда его жалко, но иногда я не выдерживаю и указываю ему на это: «Вэй Ди, ты не мог бы придумать какой-нибудь другой способ? Таким образом ты меня наоборот ещё больше огорчаешь...». Конечно, если бы Вэй Ди был чуть-чуть умнее, он бы нравился мне больше. Но он только и может, что искренне выражать свою преданность.

Увидев, что я засмеялась, Вэй Ди остался довольным. Пританцовывая, он подошёл к изголовью кровати и сначала снял свой плащ, а затем и большую меховую шапку. Если бы в этот момент он повернул голову в мою сторону, то я думаю, он бы заметил некоторую неловкость, отражённую в моих глазах. Почему он не может понять меня лучше?

Я всегда хотела иметь такого человека, который смог бы точно разобраться во мне. Если ты не можешь меня понять, тогда что мне делать с такой любовью, с таким вниманием? Мой отец, моя матушка, мои друзья любят меня слепо, вопреки всему. Я правда не сознаю, за что же именно они меня ценят. Любят за моё своеволие, за мой дурной характер, за мой туберкулёз? Из-за этого я время от времени ещё больше сержусь и причиняю страдания, но они всё мне позволяют, любят меня ещё больше, специально говорят неправду, лишь бы их слова хоть как-то утешили меня. В такие моменты я бы действительно хотела, чтобы рядом оказался человек, который понял бы меня и поругал, тогда я бы была довольна и горда собой.

Никто ко мне не заходит, не навещает. Я могу скучать по людям или злиться на них. Но когда человек пришёл, то я чувствую какую-то неловкость по отношению к нему. Я – безнадёжный случай. Но в последнее время я стала работать над собой. Когда я начинаю говорить, то ненадолго замолкаю, боясь нечаянно высмеять или задеть других людей, хотя я лишь шучу. Поэтому я могу себе мысленно представить, какое у меня должно быть поведение, когда я нахожусь в компании с Вэй Ди. Но если Вэй Ди встаёт и заявляет, что уходит, то я снова чувствую одиночество, душевную пустоту, удручённость. Я начинаю ненавидеть его. Вэй Ди это давно уже всё знает, поэтому ровно в десять часов вечера он уходит. Однако я не обманываю людей, тем более не обманываю себя, я честна. Вэй Ди не уходит не только потому, что от него нет никакой пользы, наоборот, он хочет, чтобы я почувствовала, что могу им легко управлять, или он хочет, чтобы я проявила к нему жалость за его старания в выражении чувств.

28 декабря

Сегодня я позвала в кино Юй Фан вместе с Юнь Линь. Но Юй Фан пригласила Цзянь Жу. Мне было обидно до слёз, однако я лишь громко

засмеялась. С такой внешностью и характером, Цзянь Жу только и может, что нанести урон моему самоуважению. Она не была моей близкой подругой в детстве, поэтому я часто неосознанно подражала ей. Она же нарочно давала мне много поводов быть поближе к ней. Впоследствии я испытала неподобающее обращение. И всякий раз, когда я вспоминаю произошедшее, я ненавижу ту себя и раскаиваюсь в своём глупом поведении, ведь в течение целой недели я передала ей не меньше восьми длинных писем, но они так и остались без ответа. Юй Фан неосознанно напомнила о тех событиях. Заранее зная, что я вспомню о былом, она [Цзянь Жу] нарочно приняла предложение, явно провоцируя меня на злость. И я очень рассердилась.

Юй Фан и Юнь Линь не способны заметить какой-либо разницы в моей улыбке, но только не Цзянь Жу. Она может притвориться, что не понимает и без капли враждебности разговаривать со мной. Я подготовила для неё несколько оскорбительных фраз, но подумала, что как только я начну говорить, я мысленно возьму себя в руки. К тому же, если делать всё естественно, то это наоборот только поможет быстрее добиться желаемого. Поэтому я набралась терпения и отправилась гулять с ними.

Ещё было довольно рано до назначенного времени. У входа я наткнулась на целую группу знакомых. Я ненавижу эти деланные улыбки, они мне безразличны. Меня больше разозлил тот факт, что они ни с того ни с сего все сюда пришли. Воспользовавшись тем, что Юй Фан оживлённо о чём-то с ними беседовала, я решила незаметно вернуться домой.

Никто не сможет простить меня, кроме меня самой. Кто осуждает меня, тот не знает, что я способна стерпеть любое негативное восприятие обо мне. Люди говорят, что я странная. Откуда им знать, что я постоянно стараюсь вызвать у них симпатию и любовь. Однако люди не слишком охотно поощряют моё лицемерие, но они часто предоставляют возможность поразмыслить над своим поведением, провести самоанализ, таким образом, я ещё больше отдаляюсь от них.

Глубокой ночью, когда во всём доме наступает тишина, я долгое время лежу на кровати. Я до мелочей анализирую все произошедшие события. Что ещё может меня волновать?

29 декабря

Утром Юй Фан сразу же подошла к телефону. Юй Фан хороший человек, она не умеет лгать. По-видимому, Цзянь Жу действительно заболела. Юй Фан сказала, что это из-за меня, я должна провести её. Цзянь Жу хотела бы объясниться со мной.

Юй Фан и Цзянь Жу ошиблись: Софья не любит слушать людские оправдания. И я в корне не признаю каких-либо оправданий. Хорошо, когда

друзья ладят между собой. Если же они не сошлись характерами и причиняют друг другу страдания, то и этот факт вполне справедлив. С меня хватит, я не хочу сводить никаких счётов. И раз уж Цзянь Жу заболела из-за меня, то я только рада. Я не могу не принять во внимание такую новость, что кто-то из-за меня заболел. К тому же, если Цзянь Жу болеет, то это поможет мне хоть на чуть-чуть уменьшить моё прежнее негодование.

Я правда не знаю, каким образом я должна проводить самоанализ. Порой, когда ветер разгоняет облака, то я ощущаю какую-то смутную, трудноуловимую тоску. Но когда я вижу этого мужчину старше двадцати (по правде говоря, Вэй Ди старше меня только на 4 года), то слёзы невольно одна за другой падают мне на руки, и я как простушка могу лишь мило улыбаться. Из Дунчэна Вэй Ди привёз мне много конвертов и бумаги, чтобы поразвлечься. Я специально стала издеваться над ним, когда он был в приподнятом настроении. И когда он заплакал, на душе у меня стало легко. Ещё я сказала: «Пожалуйста, побереги свои рыдания. Не думай, что твоя сестрица, подобно другим хрупким женщинам, не сможет вынести этих слёз...» «Если ты всё ещё хочешь плакать, то попрошу тебя пойти домой и рыдать там. Мне становится тошно от одного их вида». Естественно, он никуда не пошёл, не стал оправдываться, не перечил. Он лишь скромно присел на уголок стула, и его слёзы беззвучно капали из глаз. Я подумала, что этого достаточно. Мне стало стыдно. Подобно сестре, я в приказном тоне сказала, чтобы он умылся, и погладила его по голове. И со слезами на глазах он снова заулыбался.

Из-за своего жестокого характера, я только и делаю, что мучаю этого честного человека. Но после его ухода, мне очень хочется вернуть его и попросить: «Я знаю, что виновата. Я прошу тебя, не стоит любить такую женщину, недостойную твоей искренней любви!»

1 января

Я понятия не имею, каким образом празднуют Новый год остальные жизнерадостные и весёлые люди. Я лишь смешала молоко с яйцами, которые вчера мне принёс Вэй Ди (всего их двадцать). Так же вчера я сварила семь яиц, а оставшиеся тринадцать мне хватит ещё на две недели. Я заранее настроилась на то, что Вэй Ди придёт ко мне на обед. Я правда хочу, чтобы он пришёл.

Я тут же сходила в Даньпайлоу и купила четыре пакетика сахара, две коробки сладостей, корзинку мандарин с яблоками. Так как я думала, что он придёт, мне надо было его чем-то угостить. Я твёрдо была уверена в том, что он придёт.

Но вот я уже всё доела, а Вэй Ди так и не пришёл.

Я написала ему пять писем, воспользовавшись той красивой бумагой и карандашом, которые Вэй Ди купил мне ранее.

Я подумала, что неплохо было бы добавить и пару красивых картинок, но не смогла. Я даже забыла нарисовать моих самых любимых «забавных сестричек». Не удивительно, что я их не нарисовала. Меня возмутило то, что он забыл про меня. К тому же я сама ещё никогда никого не поздравляла с Новым годом. Ладно, я это заслужила.

Отужинала я, в конечном счёте, в одиночестве. Я была очень расстроена.

Поздней ночью пришли Юй Фан с Юнь Линь. С ними был ещё какой-то молодой человек высокого роста. Я подумала, что вот они действительно счастливы. У Юй Фан есть Юнь Линь, который любит её. Она довольна, он тоже доволен. Счастье – это не тогда, когда у тебя есть любовник, а тогда, когда два человека не желают ничего больше, чем жить в согласии и мире. Разумеется, есть люди, пренебрегающие обыденностью. Но это другие люди, не имеющие никакого отношения к моей Юй Фан.

Юй Фан замечательный человек. Так как у неё есть Юнь Линь, то она «желает всем влюблённым на свете обрести счастливую семью». В прошлом году она выступила посредником в браке Мари. Она также надеется, что и у нас с Вэй Ди всё хорошо. Как только она вошла, то сразу же просила про Вэй Ди. Но она и Юнь Линем с тем высоким парнем съели всю еду, которую я купила для Вэй Ди.

Тот рослый парень был действительно красив. Впервые я подумала о привлекательности мужчины. Я никогда прежде этого не осознавала. Я лишь полагала, что мужчина может говорить, смотреть в глаза, быть осторожным и на этом всё. И сегодня, взглянув на этого молодого человека, я поняла, что он ещё и ценный образец. На его фоне Юнь Линь казался слишком мелочным, примитивным.... Стоило только посочувствовать Юнь Линю. Если бы он знал, каким жалким выглядит перед лицом этого человека, как бы его расстроили все его безобразные налёки и поведение. Тем более я не представляю, что же чувствует Юй Фан, когда сравнивает этих двух мужчин!

Как же мне описать наружность этого незнакомца? У него стройная фигура, белая кожа и нежные черты лица, небольшие тонкие губы, мягкие волосы и особый блеск в глазах. Но есть в нём и нечто такое, чего нельзя передать лишь словами. Какие-то неуловимые манеры, не оставляющие никого равнодушным. Например, когда я спросила его имя, то он, к моему удивлению, неспешным движением руки протянул свою визитную карточку. Я подняла голову и, ох, я увидела этих два алых, нежных, глубоко посаженных уголка рта.

Стоит ли говорить, что я как ребёнок, просящий конфету, уставилась на них. Однако я знаю, что в этом обществе мне не позволено заполучить то, что удовлетворило бы мой стремительный порыв, мои желания, не говоря уже про то, что это не нанесло бы никакого вреда. Мне остаётся лишь в терпеливом

молчании опустить голову и прочитать иероглифы на визитке: «Лин Цзиши, Сингапур....»

Лин Цзиши беседовал со мной без какого-либо стеснения, как будто мы были очень хорошими друзьями. Неужели я могла сказать, что он трусливый человек, сознательно насмехающийся надо мной? Я намеренно избегала соблазна, не решалась поднять глаза и посмотреть в сторону того милого угла печи. Мне стало стыдно из-за двух своих потрёпанных шлёпанцев, поэтому я вынуждена была оставаться на месте и не выходить на свет лампы, стоящей на столе. Я злилась на саму себя: почему я такая сдержанная и не могу ответить остроумно? Общаясь с людьми, я обычно смотрю на них свысока. Я знаю, что сегодня выгляжу нелепо и глупо. Ай! Он точно подумал, что я из деревни.

Увидев моё остолбенелое выражение лица, Юнь Линь и Юй Фан подумали, что этот человек мне не понравился. Они постоянно его перебивали. Вскоре он взял и ушёл. Должна ли я благодарить их за участие? Когда я смотрела на тени, одну высокую и другую низкую, спускающиеся и исчезающие во дворе, я действительно не хотела, чтобы он вернулся снова. Не хотела, чтобы следы от его обуви, звук голос и остатки недоеденных хлебных крошек оставались в доме.

3 января

Эти две ночи меня мучил кашель. Что же до лекарств, то я попросту уже потеряла всякую веру. Есть ли вообще связь между лекарством и болезнью? Я испытываю определённое отвращение к этой непригодной для питья воде, но всё же своевременно пью её. Даже если не принимать лекарств, то тогда откуда может появиться надежда? Господь требует от людей терпеливо сносить тяготы жизни, справляться со всеми страданиями и мучениями, и до тех пор не позволяет оказываться перед лицом смерти. Что до меня, то я же ещё больше прилагаю усилий ввиду своего недолгого существования. Не потому что я боюсь смерти, а потому что я всегда считала, что пока не в полной мере насладились своей жизнью. Я хочу, я желаю сделать себя счастливой. Не важно, среди бела дня или глубокой ночью, в своих мечтах я представляю, что, когда умру, я ни о чём не буду сожалеть. Я бы хотела заснуть в своей спальне с самой удобной тахтой, а матушка, встав коленями на шкуру медведя перед ней, молилась бы за меня. Отец бы тихонько вздыхал, повернувшись к окну. Я получила так много длинных писем от людей, которые меня любят. Друзья помнят мои искренние слёзы.... Мне необходимы эти человеческие взаимоотношения. Я хочу обладать многими нереальными вещами.

Но что я получаю от людей? Целых два дня я снова сижу взаперти в этом многоквартирном доме. Никто не приходит, не присылает писем. Я лежу на кровати и кашляю, сижу возле печи и кашляю, подхожу к столу и опять

кашляю. И ещё должна думать об этих ненавистных людях.... По правде говоря, я всё же получила одно письмо, однако помимо недовольства, оно прибавило ещё большее недовольство. Его прислал коренастый мужчина из Аньхоя, который прежде доставлял одни беспокойства. Не прочитав письма, я тут же его разорвала. Мне в самом деле противны те на всю страницу «ах, люблю, люблю»! Я ненавижу внимание, исходящее от людей, которые мне не нравятся....

Могу ли я поведать о том, что мне действительно необходимо?

4 января

С какого-то момента всё пошло не так. Почему я думаю о переезде, притом так глупо обманываю Юнь Линь, будто лгать – моя врождённая способность, и я могу её использовать без каких-либо усилий. Если бы Юнь Линь знал, что Софья может его обмануть, то, как бы он тогда огорчился. Такая вот у них драгоценная младшая сестрёнка Софья. Конечно, я сделала это не нарочно, и сейчас я сожалею. Но мне всё ещё нужно решить: стоит переезжать или нет?

Я не могу не сказать себе: «В твоих мыслях образ того рослого парня!»

Так и есть. Этих несколько суток было достаточно для того, чтобы пленить меня. Я всё время скучаю по нему. И почему за эти дни он не пришёл ко мне лично? Ему следует знать, что он не должен позволять мне думать о нём. Он должен прийти и сказать, что тоже скучает по мне. Если бы он пришёл, то я не смогла бы не принять его восторженных речей. Я так же позволила бы ему узнать, чего я хочу. Но он не приходит. Я допускаю, что эта задача, подобно легендарным приключениям, трудновыполнима. Неужели я предложу ему встретиться? Такого рода распущенная женщина не добьётся положительного результата. К тому же мне всё ещё нужно, чтобы другие люди меня уважали. Я не могу придумать ничего хорошего. Сначала стоит попробовать на Юнь Лине, поэтому после обеда, невзирая на ветер, сразу же отправлюсь в Дунчэн.

Юнь Линь студент Киотского университета. Он снимает квартиру в молодёжном переулке между первым и вторым учебными зданиями Киотского университета. К счастью, когда я к нему приехала, он никуда не вышел, а Юй Фан не приходила. Юнь Линь, естественно, очень удивился тому, что я приехала в такой ветреный день. Я сказала, что еду на приём к врачу в немецком госпитале, и заодно решила заглянуть к нему. Нисколько не усомнившись, он спросил про моё состояние, однако в тот вечер я сознательно меняла темы разговора. Без особых усилий я разузнала, что тот человек живёт в четвёртом общежитии по соседству со вторым учебным корпусом. Затем я снова вздохнула и очень много стала говорить о своей одинокой и мрачной жизни в многоквартирном доме в Сичэне. Я снова соврала, когда сказала, что

единственное, что мне нужно, – это быть поближе к Юй Фан (хотя я знала, что Юй Фан уже готова была переехать к Юнь Линю). Я добивалась того, чтобы Юнь Линь нашёл мне квартиру поблизости. Юнь Линь, естественно, обрадовался такому поручению и без всяких колебаний принялся выполнять.

Когда мы искали квартиру, то случайно встретили Лин Цзиши. Он присоединился к нам. Я очень обрадовалась, и такое приподнятое настроение сказалось на моей смелости. Я пристально посмотрела на него несколько раз, но он не почувствовал. Он поинтересовался моей болезнью. Я ответила, что всё хорошо. Он улыбнулся так, как будто не поверил мне.

Я присмотрела одну дешёвую маленькую заплесневелую квартиру. Она находилась по соседству с большим многоквартирным домом Юнь Линя. Он [Лин Цзиши] и Юнь Линь посчитали, что в ней слишком сыро. Однако я настаивала на своём и уже намеревалась переехать на следующий день. Основной причиной было то, что мне надоела та квартира, и мне нужна была надёжная опора в виде Юй Фан. У Юнь Линя не оставалось выбора, он согласился. Мы условились о том, что следующим утром он [Лин Цзиши] и Юнь Линь придут помочь мне.

Могу ли я рассказать, что побудило меня выбрать именно эту квартиру? Она находится между четвёртым общежитием и квартирой Юнь Линя.

Он ещё не попрощался со мной, а я уже повернулась к Юнь Линю и, набравшись храбрости, начала громко и весело смеяться. Я рассмотрела его [Лин Цзиши] до мелочей. Я чувствовала, будто мои губы хотят того же. Догадывался ли он, что я разглядываю его, изучаю его? После я специально попросила его помочь мне подтянуть английский. Юнь Линь усмехнулся, а он, наоборот, засмутился, с извиняющимся видом что-то спросил и сам же ответил. И тогда я подумала про себя, ну не подлец ли он? Как такой высокий парень может так смущаться? Поэтому я пришла в ещё больший восторг.

Но я не хотела, чтобы меня не так поняли, считали слишком легкомысленной, поэтому я заставила себя вернуться пораньше.

Тщательно размышляя сейчас, я боялась, как бы ни оказалась в ещё худшем положении из-за своего своеволия. Временно остановившись в этой чужой квартире с европейской печкой, удастся ли мне полюбить того иностранца с юга? Я ничуть его не знаю. Что такого в тех губах, уголках глаз, кончиках бровей и пальцев... Я во многом не отдаю себе отчёта. Это совсем не то, что мне необходимо. Я околдована. Об этом следует подумать. Я решила не переселяться отсюда и всецело сосредоточиться на выздоровлении.

Я приняла решение. Я раскаиваюсь в том, что делала днём, ведь порядочная женщина такого делать не должна.

6 января

Мне показалось странным то, что, когда остальные узнали о моём переезде, Цзинь Ин из Наньчэна, Цзян Чжоу из Сичэна, – все решили заглянуть в мою унылую отсыревшую квартиру. Я смеялась, порой качалась на кровати. Они сказали, что я стала более непосредственной. Я рассмеялась ещё громче. Я лишь хотела рассказать им, о чём я думаю. После обеда пришёл Вэй Ди. Он меньше всех радовался моему переезду, потому что я не посоветовалась с ним, к тому же то место было ещё дальше от него. Когда он встретил Юнь Линя, то неожиданно проигнорировал его. Юнь Линь не понял, почему Вэй Ди сердится. Он пристально смотрел на него, но Вэй Ди ещё больше насупился. Мне было забавно наблюдать, про себя я сказала: «Бедный, его несправедливо обидели, такой хороший человек».

Юй Фан больше не допускала моих разговоров с Цзянь Жу. Она решила переехать к Юнь Линю через два-три дня, потому что таким образом я буду жить рядом с ней, и здесь она не позволит мне чувствовать себя одинокой. Она и Юнь Линь стали относиться ко мне теплее.

10 января

Эти несколько дней я встречала Лин Цзиши, но мы не перемолвились и парой фраз. Я решила, что пока не буду напоминать ему о дополнительных занятиях по английскому. Я заметила, что он по два раза в день забегает к Юнь Линю. Мне стало смешно, так как я уверена, что раньше они не были так близки. Я ни разу не пригласила его к себе, хотя он и спрашивал несколько раз, как у меня дела с переездом. Я притворялась, что не понимаю, и улыбалась вместо того, чтобы ответить. Я приложила всю свою изобретательность. Казалось, будто я веду мысленную борьбу с чем-то. Я хочу это что-то, но я не желаю добиваться этого. Мне необходимо продумать всё так, чтобы Цзиши сам проявил инициативу. Да, я знаю себя, тем более это заложено в самой природе женщины. Они лишь показывают своё намерение мужчине, которого хотят покорить. Я хочу обладать им, я хочу, чтобы он целиком подарил мне своё сердце, чтобы он, стоя на коленях, умолял меня подарить ему поцелуй. Я всё время думаю о том, какие шаги мне предпринять для осуществления моего плана. Я попросту схожу с ума!

Юй Фан и Юнь Линь не видят моих переживаний. Они лишь говорят, что скоро я поправлюсь. Я тоже не хочу, чтобы они знали, поэтому я говорю, что мне уже лучше, и притворяюсь счастливой.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Чжан Цзе
«Изумруд»

(1)

Надвигающиеся сумерки подобны огромной губке, которая неторопливо впитывает в себя дневной свет. Постепенно затихает шумный город. Он похож на густую охлаждённую кашу. В комнате так темно, что уже не понятно, где восток, а где запад. И только видно, как в углу горит красный огонёк, исходящий от прибора против комаров.

Вечерний ветерок слегка обдувал светлые узорчатые занавески, едва слышно скрипело окно. Даже в безветренное время, всякий раз, когда кто-то проходит мимо окна, оно сотрясалось и издавало скрипящий звук. Это довольно-таки старый дом: серо-жёлтые стены, от которых веет глубокой стариной, паркетный пол, давно уже посеченный, но до сих пор, благодаря стараниям гувернантки, сверкающий безупречной чистотой, мебель из красного дерева, углы которой ещё не были обшарпаны, окно, которое из-за своей арочной формы, узости и длины напоминает церковное.

На втором этаже перед окном, выходящим на юг, расположились грецкий орех со своими широкими листьями, дикая яблоня и две совсем ещё не старенькие японские сосны. С тех пор как Лу Бэйхэ поселилась в этом доме, прошло уже более 20 лет, а растения были такими же высокими и крепкими. Глядя на них и не скажешь, что миновало столько времени. Разве дерево не может состариться точно так же, как и человек?

В летний период большие листья грецкого ореха и дикой яблони не только защищают от прямых лучей палящего солнца, но и закрывают окно от любопытных глаз и от событий, происходящих за ним. И хотя зимой их листья полностью осыпаются, но у кого может возникнуть желание, стоя на холодном ветру, подглядывать в чужое окно?

Кирпичные стены снаружи дома были увиты лозой. Изначально просторные светлые окна в скорости утонули в плотной листве ползучего растения. Это похоже на то, когда старый колодец зарастает густым мхом, и лишь немногие приходят к нему за водой. Так и семья Цзо мало с кем общалась. До того, как Лу Бэйхэ вышла замуж за Цзо Вэя, они ещё не были такими закрытыми и отчуждёнными.

Лу Бэйхэ придерживалась определённой дистанции, общаясь с людьми. Будучи подростком, у неё на глазах распались многие семьи, в том числе и её собственная. Те ранние воспоминания смешались с более поздними и образовали единое целое, подобно годичным кольцам у ствола дерева, которые

постепенно увеличиваются и освобождают место в центре для новых колец. Поэтому Лу Бэйхэ любила мрачность её старого дома.

Этот небольшой дом принадлежит отцу Цзо Вэя. Во времена «Культурной революции» он послужил надёжным убежищем, своего рода персиковым садом за пределами людского мира. Семье достался этот дом благодаря занимаемому положению отца. Он был одним из самых выдающихся людей своей страны, занимал влиятельное положение и за её пределами. Поэтому его семью берегли как ценный экземпляр.

Они могли подать прошение на новую квартиру, но Лу Бэйхэ была не согласна. Деньги – это пустяковый вопрос. Им придётся столкнуться с рядом всевозможных мелких проблем при регистрации и оформлении бумаг, так как надо будет пробиваться в первый ряд очереди из-за их высокого положения. На них свалится огромное количество препятствий и разных дел.

Бэйхэ поднялась с дивана и включила напольный светильник. Мягкий свет, проходящий сквозь зелёный марлевый колпак, образовал небольшой круг света. Женщина уклонилась от этого света и села на прежнее место.

Поевши в одиночестве, Бэйхэ легла на диван и, замерев на какое-то время, стала обдумывать свои планы.

Цзо Вэй вместе с сыном поехали на вокзал.

Даже когда Цзо Вэй рядом, она не может поделиться с ним своими соображениями. Когда же он наберётся решимости и выскажет ей своё недовольство? Подумав об этом, Бэйхэ незаметно улыбнулась.

Когда сын повзрослеет и станет надёжной опорой семьи вместо неё? Они ни капли не похожи друг на друга. Он истинный представитель фамилии Цзо. Притом он более испорченный, чем отец в его годы. Бэйхэ сильно отличается от других женщин. Её не ослепляет любовь к мужу или сыну.

Она взяла в руку веер и стала неторопливо обмахиваться. Некоторое время женщина размышляла о муже, затем о сыне. Она не могла определить вкус этих размышлений: то ли это сладкий привкус, то ли ощущение горечи.

Возможно, современная молодёжь во многом отличается от молодёжи их времени. Во всем чувствуется какая-то бесцеремонность, разнузданность. Они редко задумываются о том, что говорят и что делают, какое впечатление о них складывается у других людей, или какое воздействие они оказывают в политическом отношении. Кажется, что они живут только лишь сегодняшним днём, а что будет завтра, их мало волнует.

Сяндуна мало интересовала политика. Он до сих пор не вступил в союз молодёжи и даже заявления не написал. Бэйхэ не раз с ним говорила по этому поводу, чуть ли не становилась на колени, умоляла его написать прошение.

Он заверял, что всё будет отлично:

- Ой, мам, я пишу.
- Когда допишешь, дашь мне прочитать.
- Ай.

Прошёл месяц, а Сяндун палец о палец не ударил. А если Бэйхэ начинала его подгонять, то он сразу сердился. Жаль, что нельзя написать это заявление вместо него. Он должен сам этого хотеть. У неё нет прав писать за него, сдавать вступительные тесты, давать клятву на присяге комсомольскому знамени.

Сяндун не хочет вступать в союз молодёжи, ну и ладно! Но что скажут люди? Например, её товарищи из исследовательского института. Скажут ли они, что если она не в состоянии воспитывать собственного ребёнка, то как тогда может занимать пост заместителя секретаря парткома и заместителя директора института?

Более того, если не вступать в союз молодёжи и не являться членом партии, то в будущем это может отразиться на работе и учёбе за границей. Когда же Сяндун, этот несносный ребёнок, наконец поймёт всю серьёзность вопроса? Она ещё раз ясно выразила своё недовольство. Тогда он вышел из себя и стал говорить на повышенных тонах: «Эге! Вы хотите, чтобы я вступил в организацию только поэтому?» Она сразу потеряла уважение в его глазах.

На этих летних каникулах Сяндун со своими однокурсниками едут путешествовать в Юньнань. Цзо Вэй специально для него забронировал одно спальное место в поезде. Остальные ребята купили билеты на сидячие места. Почему ему одному приходится «лежать»? Если он не может сидеть, то тогда ему лучше попросту не ехать. Если ему нравится важничать, то пускай делает это дома.

Лу Бэйхэ вовсе не жалела денег. Когда вообще они являлись предметом обсуждения в их семье? Однако нельзя их тратить таким способом. Это тоже самое, что приклеить большую табличку с надписью «деньги». Это как сказать людям, что в вашей семье зарабатывают огромные деньги, ваша семья – это часть буржуазного общества с его пороками. Бэйхэ отчётливо это понимала. Не было и дня, чтобы она не вспоминала о своём происхождении. Буржуазное общество ничуть не меняется. Люди этого круга стремятся исключительно к наслаждениям, живут в праздности и бездельи, что приводит к разложению и упадку. Но кто может поручиться за то, что им в жизни больше не придётся поднапрячься? «Культурная революция» показала, что всё не может длиться долго. Конечно, можно поменять свою фамилию или пойти на определённую хитрость. В этой сфере специалистов хоть отбавляй.

Ай, в голове нет места для политики. Почему она больше не может быть той Бэйхэ, которая, как обычно, варит дома древесный гриб, дикий женьшень, ласточкино гнездо? Человек не знает, а душа и не осознаёт, как много реальной выгоды можно извлечь из теперешнего положения.

Гувернантка, которую наняла Бэйхэ, была очень надёжным человеком. И хотя её заработная плата была слегка завышена, но за столько лет она это заслужила. Она беспрекословно выполняла всевозможные поручения. Даже в чрезвычайно сложный период «Культурной революции» она оставалась надёжным и верным человеком.

Поскольку она почти никогда не разговаривала и не улыбалась, то мать Цзо Вэя часто говорила: «Посмотри на её лицо, поистине кирпичная стена».

Что плохого в кирпичной стене?

Она никогда не общалась с гувернантками из других семей, и вообще не была похожа на них. Она часто брала на руки хозяйского ребёнка, сидя под персиковым деревом или облачаясь на большую южную стену, никогда не ворошила прошлое хозяев и тем более не наговаривала.

Она не воспринимала того, что говорилось не для неё. Все члены семьи высказывались в её присутствии не стесняясь, а она делала вид, что не слышит. Если же случалось, что приходили гости, но хозяев не оказывалось дома, то никто не спрашивал, куда они ушли, чем занимаются. Но если её всё же о чём-то спрашивали, то она качала головой и с непроницаемым выражением лица говорила: «Не знаю». И пусть даже она уже не раз наливала этому гостю чай или подавала еду, казалось, будто она не знакома с ним.

Гости беспрерывно жаловались Лу Бэйхэ на такой приём, но женщина лишь сдержанно улыбалась.

Где же гувернантка? Поистине настоящее сокровище в отличие от бывшей гувернантки семьи Цзо, которая очень любила поговорить, по гостям походить, совать свой нос в чужие дела. Вскоре после замужества Бэйхэ быстро нашла причину, чтобы её уволили. Перед уходом она взяла руку Бэйхэ, умоляла, чтобы её простили. Из её глаз хлынул поток слёз, и она никак не хотела отпускать руку женщины. Лу Бэйхэ стало очень неловко, и она сама отвезла гувернантку на междугородний вокзал.

У Лу Бэйхэ и Цзо Вэя был один единственный ребёнок. Последние два поколения в семье Цзо рождался всего лишь один мальчик.

Ребёнок был поздним. Только лишь через несколько лет после их замужества они смогли его завести. Первые годы свекровь буквально буравила глазами подтянутый живот Бэйхэ, из-за чего та испытывала постоянный нервный стресс. Как жаль, что он не может вырасти за одну ночь подобно воде в забитой раковине.

В глазах свекрови можно быть заметить глубокое разочарование. Но почему она так расстраивается? Возможно ли, что она была огорчена тем, что Цзо Вэй в итоге женился не на Цзэн Линэр, а на ней?

В таком случае, почему они использовали любовь Цзэн Линэр? Чтобы ей вместо Цзо Вэя повесили ярлык правого элемента? Чтобы вместо него отправили в ссылку в Синьцзян? Почему он не поехал за ней? Такое чувство, что в семье Цзо как будто никогда не слышали о Цзэн Линэр, будто бы её не существовало. Пожалуй, досада свекрови такая же, как у Чжоу Пуяня из пьесы Цао Юя «Гроза»: несколько десятилетий он хранил фотографии Лу Ма, оставлял неизменными некоторые её привычки...однако всё это было лишь одно сплошное лицемерие.

Сяндун их родная плоть и кровь, их драгоценная жемчужина. Но не навредит ли ему такая любовь? С детства нужно научить его твёрдо отстаивать свои политические убеждения, чтобы избежать поражений и добиться успеха. Вот это и будет её настоящее проявление. Лу Бэйхэ очень долго обсуждала и размышляла над именем для ребёнка. Фамилия Цзо, а имя Сяндун. При воспоминании об этом у неё по коже пошли маленькие мурашки, как долго и вдумчиво она выбирала ребёнку имя. Вне зависимости от того, кто из членов семьи носит это имя, оно никогда не будет пропитано духом интеллигенции семьи Цзо, а лишь будет пахнуть семьёй Лу.

Свёкор, свекровь и даже Цзо Вэй лишь думают о том, как бы красиво обустроить комнату Сяндуна. Им глубоко всё равно, что он не знает, сколько в Китае заместителей премьер-министра, имён членов Государственного совета. Они не понимают, да и не хотят знать, что действительно важно, а что нет.

Лу Бэйхэ тихонько вздохнула, и её взгляд упал на фотографию, висевшую на противоположной стене. Она поправила абажур и направила свет на неё. То было их с Цзо Вэем свадебное фото.

Женщина бездумно уставилась на фото в 12 цуней (приблизительно 40 см), воспроизводя в памяти слова людей.

Все говорили, как они с Цзо Вэем похожи. Но никто точно не мог сказать, в чём именно это похожесть проявляется.

У него прямой длинный нос, высоко поднятые брови, искромётный взгляд, худощавое и скуластое лицо – наружность непреклонного и принципиального человека.

У Бэйхэ же была пара улыбающихся глаз бога Майтрейя*, в которых люди видели отражение её души. Её наружность излучала дружелюбие и благожелательность благодаря круглому кончику носа, круглому овалу лица.

* Майтрейя в дальневосточном буддизме является одним из наиболее популярных бодхисаттв и связывается с будущей эпохой процветания и блаженства.

Если говорить про нрав и природные задатки, то и они существенно разнятся.

В университете Цзо Вэй был общественным активистом, являлся председателем студенческого комитета. Он организовывал весенние поездки за город, осенние спортивные праздники, театральные фестивали, проводил встречи со студентами из СССР, находящихся на стажировке, а также выступал с речью на городском юбилейном торжестве, приуроченному ко Дню молодёжи.... Короче говоря, этот человек мог быть в качестве представителя на любом важном мероприятии в любой ситуации.

Он одевался со вкусом. Одежда была сшита из превосходного материала и идеально ему подходила. Но это и не удивительно.

Умный, с огромным потенциалом и способностями. Однако в учёбе он придерживался золотой середины. Возможно, чересчур активная общественная деятельность и нехватка времени не позволяли ему учиться лучше.

Помню, как одна киностудия решила собрать материал для киноленты, касающейся повседневной университетской жизни. Из каждого университета им надо было выбрать одного студента-актёра. Как только режиссёр увидел Цзо Вэя, он сразу же представил того исполнителем главной мужской роли. Это возможность, о которой мечтает множество молодых людей и которые не могут её заполучить. Но Цзо Вэй отказался. Когда у него спрашивали почему, то он лишь улыбался и молчал. Никто из членов семьи Цзо не знает этой истории. Об этом знает только Бэйхэ. Хотя Цзо Вэй так и не объяснил ни ей, ни кому-либо другому свою причину.

В то время они редко общались. А даже если и разговаривали, то исключительно о работе, сухо и лаконично. Она, выходец из семьи Лу, знала лишь в общих чертах о семье Цзо. Хотя они принципиально разные, но всё же у них есть и что-то общее.

Цзо Вэй не такой как все, он особенный. Однако в романтических отношениях с девушкой он запутался. Возможно, Цзэн Линэр была его единственной любовью, если можно это так называть. Цзо Вэй вовсе не хранил свою честь как какую-то драгоценность. Он просто...он просто не умел любить. Существует такая категория людей, которые рождены без этого чувства, без «любовного нерва». В конце концов, он женился на Лу Бэйхэ, по сути, будто бы просто подобрал какую-то незнакомую женщину с улицы, и нет здесь места чувствам.

Сама она была обычной, заурядной студенткой. Начиная со средней школы старшей ступени, она стала секретарём комсомольской ячейки. В университете она опять-таки являлась секретарём партийной ячейки своего курса. В то время это было редкостью, чтобы студент становился членом партии. Это недостижимая мечта многих. На курсе могла быть образована только одна подобная ячейка. Сейчас в исследовательском институте она является заместителем секретаря партийного комитета и заместителем

директора института. Она боялась, что всю жизнь будет в роли этого самого «секретаря». С тех пор, как Китай пошёл по пути социалистического развития, на долю общества выпало множество потрясений, испытаний, они пережили взлёты и падения, их будто бы ослепили. Но только она, Бэйхэ, ни в чём не преуспела, ничего не добилась.

Странно винить себя за то, что ни в твоих ласковых глазах, ни во всей внешности нет и признака благородства происхождения.

С пятидесятых годов и до настоящего времени ввиду различных модных бумов женские причёски, одежда и обувь претерпевали множество изменений. Однако причёска Бэйхэ всегда оставалась одинаковой: короткие прямые волосы, едва доходившие до ушей, в которые была воткнута толстая и грубая железная заколка чёрного цвета, размещавшаяся у неё на затылке. Цвет блузки, который был не светло-голубой или серый, а самый обычный – белый. На блузке был небольшой отложной воротник, а на груди пришиты два закрывающихся кармана. Брюки тёмно-синего или тёмно-серого цвета, на ногах – пара чёрных матерчатых туфель. Ещё со времён школы она выбирала обувь на толстой подошве.

В общественных местах она сохраняла полнейшее молчание, обычно садилась в последнем ряду или на стул, находившийся в самом отдалённом углу, и полуприщуренным взглядом наблюдала за всем, что происходило вокруг неё. Если кто-то из знакомых вдруг замечал её и приглашал сесть на видное место, то она, скромно улыбаясь, отвечала отказом: «Здесь превосходное место, однако скоро начнётся собрание. Не хочу своей пересадкой повлиять на речь выступающего». Договорив, она твёрдо оставалась сидеть на своём месте. Бэйхэ постоянно напоминала себе, что она всего лишь заместитель. И даже если главный руководитель по каким-то причинам не являлся, то она уступала другим заместителям выступать на собрании.

Она всегда внимательно выслушивала человека вне зависимости от серьёзности обсуждаемого вопроса: будь то вопросы, касающиеся работы или мелкие бытовые проблемы. Её острый взгляд буквально впивался в собеседника. Ничто от него не могло ускользнуть. Непрерывно кивая головой, она то и дело издавала сочувствующий вздох и постоянно повторяла одну и ту же фразу: «Неужели? Не может быть!» Затем она крепкожимала руку собеседника и провожала до главного входа. Бэйхэ подолгу стояла у двери, смотря на отдаляющуюся фигуру человека, невольно заставляя того оборачиваться по несколько раз и ловить взглядом её силуэт. За исключением сложных вопросов, у неё всегда быстро получалось им помочь. Возможно, причиной тому служило её добросовестное отношение к делу.

.....

Так когда они были похожи друг на друга? Но люди говорят, что они похожи. Когда их спрашиваешь, всё-таки в чём эта похожесть проявляется? Они не могут дать точный ответ.

Действительно странно, что же у них в конце концов общего?

Послышался скрип лестницы. Услышав тяжёлый звук шагов, Бэйхэ поняла, что вернулся Цзо Вэй.

– Проводил?

– Проводил, – Цзо Вэй включил электрический вентилятор и потолочную люстру, попутно снял с себя рубашку с коротким рукавом, бросив её на спинку дивана. В комнате сразу стало светло:

– Почему не смотришь внизу телевизор? Сегодня вечером показывают футбол.

Лу Бэйхэ взяла рубашку и повесила на вешалку в углу.

– Сегодня твоя мать себя плохо чувствует. Я боюсь поссориться с ней, – она не сказала, что ей и самой нужна тишина, чтобы подумать о своих тайных заботах.

Цзо Вэя можно назвать почтительным сыном. У свекрови были тяжёлые роды, и врачам пришлось разрезать ей живот. Теперь кесарево сечение не является серьёзной хирургической операцией, но в те годы, когда медицина находилась на низком уровне, у свекрови возникли многочисленные осложнения. Часто ей то здесь болит, то там болит. То тут нездоровится, то там нездоровится. В такие моменты у Цзо Вэя сердце не на месте. Он винит себя в том, что у свекрови часто что-то болит. Поэтому какой бы в доме не возник спор, если свекровь начинает говорить, что ей нездоровится, все споры мгновенно прекращаются. Как Лу Бэйхэ может этого не понимать?

Цзо Вэй украдкой смотрит на неё улыбающимися глазами. Он очарователен, когда улыбается. У него широкие уголки рта, и поэтому улыбка похожа на быструю яркую вспышку, а чёрные глаза будто бы стреляют как молнии. В такие моменты Бэйхэ чувствует себя вновь покорённой. Как и в молодые годы, она с трепетом в сердце смотрит на него. Но даже сейчас в его поведении она ощущает какую-то неискренность.

Она принесла ему из спальни домашние тапочки:

– Кажется, тебе жарко. Я спущусь вниз и возьму тебе пиво.

Когда Лу Бэйхэ проходила мимо Цзо Вэя, тот крепко взял её за руку:

– Я сам схожу.

– Ты только что вернулся. Отдохни немного. Я схожу, – она медленно высвободила свою руку.

В южной комнате на первом этаже по-прежнему горел свет. Вероятно, старая хозяйка ещё не ложилась спать. Бэйхэ тихонько постучала в дверь.

«Войдите». Голос свекрови казался каким-то равнодушным, но вовсе не властным.

Бэйхэ беззвучно распахнула дверь. Она увидела старушку, опиравшуюся на спинку кровати и уже готовившуюся ко сну:

– Мама, Вам получше? – её голос было еле слышен.

– Ай, тоже мне, большое дело. Дунэр уже уехал?

Свекровь была не согласна с именем, которое дали внуку. Ведь, так или иначе, было не понятно, он Дун или Дун.*

*В оригинале сравниваются два одинаковых по произношению иероглифа “冬” dōng и “东” dōng. Первый имеет значение «зима», второй – «восток».

– Уехал. Надо ли Вам принимать таблетки для сердца?

Эти таблетки Бэйхэ привезла из Японии, когда в прошлом году она туда ездила с проверкой. Говорят, что они очень помогают при стенокардии. Из-за этого ей пришлось отказаться от сувениров. Сяндун тогда ещё рассердился и топал ногами: «Вы мне даже карманного магнитофона (MP3) не привезли. Кто ещё может быть таким глупым как Вы? Напрасно только потратили беспощинную возможность на ввоз». – «Разве у тебя нет большого магнитофона?» – «С этим так неудобно гулять по улице».

Она напрасно смотрела на Сяндуна. Такой уж непочтительный ребёнок.

– Я не хочу их принимать. Ты не читала газету? В это лекарство вместо медвежьей жёлчи японцы добавили жёлчный пузырь свиньи, – у свекрови был ледяной голос.

На сердце у Бэйхэ стало тяжело, но она лишь выдавила:

– Да, это поддельное лекарство. Оно действительно причиняет вред людям, – говоря это, она подошла к прикроватной тумбочке, взяла маленький медный колокольчик и поднесла его к руке пожилой женщины:

– Я спустилась за выпивкой для Цзо Вэя. Вам что-нибудь нужно?

– Ничего не надо.

– А где папа?

– В кабинете. Читает Лаоцзы и Чжуанцзы. Не тревожь его. Если ему что-нибудь понадобится, то он и сам возьмёт.

– Да, я пойду наверх, а вы отдыхайте.

Свекровь слегка кивнула головой и закрыла глаза. Лу Бэйхэ вышла, тихонько прикрыла дверь и глубоко выдохнула.

В семье Цзо любят показывать свой скверный характер.

Свекровь в особенности недолго любила Бэйхэ. И хотя она ещё ни разу не сказала ей плохого слова, не посрамила её, но Лу Бэйхэ чувствовала, что от всего её существа исходит холод.

Трудно быть её невесткой.

Но не важно, любит она её или нет, Цзо Вэй всё же её муж. На вид свекрови было 73. Говорят, что в 73 и 84 у людей так называемый «возрастной кризис». Кто же знал, что это выражение имеет право на своё существование.

Тётушка Лу вышла из своей крохотной комнатки и стала расспрашивать Бэйхэ, что случилось. Пара высоких скул, напоминающие две молчаливые горы, будто бы придавливали её лицо.

– Всё в порядке, тётушка Лу, идите отдыхать, мне самой нужно было спуститься, – Бэйхэ отодвинула стеклянную дверцу винного шкафа и взяла узорчатый синий стакан.

Тётушка Лу, как беззвучная тень, тут же и исчезла.

Бэйхэ вытащила из холодильника бутылку пива и коробку со льдом. Цзо Вэй любил добавлять лёд.

Лу Бэйхэ знала, что их брак критиковали, говорили, что они не подходят друг другу. Но удивительно было то, что жили они в согласии, по крайней мере, на глазах у посторонних. На самом деле их принцип был очень прост. Те же животные с их непостоянным поведением закрывали глаза и становились тихими и послушными, если человек начинал их гладить. Разве не тоже самое происходит с человеком? Ей было легко заполучить Цзо Вэя. Она хорошо понимала, что это было не потому, что она была какой-то особенной, а потому что в то самое время он очень нуждался в ней. Хотя Цзо Вэй и притворяется, что безумно любит её, но и она делает вид, будто движима лишь его любовью. Вот так они играют уже несколько десятков лет. До настоящего момента они сами верят в свою игру или просто привыкли постоянно в неё играть. Но выглядит это весьма правдоподобно.

Лу Бэйхэ взяла поднос, поставила на него бутылку вина, лёд и стакан. Держась за перила, она стала подниматься вверх по лестнице. Она думала как рассказать Цзо Вэю о том, о чём она только что размышляла сидя в одиночестве? Или может лучше вовсе ничего не говорить? Нельзя не сказать. Рано или поздно он всё равно догадается. Что, если, когда придёт время, он не захочет выполнить свои супружеские обязанности? Тогда все её старания будут насмарку. Будет ли правильным рассказать ему таким способом или лучше и вовсе не позволять узнать про это?

Исследовательский институт, в котором работала Лу Бэйхэ, решил провести подготовительное заседание по разработке новых супермини-ЭВМ,

которые в ближайшем будущем появятся в городе Е. По рекомендации Лу Бэйхэ было принято решение пригласить Цзэн Линэр участвовать в научной группе по созданию микрокодов.

Благодаря этой новости, Цзо Вэя назначили ответственным руководителем данной группы. И хотя ещё не вышло официального документа, так как нужно было пройти ряд формальных процедур, но кардинальных изменений в работе научной группы не предвидится.

Никто не знал Цзо Вэя лучше, чем Лу Бэйхэ. Вероятно даже сам Цзо Вэй не знал себя так, как знала она. Он уверенный в себе человек. Но что, если бы у него не было тайной поддержки и посредничества Бэйхэ? Она ни за что бы не дала ему почувствовать себя брошенным.

Ещё учась в университете, Бэйхэ видела, что он не может быть один, но ведь он и на самом деле не мог. Она не сожалела, ведь она любила Цзо Вэя.

Любовь!

У неё здравый рассудок и логика, крепкие нервы и достаточно сил, чтобы противостоять любому искушению в этом мире и защитить себя. Тем не менее, она не могла не полюбить Цзо Вэя. Человек не в состоянии постоянно контролировать свои чувства. Рано или поздно появляются исключения.

Бэйхэ беспокоилась, но вместе с тем была и рада, когда его назначили ответственным за научную группу. Она волновалась, сможет ли Цзо Вэй со всей серьёзностью подойти к делу. Радовалась потому, что это будет достойным финалом для него. С таким багажом достижений, всегда может будет уйти на пенсию. Она давно уже заметила, что работники института считают его некомпетентным. Ему намекали, что он ничто без его жены, которая являлась заместителем секретаря паркома и заместителем директора института.

Нельзя не ухватиться за такую возможность. Чтобы позволить Цзо Вэю сделать этот единственный, вероятно, последний выстрел, Лу Бэйхэ сделает всё, даже если это и будет не совсем нравственно с точки зрения морали. Она будет упорно настаивать, даже свернёт себе голову, лишь бы только Цзэн Линэр приняла участие в этой научной разработке микрокодов.

Среди всех студентов университета у Цзэн Линэр были самые выдающиеся результаты. Её любимым предметом была математика, а это, что очень важно, имеет прямую связь с разработкой микрокодов. Главное, чтобы она согласилась. Всю фактическую работу она возьмёт на себя. Цзо Вэю останется лишь быть в роли вывески – «Ответственное лицо».

Но согласится ли она на участие, если узнает, что ей придётся сотрудничать с Цзо Вэем? Она всё же будет чувствовать себя неловко. Более того, некоторые люди не желают привлекать её к этому проекту. Если только она найдёт удобный предлог отказаться, то её заменят.

Разве этот вопрос не поднимался на рабочей встрече кадрового управления? «Это...самый подходящий по способностям сотрудник. Конечно, этот человек... с проблемой правого уклона... В 1979 году она была полностью реабилитирована., но вот образ жизни... Используя возможности интеллектуальной элиты, мы должны оценивать не только их огромный талант, но моральный облик. Нельзя не упомянуть их политический курс, нужно отдать должное их роли в нём..., нельзя создавать ещё один 'рой'».

На собрании стояла глубокая тишина.

Кто мог выйти и заступиться за Линэр? Среди присутствующих никто не знал так хорошо Цзэн Линэр, как Лу Бэйхэ. Но ситуация, которая произошла после окончания университета... Даже Бэйхэ лишь могла узнавать всё по слухам.

В одном маленьком пограничном городе, более 20 лет в безызвестности проработал простой научно-технический работник. Если бы не её опубликованный в журнале научный труд про процесс компьютерного умножения и высокая оценка её способностей среди специалистов-коллег, что привлекло к ней внимание международного сообщества, то кто бы в мире знал, нет, кто бы среди специалистов знал, что существует один правый элемент, ведущий непорядочный образ жизни, и этот элемент – женщина по имени Цзэн Линэр? Кто опять-таки может знать, что значит для неё то, что вопреки этому тяжёлому бременю и, можно себе вообразить, убогим условиям труда, она была в состоянии твёрдо и неустанно работать, смогла достигнуть таких результатов?

Она подобно тому маленькому пограничному городу: для тех людей, которые там не были, это всего лишь чёрная точка на огромной карте мира. Что же до той маленькой чёрной точки, то у кого возникнет желание или интерес узнать, насколько там высокие горы и глубокие воды, насколько он малодоступен и уединен, как живут там люди?

В таких ситуациях даже Лу Бэйхэ ничего не может сказать. Зачастую все молчат, никто не «против», но и не «за». Таким образом никто ни к чему не приходит. Но в этом случае, если бы нашёлся хотя бы один человек, который смог бы подобающим образом высказаться, то этого было бы вполне достаточно для решения вопроса.

– Верно сказано! Наши технические кадры должны обладать высокими моральными и деловыми качествами. Более того, та ситуация, которая произошла с Цзэн Линэр, дело прошлое. Прошло уже более двадцати лет? В то время она была ещё молода, только что получила ярлык правого элемента и находилась под сильным политическим давлением. Человек находился далеко от дома. Вокруг не было ни друзей, ни родственников. Возможно, в момент эмоциональной слабости её использовали... Больше не возникало таких ситуаций. Никто не совершенен. Не бывает идеальных людей, все грешны. Она

изменилась – вот и хорошо. Чтобы ускорить реализацию четырех модернизаций, лучше подключить и активировать все положительные факторы, которые могут быть мобилизованы.

Лу Бэйхэ говорила с чувством. Это редкость для неё. Справедливости ради, она это говорила не только ради Цзо Вэя. Не касаясь всего того, что произошло после расставания Цзо Вэя с Цзэн Линэр, семья Цзо задолжала Цзэн Линэр. Кажется, что даже она сама чем-то обязана ей. Люди говорят: «Слова человека, лежащего на смертном одре, всегда исходят из сердца». Лу Бэйхэ ещё рано умирать, но время притупляет когда-то заострённые вещи, включая её саму.

На том и решили.

(2)

Хотя осень ещё не скоро, но стрекот маленьких насекомых, доносящийся из густой травы, теперь не редкость. По ночам уже не так часто можно слышать шаги путешественников, ступающих по цементной дороге. Лунный свет, просачивающийся через неплотно закрытые шторы, медленно передвигается по комнате. Сначала он задерживается на стуле, затем плавно переходит к Цзо Вэю, потом оказывается на половине кровати Лу Бэйхэ, постепенно приближаясь к её лицу, мешая ей уснуть.

Она не осмеливалась поправить шторы, хотя знала, что Цзо Вэй не спит. Он тихонько перевернулся уже в тринадцатый раз. Она не осмеливалась не потому, что боялась, что он проснётся из-за шума.

Что же не так? Когда Лу Бэйхэ ему обо всём сообщила, внешне она оставалась абсолютно спокойной. Она будто бы всегда носила маску, даже во время сна не могла её снять.

Цзэн Линэр...

Цзо Вэй давно уже не вспоминал о прошлом. Он из разряда тех мужчин, которые не слишком переживают о былых неприятностях.

Придётся снова встретиться с Цзэн Линэр. Этот мир слишком огромен или всё-таки слишком мал?

– Говори! Признавайся, ты тоже в этом участвовала!

– Проявите великодушие к тому, кто сознаёт свою вину и строго наказывайте ту, кто не признаёт своей вины.

Несколько сотен глоток, обезумевших от собственного яростного рёва, набросились на смутную тень одной фигуры, стоявшей на сцене.

В то время Цзэн Линэр была так наивна. Когда она стояла на сцене и выслушивала всю критику в свой адрес, на лице у неё играла еле заметная

улыбка. К счастью, в годы «Культурной революции» было не модно бить людей, а тем более убивать. Разрешалось только осуждать, критиковать, в общем, выражать своё отношение.

Она была необычайно счастлива, когда смотрела на опущенную голову Цзо Вэя, сидящего в углу возле сцены. За что её осуждают? В чём она замешана? В её сердце был лишь этот, сидящий в углу, человек с опущенной головой. И любовь к этому человеку. Ради него она была готова пожертвовать всем: будущей политической карьерой, репутацией, равенством и свободой, человеческим достоинством...

– Говори, кто всё-таки написал то дацзыбао?!

– Я.

Нет, Лу Бэйхэ знала, что это был Цзо Вэй. Цзэн Линэр всего лишь скопировала эту надпись, потому что у неё был прекрасный каллиграфический почерк. В тот момент, когда она её копировала, Лу Бэйхэ пошла в аудиторию за книгой.

Неизвестный автор и признание Цзэн Линэр сыграли Цзо Вэю только на руку.

– Не скрывай правду!

– Говори!

– Признавайся!

Цзэн Линэр ничего не говорила. Она не прислушивалась к бесконечным обвинениям, яростно следовавшим один за другим, не замечала этот лес рук и непрерывные вспышки нацеленных на неё фотоаппаратов.

После этого Бэйхэ получила фотографию Цзэн Линэр от одного школьного репортёра, на которой ей выносят приговор. Посмотрев на неё одним глазком, Лу Бэйхэ сразу же перевернула фотографию и больше уже не осмелилась взглянуть ещё раз. Если бы не те портреты мучеников, людей незаурядных, которые Бэйхэ видела в детстве в церкви, то ей бы не с чем было бы сравнивать лицо Цзэн Линэр.

Слишком много чувств вызывала эта сцена. На ней были изображены все участники: обвинители, человек, жертвующий собой, и настоящий «виновник происшествия», знающий правду. В тот момент Лу Бэйхэ очень переживала за Цзо Вэя. Она боялась, что он не выдержит, бросится на сцену, оттолкнёт Цзэн Линэр и признается во всём. Тогда он погубил бы не только себя, но и саму Бэйхэ.

К счастью, в решающий момент он понял, что бесполезно что-либо предпринимать. Он просто опустил голову.

Цзэн Линэр стояла на сцене и была похожа на маленькую травинку, которую нещадно бил сильный ливень и грозный ветер, изо всех сил старающаяся прикрыть несколько тоненьких стебельков ради Цзо Вэя.

Мать Цзо Вэя пришла, чтобы поговорить с секретарём партийной ячейки Лу Бэйхэ. «Такой у меня ребёнок. Вы знаете, что иногда он говорит всякую ерунду. У него своевольный характер...»

Лу Бэйхэ молчала. Ей нужно было закончить распределение суммы для партийной ячейки. Тут нет ничего сложного. Это намного проще, чем читать книгу. Она любила Цзо Вэя, любила вот уже пять лет. Затаившись в укромном уголке, она ждала подходящего случая. Но её опередила Цзэн Линэр...

Возможно она тогда намекнула матери Цзо Вэя поискать Цзэн Линэр? Она не помнит. Что она тогда ей ответила? Потом его мать пошла искать Цзэн Линэр? Она не помнит, и почти уверена, что Цзо Вэй тоже забыл. Только мать Цзо Вэя и Цзэн Линэр смогут ответить на этот вопрос. Вся эта запутанная история прекратилась в тот момент, когда Цзэн Линэр неожиданно объявили правым элементом.

Они знали, насколько Цзэн Линэр великодушный человек. Они просто использовали её... Кто-то должен был принести себя в жертву. Должен ли это был быть Цзо Вэй? Или Лу Бэйхэ должна была встать на их защиту... Не будь глупой. Никто бы не гарантировал успех. Возможно, Бэйхэ тоже следовало бы принять участие...

Хватит ли у неё смелости поехать в город Е? В этот раз Лу Бэйхэ не обязательно присутствовать на конференции. В институте ещё остались незавершённые дела. Но она не может не поехать туда. Ей обязательно нужно встретиться с Цзэн Линэр и убедить её принять участие в проекте.

Что ей следует сказать при встрече? Изменилась ли она? Конечно изменилась. Как человек, переживший такое событие, не поменялся? Но если же она всё та же глупышка, что и раньше, то всё будет гораздо проще.

Лу Бэйхэ внезапно вспомнила прозвище Цзэн Линэр. Однажды на спортивных соревнованиях она участвовала в дисциплине «подъём корпуса из положения лёжа». Когда она уже сделала это упражнение более двухсот раз, остальные участники сдались и выбыли из соревнования. Цзэн Линэр стала заслуженным победителем. Но она продолжала безостановочно делать упражнение. С девяти часов и до одиннадцати она ни разу не остановилась. Каждое движение ей уже давалось с трудом. Её лицо исказилось от боли, она побледнела, то не останавливалась. Ректор университета стремительным шагом шёл по направлению к гимнастическим матам. Он остановился и стал её уговаривать:

– Хорошо! Хорошо! Больше не надо! Хватит!

Казалось, будто Цзэн Линэр его не слышала. Она продолжала. Дошло до того, что все – директор университета, преподаватель по физкультуре и врач из медпункта – окружили мат, боясь, что может произойти несчастный случай.

Дойдя до четырёхсотого раза, Цзэн Линэр остановилась. Она лежала на мате и не могла двинуться. У неё посинели губы. Она вытаращила глаза.

В это время один из однокурсников сказал:

– Вот те раз! Да разве это живот? Это целый кусок стали!

С тех пор к ней и пристало прозвище «кусок стали».

Цзо Вэй вновь и вновь спрашивал себя: «Ведь я же ей ничего больше не должен, верно? Я сделал всё, что смог».

Он уже ответил себе на этот вопрос и, казалось бы, должен спокойно спать, но в душе он постоянно возвращался к нему.

Говорят, что она пала. Вскоре после приезда в тот небольшой городок она родила сына не понятно от кого. Ребёнок растёт без отца.

От этой новости на душе у него стало тяжело. Как она так быстро забыла его? Она принадлежала ему. В тоже время от почувствовал себя полностью свободным: её падение уже не его вина.

Часто бывало так, что после их ласк с Лу Бэйхэ, его тело чувствовало остатки тепла Цзэн Линэр. Когда он шутил с Сяндунем и в ушах стоял его смех, он мог внезапно почувствовать какое-то волнение, будто его душа улетела куда-то далеко, была не с ним. Стоял он или сидел, его настроение могло измениться в одно мгновение. Тогда Лу Бэйхэ и Сяндун не знали, как им себя вести. Они с беспокойством спрашивали: «В чём дело? Что с тобой?»

В чём дело?!

Это секрет, который он никому никогда не откроет. Если он и дальше хочет, чтобы у него была беззаботная жизнь и чтобы его уважали, он не расскажет «в чём дело».

Эта навязчивая фантазия с несуществующим ребёнком Цзэн Линэр... Иногда перед глазами всплывает неясный образ, окутанный туманом, иногда – образ отца Гамлета, который встречается со своим сыном.

В голове у Цзо Вэя внезапно появилась парадоксальная мысль: «А что, если это его сын?» Но тогда он прибегал к помощи богов и прогонял эту навязчивую идею прочь: «Невозможно. Сейчас всего лишь ночь. Почему так кстати?» или «Если бы это действительно был мой сын, Цзэн Линэр обязательно сказала бы мне. А она не рассказала, значит, ей стыдно, что ребёнок не от него».

Он ничего не должен Цзэн Линэр...

После того, как её объявили правым элементом, Цзо Вэй сразу же пошёл в деканат за рекомендательным письмом для регистрации брака в уличном комитете.

– Цзо Вэй, не идите на поводу у эмоций, – декан факультета стал его отговаривать, – сейчас самое время разорвать все отношения, связывающие вас

с Цзэн Линэр. Если вы не расстанетесь, то вам придётся на ней жениться. Вы это понимаете? Вы думали о последствиях? Вас исключат из комсомола и отправят в пограничный район. Вы будете жить вдали от родителей. Вы только зря растратите свою жизнь и останетесь безызвестным...

– Ничего мне не говорите, я прошу вас, перестаньте, – Цзо Вэй крепко закрыл свои уши.

Он знал, он всё понимал. Но Цзэн Линэр его спаситель, его благодетель. Он должен отблагодарить её за доброту. Цзо Вэй вовсе не бесчувственный человек:

– Дайте мне это рекомендательное письмо, я вас прошу, я умоляю.

Рекомендательное письмо обладало удивительной особенностью: с тех пор, как Цзо Вэй положил его в карман, он точно знал, что оно находилось именно там, что в будущем с его помощью судьба Цзэн Линэр и его крепко переплетутся, что это письмо поспособствует его нравственному преобразованию, сделает доблестным героем. Но в тоже время от чувствовал душевную пустоту, у него подкашивались ноги.

Он думал, что сможет ещё больше полюбить Цзэн Линэр. Однако эта новая пылкая любовь не только не возникла в нужный момент, но и прежняя куда-то слишком быстро испарилась. Кажется, в ту самую секунду, когда он брал это письмо, она улетела, пропала, исчезла без остатка.

Цзо Вэй беспрестанно говорил себе, что Цзэн Линэр его благодетель, его спаситель, но как на зло, у него пропал к ней интерес. Он был шокирован тем, что больше уже не любит её.

Это действительно нелепо, смешно.

В небольшом сосновом лесу, растущем недалеко от университетского кампуса, он стал всё основательно обдумывать. Цзо Вэй пытался доказать самому себе, что это кратковременное явление, «сбой в системе», который случается и у людей тоже. Разве нет? У многих порой появляются в голове очень странные иллюзии. Почему тогда у него такого не может быть?

Солнце опустилось за горизонт. В лесу стало очень темно. Стоял одинокий могильный склеп. Он напоминал ему крупное животное, неизвестно с какой эпохи, которое живёт в этом густом лесом, в тишине. Человек внутри него давно уже превратился в прах. Помимо склепа, здесь был насыпан огромный пустой могильный курган. Игривый ветерок, пронесившийся сквозь сосновые ветки, исполнял свою заветную мелодию. Эта была мелодия, которая рассказывала о событиях давних времён.

И тут Цзо Вэй вдруг осознал, что это вовсе не кратковременные галлюцинации. Его любовь умерла, причём скоростижно. Отныне, что бы он теперь ни делал, это будет во имя его нравственной самореализации.

Он успокоился и подумал, что не так уж всё и плохо. Он стал другим человеком и уже давно всё выкинул из головы.

Цзэн Линэр развернула рекомендательное письмо и бессознательно стала проводить по нему своим тонким пальцем. Казалось, будто она проводит по глазам Цзо Вэя, его бровям, губам...

Она не осознавала, что происходит. Даже если бы она сейчас оказалась в объятиях Цзо Вэя, она бы подумала, что это сон, что это не на самом деле. Он всегда прикасалась к нему, чтобы убедиться, что он реален, что она действительно любима им.

Цзэн Линэр была преисполнена гаммой чувств. Опустив голову и ничего не говоря, она очень долго гладила это письмо. Очень долго...

Затем у неё из глаз, капля за каплей, потекли слёзы. Они звучно падали на листок бумаги: «Кап. Кап». Цзо Вэй вытащил у неё из рук рекомендательное письмо и, достав носовой платок, стал вытирать капавшие слёзы:

– Что с тобой, а? Теперь всё письмо в слезах.

– Прости. Ничего не могу с собой поделать. Я... Я так счастлива. Не знаю, как благодарить тебя. Ты так добр ко мне.

Это должен был быть прекрасный день. Тем не менее, они не находили слов друг для друга.

Цзо Вэй всё время суетился, что-то говорил. Он боялся. Боялся, что если остановится и замолчит, то встретится с ней взглядом:

– Посмотри, как тебе эта ткань? Из неё вышло бы великолепное платье. Только воротник надо сделать более открытым и немного пониже, чтобы была видна твоя длинная шея. Ещё было бы неплохо надеть то чёрное бархатное ожерелье с драгоценными камнями. Знаешь что? У тебя прекрасная шея. Когда ты поднимаешь свой подбородок, то эта линия, идущая прямо по ней, безумно привлекательна и изящна, как у принцессы...

«Как он может быть таким легкомысленным?!»

– Прекрасно. Эту ткань ты сам выбрал для меня?

– Конечно. Мне пришлось обегать несколько магазинов, чтобы найти её.

– Спасибо. Но я всего лишь дочь рыбака, а вовсе никакая не принцесса.

Цзо Вэй осекся. Он снова собрался с духом, достал со шкафа кремовые со звёздами туфли на высоком каблуке:

– На вот, примерь туфли. Я не стал покупать на самом высоком каблуке. Ты и так высокая. Представь, как бы выглядел мужчина, если бы ему приходилось становиться на цыпочки, чтобы поцеловать собственную жену? – Цзо Вэй громко рассмеялся.

Цзэн Линэр не отреагировала. Она сидела неподвижно.

Цзо Вэй взял туфли и встал перед ней на колени, чтобы переобуть:

– Я тебе скажу, что многие мужья, будучи уже много лет женаты, так и не знают размер обуви своей жены. Но я знаю твой. Тебе не кажется, что я идеальный и исключительный муж?

Но Цзэн Линэр остановила его руку и не дала снять обувь. Она тихонько попросила:

– Поцелуй меня...

Одно мгновение Цзо Вэй колебался, лишь мгновение, едва ощутимое. Возможно, в тот момент его внимание было приковано к туфлям.

Он прислонился к Цзэн Линэр, заглянул в её глаза. Казалось, в них затаился страх. Он уклонился от этого взгляда. Цзо Вэй с трудом заставил себя не думать о тех страхах. Он торопливо её поцеловал.

Неприятный привкус горечи ощущался на её губах. Было заметно, что она питается кое-как, плохо спит. Казалось, что всё вокруг выглядело заброшенным.

Он заколебался:

– Тебе сварить кофе?

– Нет, не оставляй меня.

Цзо Вэй никогда не слышал, чтобы Цзэн Линэр говорила таким суровым голосом, будто бы они расстаются навеки. Он развернулся, сел на колени возле её ног и спросил:

– Что с тобой?

– Ты всё ещё любишь меня? – она смотрела на него не отводя глаз.

– Не говори глупостей. Я даже получил рекомендательное письмо для нашей свадьбы. Мы собираемся пожениться.

– Но любовь нельзя приравнивать к браку.

Это её недостаток. Она любит размышлять. Это мило, если она только твоя девушка. Но если она станет женой, то это будет невыносимо.

Раньше она никогда не спрашивала его, любит ли он её. Она даже не спрашивала тогда, когда ходила за ним, словно тень.

Теперь же, когда он с небывалым энтузиазмом, приложив неимоверные усилия, попытался заполнить образовавшийся зазор в их отношениях, она упрямо спросила: «Ты меня любишь?»

Уголки его рта сильно искривились, глаза перестали излучать радость:

– Если я не говорю, то я люблю тебя. Если бы я тебя не любил, я бы сказал. Знаешь это? Это шутка одного американца по фамилии Джонсон».

– Такой вариант мне не подходит. Я хочу услышать ответ от китайца по имени Цзо Вэй, – она выдавила добрую, но равнодушную улыбку, – я тоже хочу рассказать один анекдот, правда, пока не могу. Было бы хорошо, если бы смогла.

Наступило долгое молчание.

– Почему ты стала такой недоверчивой? Раньше ты такой не была.

Цзо Вэй потерял терпение. Он внезапно вспыхнул, разбил почти все чашки. Казалось, будто он впал в истерику.

– Раньше мы оба не были такими, – наклонившись, она стала подбирать разбитые осколки, – давай прекратим ругаться. Послушай, возможно в будущем у нас не будет и таких дней. Тогда мы, наверное, будем сожалеть... да...

Осколок стекла порезал её палец.

– Что ты имеешь в виду? – Цзо Вэй взял её палец и стал слизывать льющуюся кровь. Цзэн Линэр сквозь слёзы смотрела на него улыбающимися глазами.

– Я действительно хочу снова порезать палец.

– Глупышка!

Она положила голову ему на плечо. и так они, не двигаясь, просидели до самого вечера.

– Сегодня я никуда не пойду.

В сгустившихся сумерках её голос был необычайно нежен, но через мгновение его поглотила ночь.

Цзэн Линэр понадобилась всего одна ночь, чтобы завершить образ замужней женщины.

Цзо Вэй с изумлением смотрел, как она с невозмутимым видом взяла заколку и, сделав из своих косичек начёс, закрепила их на затылке. Видел, как она ходила туда-сюда по комнате, продумывая детали плана и как, ни проронив ни слова, стала приводить в порядок своё платье. Он почувствовал во всём этом что-то необычное.

Он не мог себе представить вчерашнюю холодную Цзэн Линэр. Неужели они потом и правда плакали, как дети? Неужели она и правда смотрела на него так, будто хотела забрать его душу?

– Отдай мне то рекомендательное письмо, – Цзэн Линэр говорила в приказном тоне. – Хорошо. Хочу, чтобы мы пошли на балкон, – снова скомандовала она.

Было совсем рано. Ещё не доносился стрекочущий звук цикад, скрывающихся в листве. Солнце только-только коснулось верхушек деревьев, окрасив их в красный. «Дин-дон» – доносился звук стеклянных бутылок с молоком, которые развозил старый молочник, восседая на своей трёхколёсной тележке. Капли утренней росы, замёрзшие на лепестках цветов, траве и деревьях, стали приходить в движение, скатывались вниз. Вдали послышался будто бы свисток, оповещающий о конце рабочего дня...

– Надеюсь, ты запомнишь это утро.

Она не сказала, что надеется, что он запомнит вчерашний вечер. Потом она выразительно на него посмотрела, встала и пошла. Остановившись у противоположной стороны балкона, она быстро порвала в клочья рекомендательное письмо для регистрации их брака. Цзо Вэй ринулся к Цзэн Линэр, в надежде отобрать его, но Цзэн Линэр выставила прямую руку за пределы балконного ограждения. Лёгкий ветерок, проносящийся мимо её руки, сдул все до единого обрывки этого письма.

Крохотные бумажные обрывки. Колышущиеся на ветру, будто хлопья снега или оседающая пыль, они падали прямо в лесную рощу, будто плавали в воздухе.

– Смотри, они будто снежинки, готовые тотчас же растаять, – через силу она пыталась улыбнуться.

Из-за того, что она не спала ночь, у неё под глазами образовались чёрные круги, лицо побледнело, прямо-таки живой труп.

– Мы уже поженились, ты выполнил свой долг. Мы можем со спокойной совестью расстаться.

Цзо Вэю хотелось то ли громко смеяться, то ли горько плакать. Он никогда бы не смог описать то ощущение свободы, охватившее всего его.

Он понял причину тех взаимных рыданий прошлой ночью. Цзэн Линэр знала, что они разлучаются навеки.